

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

2(12)'2015

Международный научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-56513 от 24.12.2013 г.
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-0740 (Print); 2311-0759 (Online) от 23.12.2013 г.
- Включен в каталог ОАО Агентство «Роспечать». Подписной индекс 70771
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Материалы журнала размещаются на сайте Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740

© Саратовский государственный
университет, 2015

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Польша, Ополе)
В. Е. Гольдин, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Украина, Харьков)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Израиль, Хайфа)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Россия, Волгоград)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (США, Беркли)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Литва, Каунас)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Витебск)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Финляндия, Хельсинки)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Минск)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Австралия, Канберра)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Австрия, Вена)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Россия, Красноярск)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Новосибирск)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Казахстан, Павлодар)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (КНР, Пекин)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Россия, Великий Новгород)

Ответственный секретарь

Н. Б. Степанова, кандидат филол. наук, доцент (Россия, Саратов)

Editor-in-Chief

V. V. Dementyev, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Deputy Editor-in-Chief

L. V. Balashova, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Editorial Board:

V. M. Alpatov, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

E. G. Elina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Stanisław Gajda, Ph.D., Prof. (Poland, Opole)

V. E. Goldin, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

O. I. Goroshko, Ph.D., Prof. (Ukraine, Kharkov)

V. I. Karasik, Ph.D., Prof. (Russia, Volgograd)

Robin Lakoff, Ph.D., Prof. (USA, Berkeley)

T. V. Larina, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Lithuania, Kaunas)

V. A. Maslova, Ph.D., Prof. (Belarus, Vitebsk)

Mei Huang, Ph.D., Prof. (China, Beijing)

Arto Mustajoki, Ph.D., Prof. (Finland, Helsinki)

B. Y. Norman, Ph.D., Prof. (Belarus, Minsk)

Bert Peeters, Ph.D., Prof. (Australia, Canberra)

V. V. Prozorov, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Renate Rathmayr, Ph.D., Prof. (Austria, Vienna)

T. V. Shmelyova, Ph.D., Prof. (Russia, Velikiy Novgorod)

O. B. Sirotinina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

A. P. Skovorodnikov, Ph.D., Prof. (Russia, Krasnoyarsk)

T. I. Steksova, Ph.D., Prof. (Russia, Novosibirsk)

Z. K. Temirgazina, Ph.D., Prof. (Kazakhstan, Pavlodar)

Maria Yelenevskaya, Ph.D., Prof. (Israel, Haifa)

Executive Secretary

N. B. Stepanova, Ph.D., Assoc. Prof. (Russia, Saratov)

СОДЕРЖАНИЕ

О Международном журнале «Жанры речи»	8
--	---

Общие проблемы теории речевых жанров

В. В. Дементьев Саратов, Россия	Интертекстуальный аспект речевых жанров	9
В. Гладров Берлин, Германия, Е. Г. Которова Зелёна-Гура, Польша	Контрастивное изучение моделей речевого поведения	27
С. В. Мкртычян Тверь, Россия	Об альянсе стиля и жанра	40

Переводы

Дебора Таннен Джорджтаун, США	«Мы никогда не были близки, мы очень разные»: три типа нарратива в дискурсе сестер (Перевод О. Н. Дубровской) 48
---	--

Исследования отдельных жанров

Н. В. Орлова Омск, Россия	Энциклопедическая статья: три дискурса одного жанра	63
Л. Б. Никитина, К. Ю. Малышкин Омск, Россия	Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки	72
Е. В. Осетрова Красноярск, Россия	Слухи в парадигме лингвистической генристики	80
В. И. Жельвис Ярославль, Россия	Богохульство как речевой жанр	90

Жанры в художественном творчестве

В. П. Москвин Волгоград, Россия	Речевой жанр хрии: история изучения и типология	96
С. Г. Воркачев Краснодар, Россия	Аксиология дефицита интеллектуальной способности в афористике	105
О. В. Сахарова Киев, Украина	Жанры и роли (к вопросу о жанровой организации драматургического дискурса)	112

Интернет-жанры

Е. И. Горошко, Т. Л. Полякова Харьков, Украина	К построению типологии жанров социальных медий	119
Э. Лассан Каунас, Литва	Об обрядовых жанрах Интернета (на примере поздравительных текстов, связанных с появлением новорожденного)	128

Рецензии. Хроника

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

От мастерства жанроведа к открытиям в лингвистике текста
(Рецензия на книгу: *Тураева З. Я.* От мастерства писателя
к открытиям читателя: в поисках сущности текста
(М.: ЛЕНАНД, 2016. – 144 с.)137

Правила представления авторами рукописей в журнал «Жанры речи» 140

CONTENTS

About the International Journal «Speech Genres»	8
--	---

General problems of the speech genres theory

V. V. Demytyev Saratov, Russia	Intertextual aspect of speech genres	9
W. Gladrow Berlin, Germany, E. G. Kotorova Zielona Góra, Poland	Contrastive study of speech behavior patterns	27
S. V. Mkrtytchian Tver, Russia	On style-genre partnership.....	40

Translations

Deborah Tannen Georgetown, USA	“We’ve never been close, we’re very different”: three narrative types in sister discourse (<i>Russian translation by O. N. Dubrovskaya</i>)	48
--	---	----

Studies of individual genres

N. V. Orlova Omsk, Russia	Encyclopedic article: Three discourses of one genre	63
L. B. Nikitina, K. Yu. Malyskin Omsk, Russia	The speech genre of a scientific review: A view at the assessment assertiveness	72
Y. V. Osetrova Krasnoyarsk, Russia	Rumors in the paradigm of linguistic genristics.....	80
V. I. Zhelvis Yaroslavl, Russia	Blasphemy as a speech genre	90

Genres in art

V. P. Moskvina Volgograd, Russia	The speech genre of chreia: Historical background and typology	96
S. G. Vorkachev Krasnodar, Russia	The axiology of intellectual capacity deficit in aphoristic utterances	105
O. V. Sakharova Kiev, Ukraine	Genres and roles (The genre structure of drama discourse revisited)	112

Internet genres

O. I. Goroshko, T. L. Poljakova Kharkov, Ukraine	The construction of genre typology of the social media	119
E. Lissan Kaunas, Lithuania	On the Internet genre of ritual (based on new baby greetings)	128

Reviews. Chronicle

V. V. Dementyev Saratov, Russia	From the mastery of a speech genre researcher to discoveries in text linguistics (Book Review: Turaeva Z. Ya. <i>From the writer's mastery to the reader's discoveries: In search of the essence of the text.</i> Moscow: LENAND, 2016. 144 p.)137
Guidelines for Manuscript Submission	140

О Международном журнале «Жанры речи»

В Национальном исследовательском Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского с 2013 г. издается **Международный журнал «Жанры речи»**, посвященный проблеме речевых и коммуникативных жанров, актуальным направлениям изучения речевых жанров.

Главная задача журнала – по возможности представительно отражать общее состояние теории речевых жанров в России и мире, представлять наиболее актуальные направления изучения речевых жанров.

По замыслу редакционной коллегии журнала, много внимания будет уделяться как общетеоретическим проблемам жанроведения, так и конкретным речевым жанрам. В журнале будут печататься статьи по проблемам теории речевых жанров: типология жанров и жанровых форм, жанры в связи с языком, культурой, языковой картиной мира, языковой личностью, художественным творчеством, СМИ, сопоставительное изучение речевых жанров и др.

Журнал создан на базе получившего широкую известность в России и за рубежом серийного тематического **сборника научных статей «Жанры речи»** (Саратов ; Москва, 1997–2012. Вып. 1–8).

Редколлегия сборника «Жанры речи» пыталась привлечь всех авторов, кто когда-либо высказывал содержательные и оригинальные соображения по жанровой организации речи.

В выпусках сборника был представлен целый ряд исследователей из разных научных центров России и зарубежья, и прежде всего – Саратова. В сборнике представлены также работы исследователей из таких научных центров России, как: Астрахань, Балашов, Белгород, Великий Новгород, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижний Тагил, Омск, Орел, Пенза, Пермь, Самара, Санкт-Петербург, Тверь, Уфа, Челябинск, Элиста, Ярославль; а также ближнего (Вильнюс, Киев, Львов, Минск, Симферополь, Харьков) и дальнего зарубежья (Базель, Беркли, Бохум, Канберра, Ополе, Хельсинки). В статьях, опубликованных в различных выпусках сборника, рассматриваются как общетеоретические проблемы жанроведения, так и конкретные речевые жанры.

В состав редколлегии в различные годы входили: В. Е. Гольдин (отв. ред. вып. 1–3), В. М. Алпатов, Л. В. Балашова, В. В. Демен-

тьев (отв. секретарь вып. 1–3, отв. ред. вып. 4–8), В. И. Карасик, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротина, Н. Б. Рогачёва / Степанова (отв. секретарь вып. 5–7), М. Ю. Федосюк, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелёва.

С 1997 г. вышло 8 выпусков «Жанров речи», посвященных таким проблемам, как «жанр и концепт», «жанр и культура», «жанр и язык», «жанр и языковая личность», «жанр и творчество» (последний посвящен памяти проф. К. Ф. Седова (1954–2011)).

Преемственность журнала «Жанры речи» по отношению к сборнику редколлегия подчеркивает сохранением нумерации: первый номер журнала является одновременно девятым выпуском сборника.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи **до 1 июня и 1 декабря** каждого года.

Издатель и редакционная коллегия журнала «Жанры речи» в равной степени несут ответственность за издание журнала. Издатель имеет право нанимать и увольнять редакторов и принимать важные коммерческие решения, которые требуют активного участия со стороны редактора. Редакционная коллегия обращает внимание на то, соответствуют ли определенные исследования этическим нормам и может ли их публикация нанести вред читателям или интересам самого журнала, и несет полную ответственность за определение редакционного содержания журнала. Редакционная коллегия также побуждает рецензентов к проведению тщательных проверок рукописей на оригинальность и любой тип потенциальных нарушений научной этики.

Контакты. Почтовый адрес журнала «Жанры речи»: 410012, Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики (ком. 207), главному редактору Дементьеву Вадиму Викторовичу или ответственному секретарю Степановой Наталье Борисовне.

Телефон: (8452)-21-06-24 (кафедра)

Факс: (8452) 21-06-44

E-mail: Zhanry-Rechi@yandex.ru,
dementevvv@yandex.ru.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'38'42
ББК 81

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Dementyev
Saratov, Russia

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

INTERTEXTUAL ASPECT
OF SPEECH GENRES

Аннотация. В статье обсуждается один из наиболее принципиальных и еще далеко не осмысленных до конца аспектов речевых жанров – интертекстуальный. Показано интертекстуальное содержание идеи речевого жанра М. М. Бахтина: РЖ как формы «чужого слова», при этом наиболее значимым считается понятие вторичного речевого жанра (диахроническая речезанровая вторичность), предлагается несколько классификаций вторичных РЖ на интертекстуальной основе. Обсуждаются отношения между вторичными РЖ и вторичными текстами, в том числе нейтрализация различий между ними в лингвистической и нелингвистической рефлексии. Рассматриваются также интертекстуальность в метафорических номинациях РЖ и в историческом формировании речезанрового нарратива (анекдоты и прозвища). Отдельно рассматривается связь речевого жанра и интертекстуальности в явлении лингвокреативности.

Ключевые слова: речевой жанр, интертекстуальность, вторичный РЖ, вторичный текст, речезанровая диахрония, метафора, лингвокреативность.

Abstract. This article discusses intertextuality, a critical but still an under-researched aspect of speech genres (SG). We focus on the intertextual content of Michael Bakhtin's concept of the SG which he viewed as the «word of the other». The concept of a secondary genre (in terms of the diachronic nature of the SG) is shown as essential and several classifications of secondary SGs based on intertextuality are proposed. We explore relations between secondary SGs and secondary texts and analyze how differences between them are neutralized in linguistic and non-linguistic reflections. We will also look into intertextual relations in the metaphor as used in SGs and into the historic evolution of the SG narratives (e.g., jokes and nicknames). Finally, we trace the ties between the SG and intertextuality in linguocreativity.

Key words: speech genre, intertextuality, secondary speech genre, secondary text, speech genre diachrony, metaphor, linguocreativity.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky.

0. Введение

Представление об интертекстуальном аспекте речевых жанров присутствует уже в философии М. М. Бахтина. И понятие речевого жанра, и понятие интертекстуальности относились к наиболее приоритетным у ученого, который в своей программной статье «Проблема речевых жанров» подчеркивал интертекстуальность любого высказывания, любого текста – как принадлежность их (слов в них) «другим» авторам, «чужесть» (хотя, естественно, не использовал термин *интертекстуальность*, который был введен позже – кстати, последовательницей Бахтина Ю. Кристевой): «Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степе-

ни чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [1 : 193]. В этом смысле интертекстуален и РЖ – как форма высказывания, а тем самым – форма этого самого «чужого слова». С одной стороны, сами эти формы, т.е. собственно РЖ, тоже «чужие»: принадлежат не говорящему / пишущему, а многим и многим «другим авторам» до него; с другой стороны, используя тот или иной РЖ, говорящий вспоминает, что в примерно такие же формы в примерно таких же ситуациях отливали свои высказывания эти «другие».

Однако эта идея (как многие бахтинские идеи – см. [2]) не получила окончательного развития в работах самого Бахтина: не оформилась в виде модели, пригодной для

практической работы с материалом (который, как и любой реальный языковой / речевой материал, обязательно будет в одних отношениях гомогенным, в других – противоречивым и негомогенным).

Работа над такой моделью в основном осуществлялась уже последователями Бахтина – современными лингвистами; однако результаты этой работы, на наш взгляд, еще нельзя считать по-настоящему удовлетворительными.

1. Классификация вторичных речевых жанров

По нашему мнению, в концепции Бахтина понятия речевого жанра и интертекстуальности наиболее близко сходятся в принципиально важном для данной концепции понятии *вторичного речевого жанра*:

«Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т.п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни» [1 : 161–162].

Следует подчеркнуть, что из этого – признания значимости вторичного РЖ, в таком понимании его природы, – исходят многие последователи Бахтина, которые анализируют связь речевого жанра и интертекстуальности [3–5]. В некоторых исследованиях обсуждаются отношения понятий вторичного РЖ и *вторичного текста*, который считают центральной единицей интертекстуальности большинство исследователей, изучающих данную проблему [6 ; 7].

В целом в современной теории между вторичными речевыми жанрами и вторичными текстами усматривается как общее, так и различное.

Общим является то, что и те, и другие заимствуют некоторые важные моменты у соответствующих первичных текстов и жанров (что позволяет усматривать между членами

обеих пар своеобразные диалогические отношения, подобные отношениям между репликами в разговоре; кстати, обусловленность диалогом всех важнейших речевых и даже языковых структур – одна из ключевых идей Бахтина).

Различия состоят, прежде всего, в том, что в случае вторичных речевых жанров заимствуются гораздо более абстрактные вещи, чем в случае вторичных текстов: структуры и отношения, в которые вступают языковые / речевые / текстовые единицы, но не сами эти единицы.

Ср. признаки вторичного РЖ, которые считает наиболее существенными Н. Б. Рогачева (она говорит только о вторичных РЖ интернет-коммуникации, но, представляется, определение это легко может быть расширено до любой «вторичной», т.е. опосредованной социально или идеологически, сферы общения): «Вторичный речевой жанр <...> представляет собой структурно-содержательную модель организации и интерпретации речи, которая находится в отношениях производности со структурными моделями речежанрового типа непосредственной или любой другой интернет-коммуникации (существующими в коммуникативной компетенции носителя языка в активном или пассивном виде), заимствуя у них значимые моменты структурной организации, порождения и интерпретации речи. Для данной модели не являются существенными влияние конкретных произведений, авторов и тематический (предметный) ряд: отношения производности между первичными и вторичными речевыми жанрами существуют только на уровне речевых структур <разрядка моя. – В. Д.> [5 : 3].

Конечно, одним из наиболее принципиальных является вопрос, как связаны с интертекстуальностью и вторичными текстами разные типы вторичных речевых жанров.

Это выводит нас на проблему классификации вторичных РЖ, которую считаем полезным рассмотреть подробнее, прежде всего потому, что многие существующие классификации вторичных РЖ имеют самое непосредственное отношение к интертекстуальности, более того: выделяемые в данных классификациях типы вторичных РЖ противопоставляются именно по степени их интертекстуальности.

(Тоже очень важный вопрос о том, как относятся к вторичным жанрам разные типы вторичных текстов, а тем самым – *жанры* вторичных текстов, и, соответственно, существующие классификации вторичных текстов здесь не рассматриваются по одной причине: различные типы вторичных текстов гораздо лучше описаны в лингвистической, шире – филологической традиции. Естественно, и *рецензия*, и *компиляция*, и *паро-*

для, с одной стороны, жанры, причем вторичные, с другой – вторичные тексты, однако, например, нельзя говорить, что *отзыв оппонента* относится к *диссертации*, на которую он написан, как вторичный жанр к первичному: диссертация сама является вторичным РЖ.)

Из работ последнего времени, где решаются эти вопросы, следует назвать докторскую диссертацию Е. В. Бобыревой [4], посвященную религиозному дискурсу (на материале текстов *молитв, проповедей, акафистов, притч, псалмов, пасторских обращений, хвалебных молитвословий* на русском и английском языках). Исследовательницей проанализированы жанры и отдельные внутрижанровые коммуникативные стратегии религиозного дискурса, среди которых ею выделяются по признаку прямой либо ассоциативной связи с исходным библейским текстом первичные жанры религиозного дискурса (*псалмы, притчи, молитвы*) и вторичные жанры (*проповеди, исповеди*). Как видим, исследовательница имеет в виду жанры, прямо и опосредованно связанные с текстом Библии, однако при таком делении речевых жанров религиозного дискурса на первичные и вторичные Е. В. Бобырева, думается, значительно отходит от принципов, сформулированных Бахтиным, который, по-видимому, вообще исключал возможность выделения жанров на основе текстовой тематики (в частности, трудно согласиться с тем, что *притча* – это первичный РЖ, а *молитва* – вторичный).

Подчеркнем, что в большинстве существующих классификаций противопоставление вторичных РЖ основано на том, какого рода связь сохраняется у вторичного жанра с соответствующим первичным (возможен ли «возврат» к первичному жанру или данная связь существует только на периферии жанрового сознания коммуникантов – как своеобразная «память жанра»), т.е. строятся на диахроническом или синхроническом основании.

С этой точки зрения, могут быть выделены три разных направления, в которых решается проблема первичных и вторичных речевых жанров в жанроведении.

1. Первое направление, наиболее близкое по духу к идеям Бахтина, понимает вторичный РЖ как онтологически производный от первичного [3 ; 4 ; 7–14]. Вторичный РЖ отличает от первичного сфера функционирования, или стилистическая обработка. Так, согласно Н. В. Орловой, одним и тем же речевым словом обозначаются *признание в суде и признание в любви; исповедь в церкви, исповедь, адресованная близкому человеку, и исповедь как жанр публицистики* (ср. «Исповедь на заданную тему» Б. Н. Ельцина). В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Ср. *бытовую угрозу и ультиматум, просьбу и ходатайство*, речевые действия, выра-

жаемые глаголами *полицать и ругать*. «Очевидно, – пишет Н. В. Орлова, – что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного <в РР> и вторичного <в книжных стилях> жанров М. М. Бахтина» [15 : 51–52]. В отношениях первичных ~ вторичных речевых жанров состоят, например, *молитва* и *просьба; шутка*, бытующая в разговорном общении, и книжные *бурлеска* и *велелизм* (см. [16]); экзаменационный и риторический вопросы – и *информативный диалог* (make-know discourse); *обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины* (make-believe discourse) – и «Диалог» Платона [17 : 52–53]. В работе [18] доказывается генетическая производность *опровержения* в институциональном дискурсе от *возражения* в обиходном дискурсе. Вл. Барнет усматривает «отношения производности» между письменными и соответствующими устными жанрами научной речи (например, жанр устного реферата можно рассматривать как производный от жанра письменного реферата): «Со значительными ограничениями такое утверждение действительно применимо к отношению “раздел монографии – лекция”, “рецензия – дискуссионное выступление” и вызывает сомнение в отношении пары “инструкция – консультация”, отношение которых является в значительной степени свободным» [19 : 129].

Думается, можно считать доказанным, что новая сфера общения всегда порождает вторичные РЖ.

В то же время нам представляется, что меняется не столько сфера, сколько общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями. Есть все основания полагать, что наши предки в дописьменный период не различали РЖ *спор* и *ссора* (по данным диалектологов, это свойственно и современным носителям диалекта [20]). Впрочем, за это время *спор* настолько отошел от *ссоры*, что уже не воспринимается как вторичный РЖ. Вполне возможно, что подобные отношения связывают *брань* и *рукоприкладство, комплимент* и *поцелуй, извинение* и *объяснение, поздравление* и *зов*. Связь *молитвы* с *благодарностью* или *просьбой* уже гораздо более очевидна, тем более – *дипломатической ноты* с *угрозой, дружеской лирики* (например, А. С. Пушкина) с *дружеской беседой*.

По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения – близость, статус; канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло со *светской беседой*, если сравнить ее с *болтовней* или *сплетнями*, или с жанрами виртуального общения (*блог, форум, чат*), если сравнить их с *перепиской, дневником, обменом записочками*, наконец, *дружеской беседой*). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает, порождает один или целую серию запретов.

Меняться могут и более абстрактные вещи, например, само представление о межличностной

близости, автономии и других правах и потребностях личности, уважении к собеседнику, допустимом и недопустимом, «хорошем» и «плохом» в речи.

2. Вторичный РЖ понимается как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт). Многие современные исследователи видят в РЖ тип не высказывания, а текста, рассматривают текстовую структуру разных жанров и выделяют, в зависимости от степени сложности этой структуры, типы жанров: например, М. Ю. Федосюк выделяет «элементарные» и «комплексные» жанры [21 : 104], А. Г. Баранов [22 : 8] и Ст. Гайда – «простые» и «сложные» [23].

В этой связи ср. схему, которую М. Н. Кожина предлагает по вопросу о соотношении РЖ и РА: РА и первичный РЖ (как элементарные речевые единицы при первом шаге, ступени анализа речи) → вторичный РЖ (как сложный РЖ, исследуемый на следующей ступени анализа речевого континуума и проблемы речевых жанров) [24: 59]. Эта схема приводит исследовательницу к выводу, что положение о том, что РЖ есть отечественный аналог РА, лишь в какой-то мере справедливо относительно первичных РЖ, но не вторичных.

В данном направлении вторичность РЖ понимается, в общем, как аспект структуры жанра, а именно: как сложность данной структуры. Именно «композиция РЖ» (согласно Бахтину, – «определенные типы построения целого, типы его завершения, типы отношения говорящего к другим участникам речевого общения» [1 : 179]) традиционно считалась важнейшим аспектом высказывания. Данное направление жанроведения активно использует достижения лингвистики текста, в которой РЖ обычно понимается как системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом.

3. Третье направление относится ко второму примерно так же, как в лингвистике текста модели «вертикального» типа, обеспечивающие цельность текста, относятся к «горизонтальным» моделям, обеспечивающим, главным образом, связность речевых произведений.

Данное направление связывает первичные и вторичные РЖ с уровнями абстракции текстовой деятельности. Так, А. Вежбицка говорит о «речевом жанре», «речевом акте», «иллюкутивном компоненте» [25 : 109]. А. Г. Баранов предлагает иерархию из пяти моделей: «текстотип», «суб-тип», «жанр», «когнио-тип», «текст» [22]. К. Ф. Седов опирается на иерархию из трех сущностей («гипержанр», «жанр», «суб-жанр») [26].

Очевидно, что у этих трех пониманий вторичного РЖ, существующих в современном жанроведении, отношение к вторичным текстам / интертекстуальности имеет только

первый – диахронический, который, повторыем, наиболее соответствует духу концепции Бахтина.

Ср. систематизацию концепций вторичного РЖ, приводимую в кандидатской диссертации Н. Б. Рогачевой: деление на синхронные и диахронические вторичные РЖ является центральным в данной систематизации:

1. **Диахроническая** речевжанровая вторичность предполагает отношения последовательности во времени между первичными и вторичными жанрами. К данному типу относятся следующие модели, изучаемые лингвистами:

1.1. противопоставление речевых и риторических жанров (по О. Б. Сиротининой): первые используются спонтанно, вторые предполагают сознательное планирование, «выстраивание» речи и отбор языковых средств;

1.2. противопоставление выучиваемых и невыучиваемых жанров (по К. Ф. Седову);

1.3. противопоставление жанров «верхнего» (жанры официального общения) и «нижнего» (жанры повседневной, бытовой коммуникации) уровней текстовой деятельности (Ю. М. Лотман, К. Ф. Седов);

1.4. противопоставление прямых и косвенных жанров.

2. **Синхроническая** речевжанровая вторичность предполагает различия между первичными и вторичными жанрами не в историческом, а в структурном аспекте:

2.1. противопоставление текста (сложного, вторичного РЖ) и высказывания как его компонента (простого, первичного РЖ); соответственно выделяется особый тип вторичных РЖ – сложные компонентные вторичные речевые жанры;

2.2. противопоставление речевого жанра и речевого акта;

2.3. противопоставление монологической и диалогической форм речи;

2.4. выделение жанров и жанровых явлений разных уровней абстракции текстовой деятельности [5 : 4–6].

В целом решение проблемы вторичных РЖ имеет большое объяснительное значение для более общих вопросов лингвистики / филологии – истории языка, отношения языка и речи / коммуникации, отношения речи художественной и нехудожественной. Вторичные РЖ оказываются необходимым объясняющим инструментом при обращении к истории языка, истории речи и коммуникативной культуры.

История РЖ (и история языка), несомненно, относится к актуальным проблемам теории речевых жанров. Само по себе исследование эволюции жанра является исследованием по истории языка: можно проследить во времени и конвенционализацию различных жанровых форм, и – тем самым – становление явлений, концептуализирован-

ных лексикой и грамматикой языка из первоначальных синкретических коммуникативных смыслов. Ср. у М. М. Бахтина: «Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, – это приводные ремни от истории общества к истории языка. Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [1 : 165].

Исторически речевая системность всегда предшествует языковой, т.е. язык в целом идет ЗА жанрами (ср. положение Соссюра о том, что исторически речь всегда предшествует языку [27 : 57]). Изменения появляются и закрепляются вначале как речевые / жанровые правила. Затем конвенционализированные узуальные формы могут перейти в языковую норму. Так, конвенциональные косвенные просьбы – это уже «почти язык»: «Прагматические значения, которые получают языковые элементы речи, имеют тенденцию к закреплению, поскольку людям свойственно в своей речевой мыслительной деятельности использование динамического стереотипа. Благодаря узусу прагматическое значение закрепляется как одно из значений данного языкового элемента в социуме. Это значение может быть переносным с семантической точки зрения, но прямым, не косвенным – с прагматической, так как его использование определяется уже не только конкретными условиями данного акта речи» [28: 565].

Критика с этой стороны «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой, включающей лишь параметр «языковое воплощение РЖ» [29], в определенном смысле совпадает с критическим замечанием Ю. М. Лотмана в адрес «семиотической модели языка» Р. Якобсона (согласно этой модели, язык тождествен «коду»). Мнение Ю. М. Лотмана таково, что язык – это код плюс его история: «Фактически подмена термина “язык” термином “код” совсем не так безопасна, как кажется. Термин “код” несет представление о структуре, только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т.е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще» [30 : 13]. Изучение одного только «языкового воплощения РЖ» в современной речи значительно обеднило бы понимание РЖ, поскольку такое изучение по сути ориентировано на искусственный язык, идеальную модель языка. Зато много информации в этом плане предоставляют нам историко-культурные и этимологические данные

[31 ; 32 : 103–117], что вновь возвращает нас к проблеме интертекстуальности.

2. Вторичный РЖ как метафора

В теоретическом плане данное сближение представляется оправданным: диахронические вторичные РЖ, у которых отношение между вторичным и соответствующим первичным жанром может быть понято как изменение во времени, некий процесс, у которого могут быть усмотрены и причины, и более или менее объективные основания, и определенные механизмы, действительно близки к феномену *метафоры* (где отношение между переносным и соответствующим прямым значениями тоже может быть представлено как диахронический процесс).

Как отмечает Н. Б. Рогачева, исследующая вторичные РЖ интернет-коммуникации и сравнивающая их с соответствующими первичными РЖ неинтернет-коммуникации, когда носитель языка вступает в интернет-коммуникацию и начинает осваивать ее жанровые нормы, в его сознании уже существуют модели жанров неинтернет-коммуникации, т.е. его первичная речежанровая компетенция включает знание о правилах общения в рамках таких жанров (даже если человек никогда не пользовался некоторыми жанрами, например, не вел дневник, не писал «бумажных» писем и т. п.). Соответственно, освоение правил и норм жанров новой сферы осуществляется через призму первичной речежанровой компетенции, в результате чего формируется отчетливая связь между первичными жанрами неинтернет-коммуникации и вторичными жанрами интернет-коммуникации – «память жанра». Эта «память жанра» наиболее очевидно проявляется тогда, когда для именованья новых вторичных жанров используется то же слово, что и для старых, например, рус. *интернет-дневник*, *Живой Журнал*, англ. *web log*, *Live Journal*, *chat* (первонач. ‘болтать’ или ‘болтовня’). Более опосредованно и менее очевидно эта связь, отношения производности проявляются на абстрактном уровне речевых структур, моделей. [5 : 5].

Поэтому при изучении диахронических вторичных РЖ использование некоторых положений и методик теории метафоры, гораздо более детально разработанной в лингвистике (прежде всего – в лексической семантике), представляется полезным, причем не только с точки зрения собственно номинации, т.е. при осмыслении имен соответствующих жанров, но и при выявлении и систематизации многих текстовых и коммуникативных речежанровых моментов.

Покажем это на примере одного явления, которое, с одной стороны, в новейший период существенно расширило границы своего исконного бытования (тем самым с неизбежностью трансформировалось – а поскольку

это изначально было явление речежанрового типа, развились вторичные РЖ); с другой стороны, в номинации данного явления развились многочисленные и разнообразные метафоры.

Имеем в виду метафоры выражения *по душам*, которые интересно и полезно рассмотреть в связи с трансформациями называемого ими явления – жанра *разговора по душам*.

Материалом послужили публикации в современной русской прессе (российские и русскоязычные зарубежные издания), собранные и обработанные при помощи корпусно-поисковой системы Integrum (6328 источников за период с 1992 по 2009 гг.). Система выдала **29965** контекстов с *по душам*, значительную часть которых представляют метафоры.

Анализ показывает, что выражение «*по душам*» наиболее регулярно используется в переносных, метафорических значениях по отношению к сферам, формам и типам общения, существенно **отличающимся** от жанра *разговор по душам*, организованного следующими доминантами: это гармоничное общение, принадлежащее неофициальной сфере непосредственной устной спонтанной коммуникации, основная коммуникативная цель которого состоит в установлении или укреплении межличностной близости, моральной поддержке, обмене важной личностной информацией. Соответственно, если посредством выражения *по душам* называются типы общения, принципиально отличающиеся от организованного данными доминантами, то это **метафоры**. Следует подчеркнуть, что выражение *по душам* в этом значении мы рассматриваем терминологично, несмотря на асимметрию обиходного и терминологического значений слов: от обиходного значения сочувственного, проникновенного и умильного взаимопонимания с определенным подтекстом производно терминологическое значение одного из речевых жанров. Такая асимметрия – распространенное у имен речевых жанров явление, при этом связь между номинацией, лежащей в основе термина, и самим термином может теряться [33]. В выражении *по душам*, кроме того, терминологическая сложность усиливается тем, что по происхождению это образное выражение, в свою очередь, основанное на метафорическом употреблении лексемы *душа*.¹

¹ О том, что при осмыслении и метафорическом переосмыслении выражение «*по душам*» выступает как интертекстуальный феномен, свидетельствуют следующие контексты, где *по душам* фактически приравнивается к прецедентному тексту через посредство выражений *как говорится / что называется* (в примерах ниже немаловажную роль при записи играют и кавычки):

А заодно – воспользоваться моментом и просто поговорить, что называется, по душам с вдумчивым, основательным человеком. Юрий Заболев: «Мы – бурлаки на Лене». Наше Время (Якутск); 28.12.2007;

• Так, по-видимому, нельзя считать ни метафорой, ни метонимией случаи, когда РпД используют, пытаясь таким образом чего-то добиться от собеседника (начальника, чиновника): например, РпД – почти идеальное средство установить гармоничные, доверительные отношения:

Хорошее время для визитов к начальству: безобидный разговор «по душам» с шефом поможет ему составить о вас вполне благоприятное впечатление. Коммерсантъ-daily; 14.08.1998.

Кроме того, РпД могут использовать сами представители власти, «общаясь с людьми из народа», например, чувствуя ветерана, национального героя:

Президент отложил все дела, чтобы провести Александра Исаевича, поговорить с ним по душам. Солженицын решил потратить 5 млн на благотворительность. Комсомольская правда; 14.06.2007.

• Точно так же, по замыслу автора газетного текста, выражение *по душам* используется в прямом значении для обозначения коммуникации с **нерусскими** участниками (прежде всего представителями западных культур), хотя читатель таких текстов – как «западный человек», так и русский, имеющий хотя бы минимальный опыт межкультурной коммуникации и знающий, что в этих культурах нет близких аналогов русского *разговора по душам*, – возможно, воспримет такую номинацию как метафору.

• В этом смысле следует различать использование выражения *по душам* по отношению к коммуникации, проводимой русским коммуникантом с собеседником-иностранцем, – трансформация значения *по душам* в таких случаях может быть минимальна, особенно если последний понимает национальную специфику русского жанра:

Драматургия инсталляции продумана Кабаковым столь точно, что именно в третьем вагоне, где звучат самые упоительные голоса, даже сто-процентный иностранец, не знающий русского, испытывает неодолимую тягу присесть, поговорить по душам с соседями и остаться навсегда в этом раю, который так внезапно обнажил для него свою райскую сущность. Выставка в Центре Помпиду в Париже. Коммерсантъ-Daily; 30.05.1995.

• Другой случай – использование выражения *по душам* для обозначения коммуникации, проводимой одними нерусскими участниками: так, например, Кортни Лав, Мадонна и др., возможно, удивились бы, узнав, что их речи названы посредством *по душам*:

А народная артистка Римма Маркова с присутствующим ей темпераментом и обостренным чувством справедливости беседовала со зрителями, как говорится, по душам. По долгу памяти. Горожанин (Тверь); 19.12.2006.

А Кортни Лав, вдова печально известного лидера «Нирваны» Курта Кобейна, признавалась, что они с Майклом подолгу «беседовали по душам». Солиста INXS Майкла Хатченса сгубила женщина. Вечерняя Москва; 10.07.2008;

А вот Мадонна – та любила поговорить по душам. Коммерсантъ-Daily; 23.03.1996.

В этом смысле показательно противопоставление двух типов контекстов с *по душам*, описывающих встречи Президента России с западными правителями: в одних случаях намерение «*поговорить по душам*» с Бушем, Берлускони и др. проистекает от Президента России (такие контексты выглядят в целом нормально, хотя читатель может увидеть в них некоторую наивность Президента, что, надо думать, не предполагалось автором текста), в других – эта фраза уже вкладывается в уста **западных** партнеров (контексты такого типа могут вызвать улыбку уже не только у специалистов по межкультурной коммуникации, хотя простодушный журналист, скорее всего, не чувствовал разницы):

Не исключено, что, когда Владимир Путин придет 1 июля на семейное ранчо в Кеннебанкпорте (штат Мэн), чтобы поговорить по душам с Джорджем Бушем, будут обсуждаться гарантии безопасности Путина после его ухода от власти. Россия и Запад: Запад поверил, что Путин уйдет. Ведомости; 14.06.2007;

Дж. Буш: «Мне нужно вновь встретиться с Президентом Путиным, поговорить с ним по душам...» Аргументы и факты; 05.04.2006.

• Трансформация исходного значения *по душам* идет еще дальше, и значение становится **метонимическим**: теперь разговаривать *по душам* можно не только с европейцами, но и с Европой:

Путин поговорит с Европой по душам. Комсомольская правда; 20.10.2006;

Потому что если у России и западных стран при всех разногласиях хотя бы понимание «неформального» совпадает, то с Пекином разговора по душам уж точно не получится. «Восьмерке» некуда расширяться. Время новостей; 13.07.2006.

(Строго говоря, в метонимическом значении здесь использованы слова *Европа*, *Пекин*, однако и *разговаривать по душам* здесь подверглось значительной содержательной трансформации, которую мы, несколько нетерминологично, тоже предлагаем называть метонимической.)

• Особый тип представляют ситуации **публичного**, обычно **институционального** общения, когда «*разговор по душам*» ведут политики с «народом» (например, депутат, отвечающий на вопросы своих избирателей), писатели, поэты сатирики, актеры и т.д. – со зрителями со сцены, ведущий телепередачи – с приглашенными, зрителями, присутствующими

в аудитории, телезрителями. Во всех этих случаях имеет место **вторичный** РЖ (если первичный – непосредственный РпД двоих):

Это даже не пародии в привычном понимании, а просто разговор по душам – легкий и непринужденный, сродни посиделкам на завалинке. Пародия жила, живет и жить будет. Вечерняя Москва; 15.08.1996;

Удачный образ парня-рубачи из российской глупинки, который сначала запросто по душам беседует со зрителями, а потом свою болтовню мастерски переводит на сложный язык современного танца, найденный им в «Несоло» несколько лет назад, пригодился и в новом спектакле «Нейросчастье». Коммерсантъ; 15.12.2008.

• По-видимому, то же самое можно сказать о контекстах, представляющих **религиозный** дискурс, когда посредством выражения *по душам* называется общение священника с паствой – и человека с Богом:

Но для большинства прихожан в наших глухих местах главное – не мои вокальные данные, а разговор по душам. Как модный столичный художник стал деревенским священником. Аргументы и факты; 06.05.1998.

Как показывает материал, «*по душам*» выступает в переносном значении, когда речь идет о различных формах и видах **дисгармоничного** общения: агрессивного, конфликтного, а также **официального** (прежде всего дисгармонично-официального, типа *допроса*) и **манипулятивного**.

В то же время было бы преувеличением утверждать, что **все** случаи такого употребления выражения *по душам* представляют метафоры – многие случаи использования *по душам* по отношению к ситуациям общения, отличающимся от типа, определяемого названными выше доминантами, относятся не к метафорическому, а к **метонимическому** типу семантического переноса, а некоторые из них вообще представляют собой **прямые** значения *по душам*, естественным образом проистекающие из сложной, противоречивой природы данного коммуникативного феномена.

В самом общем виде могут быть противопоставлены два типа использования выражения *по душам* для наименования дисгармоничного общения: когда посредством *по душам* называют нечто другое (например, *допрос*, где нет таких важнейших составляющих РпД, как неофициальность, равноправие, добровольность), хотя и можно усмотреть некое «сходство», то это **метафора**; когда общение становится дисгармоничным в силу действия тенденций, заложенных в самой природе РпД (*спор*, *ссора*, *истерика*), то это **не метафора**.

• **Метафорические** значения *по душам* развиваются на основе «непрямых» / несобственных употреблений РпД – начиная с ситуаций, когда

выражение *по душам* использует прокурор, следователь для обозначения коммуникации типа *допроса, провокации* и подоб., например:

Пропажу вовремя заметили, прокурор района Николай Боткин побеседовал с девушкой по душам и сумели «расколоть». Место преступления – прокуратура. Молодой коммунар (Тула); 12.07.2006.

В результате анализа контекстов мы можем выделить несколько **важнейших смысловых компонентов** «по душам», на базе которых данное выражение развивает переносные, метафорические значения.

- РпД – разговор о **важном** (даже главном): говорящий открыто, охотно, в полном объеме и без утаивания делится с собеседником важной для себя **информацией** (отсюда использование *по душам* для метафорической номинации допросов и подоб.):

Следователи Генпрокуратуры давно лелеяли мечту вернуть Бориса Абрамовича на родину и «поговорить с ним по душам». Березовский гамбит. Наша Версия (Москва); 29.01.2007.

- С другой стороны, РпД – это и возможность донести что-то важное до сведения собеседника, заставить его **внять, услышать** себя (ср. *Давай выйдем?*):

Приставляет нож к горлу и тянет в подъезд: пойдём, мол, дорогуша, поговорим по душам. Караван историй; 06.02.2006.

- «По душам» обычно говорят «со **своими**»; отсюда может развиваться метафорическое значение «секретный разговор» для «своих»:

Подъезжали и ко мне с «разговорами по душам», предложениями быть «помягче», «поуступчивее». Владислав Шурыгин. Завтра; 20.11.2001.

- РпД – разговор об **отношениях**, которые выясняются до конца, трудно и иногда нелицеприятно (именно от этого значения производно большинство используемых с *по душам* речевых слов метафорического происхождения: *разобраться, перетереть*):

Молодой человек, влюбленный в девушку легкого поведения, попытался поговорить «по душам» с ее сутенером. «С отчаяния резал всех подряд». Известия (Москва); 30.12.2003.

- Основой метафорического переноса может стать такое качество РпД, как **отсутствие** в нем некоторых или большинства действующих в обычных условиях **условностей и ограничений**: прежде всего, официальности, а также многих этикетных, институциональных рамок – отсюда *по душам* могут назвать и пьяный бред, и драку:

*Рассказывает лагерный авторитет Иван Лукьянов по кличке Чадо (Донская ИТК Тульской области) ... Пока я в БУРе парился, с карасем тем **поговорили по душам**, я уже не помню по старости, на него что-то такое упало, три месяца в зоне нос не казал. Этого парня у нас любили. Вечерняя Москва; 03.08.2000.*

- Посредством *по душам* может быть названо любое партнерское взаимодействие (речевое и неречевое), требующее **взаимопонимания и взаимопомощи**, а также **гармоничное и приятное**:

Потанцевали «по душам». Газета (Москва); 17.03.2006.

- РпД **приятен** – отсюда при помощи *по душам* может быть названо просто что-то доставляющее удовольствие: *сигарета, еда, кофе, спиртное*:

*Никита Михалков решил **пообедать по душам**. Коммерсантъ; 10.10.2005.*

- **Отношения** между собеседниками **хорошие** – либо **улучшаются** в процессе разговора, близость увеличивается – отсюда через *по душам* может быть названо просто хорошее отношение к чему-то, «общение» с **животными**:

Например, поговорить по душам со своей собакой или кошкой. Секрет хорошего настроения. Вечерняя Москва; 16.02.2007.

- В этом смысле нет ничего невозможного и в разговоре *по душам* с неодушевленными объектами:

*Неплохо провести время, можно и забравшись в напольные часы, внутрь деревянной коробки, служащей убежищем **колесикам и рычажкам**, с которыми поболтать по душам одно удовольствие. Марина Дроздова. Базовые модели. Искусство кино; 15.03.2007.*

- В целом для РпД характерно говорить на «высокие», нравственные темы; поэтому метафоры обыгрывают неуместное морализаторство (например, нравоучительный разговор того же прокурора с подсудимым):

Подобный старый обкатанный метод обычно применяется для освобождения от «враждебного окружения», и, оставшись один на один, чиновники стараются психологически надавить, а если не получается стремятся «запудрить мозги» и затянуть «разговор по душам», который обычно ни к чему не приводит. Женщины Уралья провели акцию протеста прямо в 8 марта. ЦентрАзия; 10.03.2006.

- Еще один источник метафоры состоит в том, что РпД – общение **фатическое**: например, когда в рабочее время сотрудники, вместо того чтобы вы-

полнять непосредственные служебные обязанности, разговаривают о «постороннем», использование выражения *по душам* применительно к такой ситуации (*Хватит этих разговоров по душам в рабочее время!*) есть метафора:

Когда я работала с московскими менеджерами, я просто умоляла их не говорить «по душам» с местными сотрудниками, а передавать информацию через меня». Комсомольская правда; 21.02.2006.

• Наконец, посредством *по душам* может быть названа попытка (обычно неудачного, но не всегда) **ухаживания** или **флирта**:

Но если честно, «Пропаганду» любят не за Санчеса, а за хорошеньких официанток, которые всегда готовы поговорить по душам и легко соглашаются на свидания после работы. Клубы, стриптиз, казино, ген! Афиша; 11.08.2000.

Отмеченные особенности семантической структуры выражения *по душам*, развитие переносных значений обусловлены, с одной стороны, собственно лексической семантикой, местом данного концепта в лексической системе русского языка, с другой – иллюкутивно-коммуникативной семантикой речевого жанра *разговор по душам*.

Таким образом, если отношения интертекстуальности (между первичным и вторичным текстом) представляют собой «метафору обмена репликами в диалоге», вторичный РЖ в этом отношении не метафора диалога между первичным и вторичным жанром (такого диалога нет), но вторичный РЖ – метафора в другом, причем гораздо более традиционном смысле, чем интертекстуальность: номинативном (примеры с метафорами *по душам* это хорошо показывают).

3. Интертекстуальность и речевая диахрония

К интертекстуальности имеет отношение не только метафорическое переосмысление идиом и паремий (таких как *по душам / разговор по душам*) (тем самым оформляющее развитие вторичных речевых жанров несомненно диахронического типа), но и речевая история нарратива, а именно: формирование вторичных жанров на базе тех первичных, в основе которых лежит *рассказывание текстов*, особенно – неоднократное рассказывание (принцип «рассказа-пластинки»), которое, с одной стороны, закрепляет и уточняет в сознании ассоциацию с данным текстом, с другой – закрепляет, фиксирует и оттачивает текстовые формы соответствующего рассказывания – вторичного жанра.

Видимо, так рождаются *анекдоты* (при этом часто показателем того, что анекдот

уже «готов», служит то, что связь с исходным текстом – как и быстротекущим событием реальности – перестает осознаваться; хотя в процессе становления анекдота данная интертекстуальная связь была важна); так же порождаются некоторые более «компактные» жанры комического, например *прозвища* (связь с анекдотом может сохраняться и при полноценном функционировании его фрагмента как прозвища; а может и не сохраняться).

Примером первого типа может послужить история, которую вспоминает известный лингвист и жанровед К. Ф. Седов:

«Анекдот всегда пуповиной связан с реальным фактом <...>, с другими жанровыми формами повседневной коммуникации. В идеале реальный факт, прежде чем стать анекдотом, должен пройти испытание последовательно в жанрах рассказа и сплетни. Для иллюстрации можно привести пример анекдота, появлению на свет которого способствовал <автор>. Где-то больше двадцати лет назад в маленьком городке в Саратовской области по аллейке бегал очень шустрый маленький трехлетний мальчик – племянник автора. Мальчик поймал бабочку, оторвал у нее крыло и заявил своему отцу:

– Я бабочек ловитель и их убиватель.

– Ну, ты, брат, садист, – сказал ему папа.

– Нет, я не садист, а ходист. Вот приду домой, сяду на горшок и буду садист.

Отец мальчика (филолог по образованию и судьбе) передал автору (тогда еще студенту филологического факультета) содержание диалога с сыном. Тогда же этот рассказ был записан в качестве забавного (с точки зрения языковой игры) случая. Много позже, когда я стал читать в вузе курс лекций по психолингвистике, рассказ этот стал тиражироваться в качестве примера детского словотворчества. Однажды он, для смеха, был приведен в рамках застольной беседы, где присутствовали в основном лингвисты-профессионалы. Интересно, что никто из участников застолья не поверил в то, что речь идет о ситуации, имевшей место в реальности. Тем более, что сам рассказчик не был свидетелем и участником описываемого диалога. Так рассказ превратился в молву, сплетню – недостоверную информацию из вторых рук о действующих лицах, которые незнакомы другим участникам общения. После этого случая не имело смысла настаивать на реальности рассказываемого случая. Речь теперь шла о некоем маленьком мальчике и т. д. Реальный факт, побывав последовательно рассказом, сплетней, наконец, воплотился в анекдоте» [34 : 137].

Приведем пример из сферы современных политических анекдотов, темой которых яв-

ляется Д. А. Медведев (Президент РФ в 2008–2012), и прозвищ Медведева¹:

Анекдоты и прозвища по-разному представляют мир – реальный и фантастический, художественный. В анекдотах, где всегда «рассказываются истории», происходят события, пусть очень своеобразные, абстрактные, преобладает представление реального, а не фантастического мира. С другой стороны, в анекдоте «рассказывание истории» может становиться самоценным, тогда персонаж выступает своеобразной переменной функцией. Так, в некоторых анекдотах вроде бы «про Медведева» он выглядит совершенно случайным и неузнаваемым. С прозвищами такого не происходит.

Анекдотов больше, чем прозвищ, и появляются они чаще, это вообще гораздо более мобильный жанр, что подтверждает вся новейшая история российской неофициальной словесности. Анекдоты всегда обладали способностью очень чутко реагировать на все сколько-нибудь значительные события. В советское время, как известно, оперативность анекдотов была сопоставима с оперативностью СМИ и даже превосходила ее: люди зачастую узнавали о реальных событиях, положении вещей в стране и мире не из газет и телевидения, а из анекдотов [35 : 294].

Это «генетическое» качество русского народного анекдота в полной мере проявилось и в анекдотах про Медведева: в приблизительно 600 рассмотренных нами анекдотах отражено множество крупных и мелких событий в стране и мире, произошедших за четырехлетний срок правления Медведева, общественных кампаний, акций этого периода, культурных артефактов. В них фигурирует целый ряд исторических лиц: иностранные лидеры (Папа Римский, Буш, Обама, Меркель, Саркози, Ющенко, Тимошенко, Янукович, Саакашвили, Бурджанадзе), российские политические деятели (Кудрин, Шойгу, Лавров, Сечин, Сурков, Сердюков,

Грызлов, Жириновский, Лужков, Собянин), олигархи (Ходорковский, Березовский, Абрамович), артисты, музыканты (Пугачева, Безруков, Хабенский, Билан), журналисты (Познер, Леонтьев, Собчак), спортсмены (Хиддинк, Аршавин, Каспаров, Исинбаева).

Среди событий, отраженных в анекдотах, выделяются крупные, имеющие большое значение или для мира в целом (мировой экономической кризис, войны в Южной Осетии, Ливии, Сирии, олимпиады в Пекине, Ванкувере), или преимущественно для России (выборы в Думу, митинги в Москве в 2011–2012, лесные пожары в 2010, падение ракет ГЛО-НАСС и «Фобос-грунт»).

Как и следовало ожидать, в центре внимания анекдотов про Медведева – события, реформы, исходящие от самого Медведева: реформирование милиции в полицию, сокращение числа часовых поясов, строительство Сколково, снятие с должностей мэра Москвы Лужкова и министра финансов Кудрина. В ряде анекдотов обыгрываются конкретные выступления, указы Медведева, его поездки за рубеж и по России, договоры и т. д., например, визит на Украину после избрания Януковича президентом, в Силиконовую долину, где российский президент встречался со Шварцнеггером и Стью Джобс подарил ему iPhone-4. Отражены даже мелкие события: то, что Медведев управлял КамАЗом и комбайном, вместе с Путиным нырял за амфорами, наконец, пропажа кота Медведева Дорорея в 2012 г.

Конечно, прозвища не способны на такую оперативность. Чтобы прозвище сложилось – осуществилась обкатка в речи, закрепление в языке, – должно пройти какое-то время. Поэтому прозвища почти не бывают «злободневными». Но по этой же причине анекдоты и гораздо менее долговечны, и быстрее забываются – вместе с событиями, что тоже сближает их со СМИ.

Это определяет тип базового механизма языковой игры в анекдотах и прозвищах, где оба по сути интертекстуальны и состоят в эмоциональных ассоциациях с лингвистическими (текстовыми) единицами: прозвища тяготеют к прецедентным текстам, набор которых у носителя языка относительно стабилен и устойчив, анекдоты – к «просто» текстам, за которыми стоят быстротекущие события.

В то же время границы между анекдотами и прозвищами иногда нежесткие, как и границы с другими жанрами юмористического дискурса. Многие прозвища первоначально появляются в виде анекдотов. В этом отношении анекдоты и прозвища можно понимать как две разные стадии общего процесса, когнитивная природа которого состоит в осмыслении, обобщении и типизации смешного, а лингвистическая – в идиоматизации, то есть превращении текста (или другого феномена сложной знаковой природы) в один неделимый знак – символ [36 ; 37].

Показательно, что именно анекдоты про Медведева – один из наиболее востребованных источников прозвищ Медведева. Это хорошо показывает

¹ Включаем в «*прозвища*» только номинации / характеристики, которые отвечают требованию реального использования в Интернете, а именно: встречаются минимум в двух разных интернет-текстах, принадлежащих разным авторам. К анекдотам мы не предъявляли такого требования: нам было достаточно, чтобы данный текст хотя бы один раз появился в Интернете в соответствующем разделе. Было рассмотрено около 600 анекдотов, скачанных с 10 интернет-сайтов:

http://www.umoru.net/anedkdoty/pro_medvedeva.html
http://www.anekdot.net/anedkdoty/pro_medvedeva.html
http://эльбан.рф/publ/pro_medvedeva/13
<http://aneki.infoperm.ru/medvedev>
<http://www.zu.by/tag/medvedev/>
<http://www.anekdot.ru/tags/%CC%E5%E4%E2%E5%E4%E5%E2>
<http://www.lenpravda.ru/anedkdot/?page=1>
<http://000a.ru/a/tag/186/>
http://www.starybarin.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=271&Itemid=147
<http://lib.guru.ua/ANEKDOTY/anec1001.txt>

генетическую близость лингвистических механизмов, используемых в прозвищах и анекдотах, а именно: путь от прецедентного текста (анекдот) к афоризму и символу (прозвище).

Ср. анекдот, который появился на сайте <http://anekdot.ru> в августе 2010 г.:

Дмитрий Медведев завел свой блог в ЖЖ. Теперь он – LJ-Дмитрий.

и прозвище *LJ-Дмитрий*, которое реально используется в Интернете (см., например, блог: <http://veselyi-gnom.livejournal.com/>).

Прозвища потенциально более способны к закреплению в языке, однако и анекдоты такую способность имеют (часто – через последующую трансформацию в прозвища же). Ср. следующие анекдоты:

В марте 2012 года в России заканчивается премьера продолжения советского мультфильма «Домовёнок Кузя» – «Твиттерёнок Дима»...

Тост – Выьем за ДАМ! получил второй смысл, и вставать теперь должны и женщины...

– Медведев это преемник? – Нет, прямо-передатчик.

– А Владимир Владимирович примет нас сам или через своего суррогата?

Разные прозвища обладают разной степенью идиоматизации: максимальная соответствует однословным (реже двусловным) прозвищам, низкая – многословным, описательным, которые как бы занимают промежуточное положение между юмористическими текстами (анекдотами), претендующими на афористичность, и собственно прозвищами. Показателями высокой степени идиоматизации также могут выступать способность прозвища использоваться в непредикативной функции (ср. последний пример), использование в написании прозвищ заглавных или маленьких букв, кавычек. В целом написание прозвища с маленькой буквы и без кавычек свидетельствует о большей идиоматизации – ср. прозвища Медведева в разных контекстах: «Айфончик», Айфончик, айфончик и «айфончик».

4. Нейтрализация различий в лингвистической и нелингвистической рефлексии

До сих пор обсуждались в основном теоретические проблемы различий РЖ (прежде всего вторичных) и вторичных текстов как интертекстуальных феноменов. На практическом же уровне (а также в соответствующей части коммуникативной компетенции носителей языка) представления о РЖ и вторичных текстах как интертекстуальных феноменах нередко смыкаются и становятся почти неразличимы. Прежде

всего это касается такого типа вторичных текстов, как **прецедентные тексты** (хотя, конечно, не только их). Этому способствует, с одной стороны, широкая распространенность прецедентных текстов, по сравнению с другими типами вторичных текстов, с другой – стандартизованность, свертывание текстовых структур фактически до уровня одного символа.

Представленность РЖ и прецедентных текстов в наивной языковой картине мира ярко отражена, например, в языковой игре, а именно: в целой серии новых популярных **анекдотов**, основной механизм комизма в которых может быть определен как **обыгрывание коммуникативной тональности** и где РЖ и прецедентные тексты часто тоже смыкаются и становятся практически неразличимы.

По своей структуре обсуждаемые анекдоты представляют собой диалог: включают инициальную реплику, в которой однозначно или почти однозначно опознается коммуникативная тональность, а из дальнейшего текста (ответной реплики) становится ясно, что такая интерпретация была неправильной:

– Мам! Она кусается!

– А я тебе говорила – не женись...

– Боже, а кто это у нас тут вырос? Какой ты большой стал, как время быстро летит.

– Саиенька, перестань разговаривать с табло обмена валют.

По типу инициальной реплики выделяются два основных типа: 1) **прецедентный текст** (паремия, фразеологизм) (т.е. конкретная, «материально-узнаваемая» языковая или речевая единица, часто апеллирующая к конкретному тексту и / или к конкретному автору):

– О, сколько нам открытий чудных...

– Петрович, не томи, открывай следующую бутылку!

– Шеф, все пропало: с клиента снимают гипс.

– Ну и что, будет другой клиент, мы же работаем в травматологическом отделении;

– Хорошо там, где нас нет. В гостях хорошо, а дома лучше. Не ищи обетованные края – они там, где родина твоя. Нет в мире краше родины нашей. Где родился – там и сгодился!

– Я так понял, мой загранпаспорт ещё не готов?

2) инициальная фраза (вектор-ускорение) **речевого жанра** (опознавание по, так сказать, чистой форме):

– Девушка, вам никто не говорил, что у вас пронзительно-проницательные глаза!

– Ага, просвечивающие насквозь, чего только не говорили! Молодой человек, проезд оплачиваем!

– Мне с собой, пожалуйста.

– Вообще-то вы на экзамене. На билет отвечайте.

– Ты у меня кровью харкать будешь, понял???
Полдня с харей опухшей ходить будешь, понял меня???

– А можно мне другого стоматолога?

Принципиальной разницы между ними анекдоты, в отличие от лингвистов-теоретиков, «не видят»: это безусловно один и тот же тип анекдота.

Это же, в сущности, слияние наблюдаем, например, при решении уже чисто лингвистических задач – обнаружении и исследовании РЖ через посредство на основе **корпусных** баз данных и в целом при помощи методов **корпусной лингвистики**.

В целом с появлением корпусной лингвистики (о методах и «философии» корпусной лингвистики см., например: [38–43]) как будто бы сбылась давняя мечта жанроведа: анализировать РЖ количественно, – ибо, в общем, для решения этой задачи не доставало именно того, что и дают сегодня корпуса: с одной стороны, появляется надежда получить достаточно материала для всестороннего освещения каждого жанра со всеми значимыми вариациями – а до сих пор практически все «полевые» исследователи соглашались, что на уровне РЖ это невозможно (например [21]); с другой – на первый план выходит проблема «**ключевых фраз**», или текстовых маркеров РЖ, по которым одним только и можно осуществлять поиск в корпусах.

О значимости ключевых фраз для РЖ писали некоторые исследователи еще до появления корпусов [29 ; 35 : 18]. В то же время исследователю приходится решать данную проблему фактически с нуля, ибо раньше поиском ключевых фраз для конкретных РЖ жанроведы фактически не занимались.

Таким образом, эта задача еще только начинает решаться в жанроведении.

Главными требованиями, предъявляемыми к ключевой фразе, очевидно, должны быть следующие: 1) ключевая фраза должна отвечать **главной** семантике жанра (поэтому, например, «*светский*» для *светской беседы* не годится, а «*по душам*» для *разговора по душам* годится); 2) в системе по этому критерию можно **реально** искать и находить немало примеров (так, для жанра

просьбы в качестве ключевых фраз для идентификации жанра, вероятно, могут быть выделены две формулы: «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*», но при этом, например, если первая дает 306 вхождений в НКРЯ, то вторая – всего 10).

Задачи такого рода еще далеко не решены, в случае же успешного их решения мы получим **существенную характеристику жанра**, которая присутствует в речевом жанре носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания. С точки зрения данного описания наличие той или иной ключевой фразы / фраз представляет собой что-то вроде дополнительного параметра к разнообразным моделям РЖ типа известной «анкеты РЖ» Т. В. Шмелевой [45].

Характеристики жанра такого рода (например, в будущих «энциклопедиях речевых жанров», о которых говорит Т. В. Шмелева), «добавляемые» к характеристикам, сформулированным в результате других, более традиционных жанроведческих исследований, могли бы выглядеть примерно следующим образом (табл. 1 и 2).

Сложность теоретического характера усиливается тем, что сама постановка данной задачи в жанроведении предполагает определенное противоречие: предполагается искать конкретные (так сказать, «материальные») языковые или речевые единицы, которые присущи скорее прецедентным феноменам, чем речевым жанрам, как известно, представляющим собой не сами фразы / тексты, а только их формы [1 : 192]; так осуществляется и распознавание жанров в речи [35 : 18; 5: 5]. В сущности, это не что иное, как попытка соединить **типологический** подход (чистые структуры, свобода от конкретных «материальных» единиц и их конкретных формы-содержания), присущий, как уже неоднократно отмечалось, изучению речевых жанров в целом [29 ; 44], и в большей степени **субстанциональный** подход, присущий, например, сравнительно-историческому языкознанию (как известно, в истории лингвистической науки, в частности лингвистической типологии, таких попыток соединения было немало, положительных результатов же – мало (см.: [45 : 92])).

В этом отношении наличие той или иной ключевой фразы / фраз речевого жанра – сродни известной типологической идее Владимира Скалички [46]: для изучения и характеристики отдельного языка использовать типологические параметры, характеристики, разработанные и традиционно используемые (поскольку они типологические) принципиально НЕ для отдельных языков.

Таблица 1.

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (какой)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (какой)
X	A ₁	B ₁	n ₁	C ₁	N ₁
	A ₂	B ₂	n ₂	C ₂	N ₂
	...	B ₃	n ₃	C ₃	N ₃
		...	n...	...	N...

Таблица 2.

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
просьба	прошу	Не могли бы вы	306	Буду очень благодарен	32
	пожалуйста				
	будьте добры	Можно вас попросить	10	Для меня это очень важно	15

Сам автор не раз сталкивался с ситуацией, когда, пытаясь объяснить собеседнику (не являющемуся жанроведом или хотя бы лингвистом) суть понятия РЖ, его природу, механизмы распознавания в речи, – обнаруживал у собеседника, с одной стороны, вполне «интуитивно» ясное понимание, о чем идет речь, с другой – полное или значительное неразличение: всплывали ключевые фразы, часто имеющие определенный источник / автора, а следовательно – прецедентные, а не речежанровые феномены.

Действительно, прецедентные тексты как воплощение стандартных воспроизводимых узнаваемых моментов в устной речи интуитивно гораздо понятнее, чем «стандартные повторяющиеся формы». Но даже при уяснении, например, того, что в случае РЖ нет ни конкретного произведения, ни конкретного автора, неразличение оставалось. Откуда? Думается, прежде всего из существования тех «ключевых фраз», по которым прежде всего и осуществляется опознавание РЖ в речи. Понятно, что данные фразы не могут быть абстрактными, а только «вполне материальными».

В каких отношениях находятся данные фразы с собственно жанрами? На самом деле это довольно серьезная (и важная) теоретическая и практическая проблема ТРЖ (и не только ее), которая еще только начинает решаться в соответствующих работах. Это мы особо хотим подчеркнуть: перед нами большая проблема, требующая самостоятельного исследования. В настоящем параграфе мы хотим обозначить лишь наиболее общие аспекты ее, а также возможные направления исследований по РЖ, в которых бы прямо или опосредованно решалась данная проблема. Наиболее принципиально важным моментом, на который

обращается внимание в настоящем контексте, является интертекстуальность данных ключевых фраз РЖ.

5. Интертекстуальность и речежанровая креативность

Последний (не по значимости) аспект, о котором мы считаем необходимым сказать несколько слов в связи с дихотомией «жанр – интертекстуальность», – лингвокреативный и / или эстетический. Абсолютное большинство явлений интертекстуальности так или иначе связано с творчеством (или хотя бы имеет эстетические потенции). Жанры же способны творчески или свободно трансформироваться и видоизменяться, сохраняя при этом связь с исходными состояниями или исходными жанрами. Конечно, на это способны не все жанры – соответственно тоже выделяются типы. Так, среди речевых жанров выделяются жанры художественной литературы (а также жанры устной речи, имеющие эстетическое измерение, такие как *тост* или «художественное вранье»).

Этой проблеме был посвящен 8 выпуск сборника «Жанры речи». В частности, обобщая концепции, представленные в статьях, вошедших в сборник, я во вступительной статье пытался показать, что отношение жанра к творчеству в значительной степени парадоксально: в природе речевого жанра есть что-то, что способствует творчеству, а что-то – наоборот, препятствует ему. А именно: с одной стороны, суть жанра состоит в том, чтобы выразить речевой стандарт (ограничивает индивидуальность, заставляет «говорить как все»), с другой – в некоторых случаях поощряется и даже требуется творчество, есть такие РЖ, которым, для того чтобы они были успешны, необходимо, чтобы было творчество. (Это сближает «творческий парадокс жанра» с языком, в основе возможного творческого использования которого лежит точно такой же парадокс:

по выражению А. А. Шахматова, *каждый вынужден говорить так, как хотел бы, чтобы говорили с ним*).

Таким образом, первым базовым членением жанров с точки зрения их творческих потенциалов выступает общая способность / неспособность к амплификации.

Соответственно (1) выделяются такие жанры, которые однозначно не допускают амплификации, например *военная команда*.

Жанры, которые допускают амплификацию, можно разделить на две группы: (2) такие, для успеха которых может быть использована как творческая форма, так и стандартная: *извинение, выражение сочувствия, утешение, флирт*.

Наконец, (3) есть жанры, сама интенциональная природа которых состоит в том, что требуется творчество: *тост, розыгрыш, буриме, разговор по душам* (как и новые *имиджборды, пирожки*)...

Если понимать лингвокреативность как творческий момент, точнее – сотворчество адресата текста, «домысливание» им информации, не содержащейся непосредственно в тексте, интертекстуальность, актуализирующая в сознании адресата некоторые другие тексты, является одним из наиболее эффективных и распространенных средств лингвокреативности. В разрабатываемой в отечественной лингвистике [47 ; 48] теории непрямого общения «непрямота» (косвенность) понимается, в общем, как все случаи, когда смыслы привносятся в коммуникацию не только из непосредственных значений и значимостей языковых и конвенциональных текстовых единиц (знаков), но и из других источников. Интертекстуальность понимается как один из таких источников. Интересно, что в западной традиции интертекстуальность понимается как главный или даже единственный источник «косвенности» – ср. работы Деборы Таннен [49–52], которая, кстати, именно в этом ключе комментирует статью Бахтина о речевых жанрах – жанр как «чужие» формы высказываний, существующие как память о многих, тоже «чужих» диалогах и ситуациях (конечно, Таннен далеко не одинока в такой трактовке Бахтина – см. выше). Следует подчеркнуть, что в отечественной традиции (развиваемой, в том числе, и автором) НК и РЖ осмысливаются как очень близкие понятия: с одной стороны, РЖ являются одним из наиболее универсальных средств упорядочения, «выпрямления» коммуникации, с другой стороны, существуют *косвенные* жанры, требующие, чтобы коммуникация была не прямой (например, косвенность является типологической характеристикой группы *фатических* речевых жанров [53 : 209–236]). Это вновь возвращает нас к понятию вто-

ричного РЖ, т.к. все косвенные РЖ являются вторичными. (И, как уже было сказано, есть такие РЖ, которым, для того чтобы они были успешны, необходим творческий момент: *тост, розыгрыш, буриме, имиджборды, «пирожки»* [54 ; 55].)

5. Заключение

Глобальная проблема «речевой жанр и интертекстуальность» имеет ряд аспектов (они же – аспекты связи речевого жанра и интертекстуальности):

- семиотический – речевой жанр и интертекстуальность как семиотические сущности, упорядочивающие передачу и интерпретацию информации через посредство знаковой коммуникации;

- лингвистический – речевой жанр и интертекстуальность как феномены вербальной природы, с одной стороны, основывающиеся на языковых единицах, с другой – сами транслирующие в систему языка (лексику, идиоматику, а отчасти и грамматику) новые единицы;

- эстетический – он очевиден: имеются в виду ВСЕ интертекстуальные феномены, поскольку все они имеют непосредственный эстетический аспект, потенцию, могут усиливать выразительность и воздейственность речи, хотя в реальной речи имеют такое значение не всегда: так, если в *тосте, розыгрыше, буриме* несомненно значим эстетический момент, то в *разговоре по душам* – вряд ли;

- функционально-прагматический.

В настоящей статье внимание уделялось, главным образом, последнему аспекту, а именно: связь речевого жанра и интертекстуальности осмыслилась через понятие вторичного РЖ, который, как представляется, является наиболее явным выражением «метафоры связи реплик в диалоге», в аспекте взаимовлияния и заимствования текстовых структур (а не конкретных текстов или их фрагментов, авторов и т.д., как у вторичных текстов), хотя имеет непосредственное отношение и к другим аспектам: лингвистическому, эстетическому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : В 5 т. М.: Языки славянских культур, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 59–206.
2. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
3. Байрамуков Р. М. Соотношение первичных и вторичных жанров в художественной сфере

общения // *Stylistyka* XI. 2002. Opole, 2002. S. 291–306.

4. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.

5. *Рогачева Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 20 с.

6. *Михайлова Е. В.* Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 20 с.

7. *Ширинкина М. А.* Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001. 20 с.

8. *Dobrzyńska T.* Gatunki pierwotne i wtórne (Czytając Bachtina) // *Typy tekstów. Zbiór studiów* / red. T. Dobrzyńska. Warszawa : wydawnictwo IBL. 1992. S.75–80.

9. *Wilkoń A.* Gatunki pierwotne i wtórne w perspektywie historycznej i współczesnej // *Gatunki mowy i ich ewolucja. T. I. Mowy piękno wielorakie* / red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000. S. 13–19.

10. *Прибыткова С. А.* Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 20 с.

11. *Татарникова Н. М.* Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 23 с.

12. *Ионова С. В.* Аппроксимация содержания вторичных текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 40 с.

13. *Кобзеева О. В.* Стилижанрообразующая роль аксиологических значений и средств их выражения во вторичных жанрах современной русской речи : научной рецензии, театральной рецензии, отзыве : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 20 с.

14. *Кантурова М. А.* Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 20 с.

15. *Орлова Н. В.* Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 51–56.

16. *Щурина Ю. В.* Речевые жанры комического // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 146–157.

17. *Арутюнова Н. Д.* Жанры общения // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. М. : Наука, 1992. С. 52–56.

18. *Андреева И. В.* Опровержение в институциональном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.

19. *Барнет Вл.* Проблемы изучения жанров устной научной речи // *Современная русская устная научная речь. Том I. Общие свойства и фонетические особенности*. Красноярск, 1985. С. 80–133.

20. *Гольдин В. Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : Диссертация в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 40 с.

21. *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102–120.

22. *Баранов А. Г.* Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 4–12.

23. *Гайда Ст.* Жанры разговорных высказываний // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 103–112.

24. *Кожина М. Н.* Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 52–61.

25. *Вежбицка А.* Речевые жанры // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 99–111.

26. *Седов К. Ф.* Анатомия жанров бытового общения // *Вопросы стилистики*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 27. С. 9–20.

27. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с.

28. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М. : Языки славянских культур, 1998. 769 с.

29. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 88–98.

30. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.

31. *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной этимологии // *Успенский Б. А. Избранные труды*. М. : Языки славянских культур, 1996. Т. 2. С. 67–161.

32. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 449 с.

33. *Балашова Л. В.* Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. С. 59–79.

34. *Седов К. Ф.* Анекдот // *Антология речевых жанров : повседневная коммуникация*. М. : Лабиринт, 2007. С. 137–148.

35. *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов : ИТД «Наука», 2005. С. 292–298.

36. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу. М. : Академия, 2000. 128 с.

37. *Вельмезова Е. В.* Новые русские «пословицы-анекдоты» : структурные типы и проблемы классификации // *Логический анализ языка. Языко-*

вые механизмы комизма. М. : Индрик, 2007. С. 499–508.

38. Баранов А.Н. Корпусная лингвистика // Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2003. С. 112–137.

39. Коптев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки : Helsinki University Press, 2008. (Slavica Helsingiensia. № 34). С. 7–24.

40. Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. М. : Индрик, 2005. С. 6–20.

41. Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Национальный корпус русского языка : опыт создания корпусов текстов современного русского языка // ред. Л. Н. Беляев и др. Труды Межд. конференции «Корпусная лингвистика–2004». СПб : СПбГУ, 2004. С. 216–238.

42. Integrum : точные методы и гуманитарные науки / ред. Г. Никипорец-Такигава. М. : Летний сад, 2006. С. 50–76.

43. McEnery T., Wilson A. Corpus Linguistics. (2nd Ed.) Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. 235 p.

44. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. 440 с. С. 5–20.

45. Алтаев В. М. История лингвистических учений. М. : Языки славянской культуры, 2001. 367 с.

46. Скаличка В. К вопросу о типологии // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 22–30.

47. Прямая и непрямая коммуникация. Саратов : Колледж, 2003. 354 с.

48. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.

49. Tannen D. Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness. In : Journal of Pragmatics, No 42, 2010, pp. 307–316.

50. Tannen D. Indirectness at Work / D. Tannen // Language in Action : New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy. Eds. Joy Peyton, Peg Griffin, Walt Wolfram and Ralph Fasold, 189–212. Cresskill, N. Y. : Hampton Press, 2000. pp. 189–212.

51. Tannen D. Indirectness in Discourse : Ethnicity as Conversational Style / D. Tannen // Discourse Processes 4 (1981) : 3. 221–238. Earlier draft appeared as Sociolinguistic Working Paper #55 (January 1979), reprinted in Language and Speech in American Society. Austin, TX : Southwest Educational Development Laboratory, 1980.

52. Tannen D. That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships / D. Tannen. N. Y. : Harper Perennial, 1986. 224 p.

53. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

54. Дементьев В. В. Парадоксы жанра: к проблеме «жанр и творчество» // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8. Жанр и творчество. М. ; Саратов : Лабиринт, 2012. С. 7–26.

55. Дементьев В. В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров : взгляд из

2013 // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). Саратов, 2014. С. 22–49.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij v 7 tomakh* [Collected works in 7 volumes. Vol. 5], Moscow, 1996, pp. 159–206.

2. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, 2005. 402 p.

3. Bayramukov R. M. Sootnosheniye pervichnykh i vtorichnykh zhanrov v khudozhestvennoy sfere obshcheniya [The relation between primary and secondary genres in the artistic field of communication]. *Stylistyka XI*. 2002, pp. 291–306.

4. Bobyreva Ye. V. *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse: values, genres, strategy: based on the Orthodox Faith. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2007. 40 p.

5. Rogachova N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikacii (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [The structure and functioning of the internet-communication secondary speech genres. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2011. 252 p.

6. Mikhaylova Ye. V. *Intertekstual'nost' v nauchnom diskurse (na materiale statej)* [Intertextuality in scientific discourse: based on articles. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 1999. 20 p.

7. Shirinkina M. A. *Vtorichnyy delovoy tekst i yego zhanrovyye raznovidnosti* [Secondary business text and its genre variety. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Perm', 2001. 20 p.

8. Dobrzyńska T. Gatunki pierwotne i wtórne (Czytając Bachtina). *Typy tekstów. Zbiór studiów*, red. T. Dobrzyńska. Warszawa: wydawnictwo IBL. 1992, pp.75–80.

9. Wilkoń A. Gatunki pierwotne i wtórne w perspektywie historycznej i współczesnej. *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. I. Mowy piękno wielorakie. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000, pp. 13–19.

10. Pribytkova S. A. *Semantiko-pragmatische osobnosti elektronnoy retsenzii kak vtorichnogo teksta (na materiale anglijskogo yazyka)* [Semantico-pragmatic features of the electronic review as a secondary text (in the English language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Tambov, 2004. 20 p.

11. Tatarnikova N. M. *Koordinatsiya pervichnogo i vtorichnogo rechevykh zhanrov v ofitsial'no-delovom stile (na primere doprosa i protokola doprosa)* [Coordination of primary and secondary speech genres in the official style (for example, questioning and interrogation protocol). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Kemerovo, 2004. 23 p.

12. Ionova S. V. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of the content of secondary texts. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2006. 40 p.

13. Kobzeyeva O. V. *Stilezhanroobrazuyushchaya rol' aksiologicheskikh znacheniy i sredstv ikh vyra-*

zheniya vo vtorichnykh zhanrakh sovremennoy russkoy rechi: nauchnoy retsenzii, teatral'noy retsenzii, otzyve [Style-making role of axiological values and their means of expression in secondary genres of contemporary Russian speech: scientific reviews, theater reviews, comments. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Omsk, 2006. 20 p.

14. Kanturova M. A. *Derivatsionnyye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsepta)* [Derivational processes in the speech genres (for example, the speech genre of cooking recipe). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Novosibirsk, 2012. 26 p.

15. Orlova N. V. *Zhanry razgovornoy rechi i ikh «stilisticheskaya obrabotka»: k voprosu o sootnoshenii stilya i zhanra* [Genres speaking and their "stylistic treatment": the question of the relationship of style and genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 51–56.

16. Shchurina Yu. V. *Rechevye zhanry komicheskogo* [Comic speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 146–157.

17. Arutyunova N. D. *Zhanry obshcheniya* [Genres of communication]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deysis* [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, 1992, pp. 52–56.

18. Andreyeva I. V. *Oproverzheniye v institutsional'nom diskurse* [Refutation of institutional discourse. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2008. 20 p.

19. Barnett V. *Problemy izucheniya zhanrov ustnoy nauchnoy rechi* [Problems of studying scientific oral speech genres]. *Sovremennaya russkaya ustnaya nauchnaya rech'* [Modern Russian scientific oral speech]. Vol. I. Krasnoyarsk, 1985, pp. 80–133.

20. Gol'din V. E. *Teoreticheskiye problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communication dialectology. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 1997. 40 p.

21. Fedosyuk M. Yu. *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. 1997. Nr 5, pp. 102–120.

22. Baranov A. G. *Kogniotipichnost teksta. K probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatel'nosti* [Cogniotypicality of the text. To the problem of levels of abstraction textual activity]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 4–12.

23. Gajda St. *Zhanry razgovornykh vyskazyvaniy* [Genres of spoken utterances]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 103–112.

24. Kozhina M. N. *Rechevoy zhanr i rechevoy akt (nekotoryye aspekty problemy)* [Speech genre and speech act: some aspects of the problem]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 52–61.

25. Wierzbicka A. *Rechevyie zhanry* [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 34–48.

26. Sedov K. F. *Anatomiya zhanrov bytovogo obshcheniya* [Anatomy of the genres of everyday communication]. *Voprosy stilistiki* [Questions of stylistics]. Saratov, 1998. Vol. 27, pp. 9–20.

27. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977. 695 p.

28. Gak V. G. *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language conversions]. Moscow, 1998. 769 p.

29. Shmeleva T. V. *Model rechevogo zhanra* [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–99.

30. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, 1992. 272 p.

31. Uspenskiy B. A. *Mifologicheskiy aspekt russkoy ekspressivnoy etimologii* [Mythological aspect of Russian expressive etymology]. Uspenskiy B. A. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, 1996. Vol. 2, pp. 67–161.

32. Freydenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of subjects and genres]. Moscow, 1997. 449 p.

33. Balashova L. V. *Nominatsii rechevykh zhanrov i ikh komponentov v sovremennom russkom yazyke* [Nominations of speech genres and their components in the modern Russian language]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Iss. 6. Saratov, 2009, pp. 59–79.

34. Sedov K. F. *Anekdot* [Anecdote]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication]. Moscow, 2007, pp. 137–148.

35. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkiy anekdot v dvadtsat' pervom veke (transformatsii rechevogo zhanra)* [Russian anecdote in the twenty-first century (the transformation of the speech genre)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 296–301.

36. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguistic concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, 2000. 128 p.

37. Vel'mezova Ye. V. *Novyye russkiye «poslovitsy-anekdoty»: strukturnyye tipy i problemy klassifikatsii* [New Russian «proverbs-jokes»: structural types and classification problems]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovyye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of comic]. Moscow, 2007, pp. 499–508.

38. Baranov A. N. *Korpusnaya lingvistika* [Corpus Linguistics]. Baranov A. N. *Vvedeniye v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to the applied linguistics]. Moscow, 2003, pp. 112–137.

39. Kopotev M., Mustayoki A. *Sovremennaya korpusnaya rusistika* [Modern corpus Russistics]. *Instrumentariy rusistiki: korpusnyye podkhody* [Instrumenta-

tion of Russistics: corpus approaches]. Helsinki, 2008. (Slavica Helsingiensia. № 34), pp. 7–24.

40. Plungyan V. A. Zachem nuzhen Natsional'nyy korpus russkogo yazyka? Neformal'noye vvedeniye [Why the Russian National Corpus is needed? Informal introduction]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005* [Russian National Corpus: 2003–2005]. Moscow, 2005, pp. 6–20.

41. Plungyan V. A., Sichinava D. V. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: opyt sozdaniya korpusov tekstov sovremennogo russkogo yazyka [Russian National Corpus: the experience of creating a corpus of modern Russian language texts. Eds. L. N. Belyayeva et al.]. *Trudy Mezhd. konferentsii «Korpusnaya lingvistika–2004»* [Proceedings of the Int. Conference «Corpus Linguistics 2004»]. St.-Petersburg, 2004, pp. 216–238.

42. *Integrum: tochnyye metody i gumanitarnyye nauki* [Integrum: exact methods and Humanities. Ed. G. Nikiporets-Takigawa]. Moscow, 2006, pp. 50–76.

43. McEnery T., Wilson A. *Corpus Linguistics*. (2nd Ed.) Edinburgh, 2001. 235 p.

44. Dementyev V. V. Aspekty problemy «zhanr i kul'tura» [Aspects of the problem «Genre and culture»]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 5–20.

45. Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [History of Linguistic Studies]. Moscow, 2001. 367 p.

46. Skalička V. K voprosu o tipologii [On the issue of the typology]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. Moscow, 1966, no. 4, pp. 22–30.

47. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Saratov, 2003. 354 p.

48. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, 2006. 376 p.

49. Tannen D. Abduction and Identity in Family Interaction: Ventriloquizing as Indirectness. *Special issue of Journal of Pragmatics*. Ed. by p. Kiesling, 2009, no. 10 (1016), pp. 50–75.

50. Tannen D. Indirectness at Work. *Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy*. Ed. by J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, New York, 2000, pp. 189–212.

51. Tannen D. Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style. *Discourse Processes*, 1981, no. 4, pt. 3, pp. 221–238.

52. Tannen D. *That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships*. New York, 1986. 224 p.

53. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

54. Dementyev V. V. Paradoksy zhanra: k probleme «zhanr i tvorchestvo» [Paradoxes of the genre: the problem of «genre and creativity»]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V.V. Dementyev]. Iss. 8. Moscow; Saratov, 2012, pp. 7–26.

55. Dementyev V. V. Aktual'nyye problemy nepryamoy kommunikatsii i yeye zhanrov: vzglyad iz 2013 [Actual problems of indirect communication and its genres: the view from 2013]. *Zhanry rechi* [Speech genres], no. 1–2 (9–10). 2014, pp. 22–49.

Статья поступила в редакцию 10.08.2015.

УДК 811.112.2'23+811.161.1'23

ББК 81.2Рус+81.2Нем

В. Гладров
Берлин, Германия,
Е. Г. Которова
Зелёна-Гура, Польша

W. Gladrow
Berlin, Germany,
E. G. Kotorova
Zielona Góra, Poland

КОНТРАСТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ МОДЕЛЕЙ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

CONTRASTIVE STUDY OF SPEECH BEHAVIOR PATTERNS

Аннотация. Возросший интерес к анализу речевого поведения человека вызывает необходимость определения базовой единицы коммуникативной сферы, которая могла бы служить основой для её анализа. В первой части статьи обсуждаются предлагаемые различными авторами единицы речевой деятельности, такие как речевой акт (Дж. Остин и Дж. Сёрль), речевой жанр (М. Бахтин), ситуативная, аспектная и параметрическая модели коммуникативного поведения (И. Стернин), модель речевой деятельности (К. Элих и Й. Ребайн). В заключение обзора на суд читателя выносятся авторская интерпретация базовой единицы коммуникации, которую предлагается назвать моделью речевого поведения (МРП). Иллокутивное содержание и общая организация МРП могут считаться универсальными, в то время как их языковая реализация является культурно обусловленной и может существенно различаться в разных языковых сообществах. Высказывания, входящие в определённую МРП, организованы по принципу поля, в составе которого выделяется прототипический центр и градуально сформированная периферия. Во второй части статьи описываются основные факторы и компоненты контрастивного анализа МРП, к которым относятся: дефиниция иллокутивной цели, выявление коммуникативно-прагматических факторов и основных структурных форм реализации МРП, контрастивное описание состава и иерархии коммуникативно-прагматических полей в анализируемых языках. В заключение выявляются различия между понятиями эквивалентности и адекватности и возможные отношения между ними в контрастивной лингвистике.

Ключевые слова: речевое поведение, модель, межкультурная коммуникация, контрастивная лингвистика, русский, немецкий.

Abstract. The increased interest in the analysis of human verbal behavior leads to the need to define a basic unit of the communication sphere which could serve as the basis of its analysis. The first part of the article provides an overview of different speech units proposed by various authors, such as a speech act (J. Austin and J. Searle), speech genre (M. Bakhtin), situational, aspect and parametric model of communicative behavior (I. Sternin), speech action pattern (K. Ehlich und J. Rehbein). As a conclusion to the overview, the authors propose their own interpretation of the basic unit of communication which they call "speech behavior pattern" (SBP). The illocutionary content and general organization of SBP can be considered universal, while its realization in a language is culturally conditioned and therefore may vary significantly in different language communities. Utterances constituting a certain SBP are organized as a field, which includes a prototypical center and a gradually formed periphery. The second part of the article considers the major factors and components of the contrastive analysis of SBP, including a definition of the illocutionary goal, identifying situational-pragmatic factors and the implementation of major structural forms of SBP, contrastive description of the structure and a hierarchy of communicative-pragmatic fields in the languages under analysis. Finally, the article reveals differences between the notions of equivalence and adequacy and describes possible relations between them in contrastive linguistics.

Key words: speech behavior, pattern, intercultural communication, contrastive linguistics, Russian, German.

Сведения об авторе: Гладров Вольфганг, доктор филологических наук, почётный доктор, профессор-эмерит.

Место работы: Берлинский университет им. Гумбольдта (Германия), Институт славистики.

Которова Елизавета Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лексикологии и прагмалингвистики.

Место работы: Зеленогурский университет (Польша), Институт германской филологии.

Контактная информация: W. Gladrow: Fritz-Reuter Str. 10, D-15732 Eichwalde, BRD. Tel. +4930-6754530; E-Mail: wolfgang.gladrow@rz.hu-berlin.de

E. Kotorova: Ostender Str. 35, D-13353 Berlin, BRD, Tel +4930-86387797 / ul. Prosta 6, m. 108, 65783 Zielona Góra, Polska, Tel. +4868-3287823. E-mail: e.kotorova@gmail.com

About the author: Gladrow Wolfgang, Doctor of Philology, Doctor honoris causa, Prof. em.

Place of employment: Humboldt University of Berlin, Institute for Slavonic Studies.

Kotorova Elizaveta Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Lexicology and Pragmalinguistics.

Place of employment: University of Zielona Góra (Poland), Institute for German Studies.

1. Модель речевого поведения (МРП) как базовая единица коммуникативно-прагматического анализа

Новейшие лингвистические исследования характеризуются выраженным интересом к анализу форм устной и письменной речи и изучению условий использования языковых средств говорящими при внутри- и межкультурной коммуникации. Такой подход с неизбежностью влечёт за собой необходимость выделения и определения базовых единиц коммуникативной сферы, которые могли бы служить основой для анализа речевого поведения индивидуумов и коммуникативных сообществ. Минимальной единицей речевого общения признаётся высказывание, которое, в отличие от предложения как единицы системы языка, является тесно связанным с речевой ситуацией, фоновыми знаниями говорящего, его целевыми установками и отношением к окружающему миру (ср. [1 : 18; 2 : 423 ; 3 : 36–40 ; 4 : 159 ; 5 : 199 ; 6 : 28–29] и др.). Понятие высказывания нередко, особенно на первых этапах развития прагмалингвистики, связывалось, а порой и отождествлялось с понятием речевого акта: «Универсум речи не образуется ни словами, ни предложениями: он образуется высказываниями (речевыми актами)» [7 : 99]. При такой интерпретации термина под речевым актом понимается некое конкретное коммуникативное действие, реализующее целевую установку говорящего. Джон Сёрль, указывая на то, что под речевыми актами он имеет в виду, прежде всего, иллокутивные акты, пишет: «производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения» [8 : 151]. В ходе развития теории речевых действий, однако, становится ясно, что одна и та же иллокуция может быть выражена разными способами, в связи с чем за понятием «речевого акта» закрепляется более широкий смысл, а именно, некоего набора высказываний, реализующих одну и ту же коммуникативную цель. Таким образом, форма термина «речевой акт» становится дезориентирующей (ср. [3 : 235]), так как его содержание обозначает теперь не собственно «акт», не процесс производства высказываний, а их функциональную общность. Данная тенденция находит своё отражение в том, что во многих более поздних работах вместо термина «речевой акт» (speech act) употребляется выражение «набор речевых актов» (speech act set) (см. напр. [9 : 1983 ; 10 : 1996] и др.).

Вопрос о выделении базовой единицы процесса речевого общения ставился также

и другими авторами в рамках других теорий. На русской почве почти параллельно с теорией речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля возникает и развивается теория речевых жанров Михаила Михайловича Бахтина, к сожалению, до настоящего времени мало известная в зарубежной лингвистике [11 : 69]. В рамках данной теории вводится понятие «речевого жанра», также базирующееся на высказывании как минимальной коммуникативной единице, но не сводимое к нему, а понимаемое как некий обобщающий тип: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [4 : 159]. Проблема соотношения понятий «речевого акта» и «речевого жанра» широко обсуждалась в российской лингвистической литературе (см. напр. [12–14] и др.), поэтому, не останавливаясь подробно на всех сходствах и различиях в семантике этих терминов, отметим лишь следующее. Как и термин «речевой акт», понятие «речевого жанра» также является многозначным и нечётко очерченным (см. [13 : 11]). На это обстоятельство указывал и сам Бахтин, отмечавший «крайнюю разнородность речевых жанров», к которым он относил «и короткие реплики бытового диалога, <...> и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализованный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов, <...> и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [4 : 159–160].

Важно подчеркнуть, что ни теория речевых актов, ни теория речевых жанров в своих классических вариантах не ставили перед собой задачи изучения функционирования предлагаемых ими базовых единиц на материале различных языков. Дж. Остин и Дж. Сёрль разработали свою теорию исключительно на материале английского, а М. М. Бахтин – русского языка. Их последователи, однако, стремились использовать предложенные ими модели как основу для контрастивного анализа форм их реализации в разных парах языков (напр. [15–21]). Хотя в целом сопоставительные исследования были осуществлены успешно, стало понятно, что каждая из моделей требует определённой доработки и адаптации для целей контрастивного изучения языков.

В это же время появляются отдельные работы и исследовательские направления, в рамках которых целенаправленно создаются модели, предназначенные для полного, си-

стемного и исчерпывающего сопоставительного описания коммуникативного поведения в двух или более социокультурных сообществах.

В русскоязычной литературе для комплексного описания коммуникативного поведения народа И. А. Стерниным были разработаны три модели: ситуативная, аспектная и параметрическая [22]. На основе данных моделей было проанализировано коммуникативное поведение многих национальных сообществ, изолированно и в сопоставлении (см. тематическую серию «Коммуникативное поведение», издаваемую в Воронеже).

В немецкоязычной литературе широкое распространение получила модель речевой деятельности (*sprachliches Handlungsmuster / speech action pattern*) Конрада Элиха и Йохена Ребайна [23–25]. Под «моделью деятельности» авторы понимают «специфическое сочетание действий и последовательностей действий» (*spezifisches Ensemble von Tätigkeiten und Tätigkeitsabfolgen*) [24 : 137], а свою модель определяют следующим образом: «Под моделью речевой деятельности понимаются возможные формы стандартизированных действий, актуализирующиеся и реализующиеся в конкретной деятельности» (*Sprachhandlungsmuster oder Sprechhandlungsmuster sind Formen von standardisierten Handlungsmöglichkeiten, die im konkreten Handeln aktualisiert und realisiert werden*) [23 : 250]. Авторы подчёркивают, что речевая деятельность не изолирована от остальных форм социальных практик, а в функциональном отношении интегрирована в другие формы общественной деятельности. Основными составляющими моделей речевой деятельности являются ментальные, акциональные и интеракциональные действия, называемые прагмемами. Модель обладает глубинной структурой, определяющей сочетания прагмем и последовательность действий внутри модели, структурная организация зависит от целей модели [23 : 252 ; 273]. Отдельные речевые действия как представители поверхностной структуры определяются как структурой конкретной модели, так и соотношениями между моделями.

Модель К. Элиха и Й. Ребайна была создана изначально для целей описания монолингвального речевого поведения в различных учреждениях (школы, больницы и т.п.), однако может быть также успешно применена в сопоставительных исследованиях (ср. [26 ; 27 ; 25 : 145, 148]).

В настоящее время, когда сопоставительный анализ коммуникативного поведения представителей разных культур и языков является одним из наиболее актуальных

направлений лингво-прагматического анализа, всё более осознанной становится необходимость выработки определённого алгоритма для такого рода исследований, что позволило бы получать в большей или меньшей степени единообразные результаты.

В рамках данной статьи предлагается и выносится на дискуссию такой алгоритм. В его основе лежит описание унифицированной единицы коммуникации и путей её реализации в коммуникации.

Основываясь на представленном выше анализе речевых элементов и моделей, предложенных разными авторами, представляется целесообразным определить единицу, лежащую в основе стереотипных коммуникативных действий как модель речевого поведения (МРП). Такие модели включают в себя некий набор вербальных (и / или невербальных) действий и распространяются на повседневные ситуации межличностного общения, ограниченные относительно небольшим временным отрезком. Таким образом, понятие МРП уже, чем понятие речевого жанра, оно сближается с представлением о «наборе речевых актов», представленном в работах последователей Дж. Остина и Дж. Сёрля, и с ситуативной моделью И. А. Стернина, однако обладает, в отличие от них, определённой структурой, которая будет описана ниже. При сравнении МРП с «моделью речевой деятельности» Конрада Элиха и Йохена Ребайна следует отметить, что МРП предназначена, прежде всего, не для анализа различных видов монолингвального дискурса, а для того, чтобы служить основой (*Tertium Comparationis*) в контрастивных исследованиях коммуникативного поведения представителей разных лингвокультурных сообществ, что находит отражение в её описании. К типичным МРП относятся такие широко обсуждаемые в прагмалингвистике модели, как ОБЕЩАНИЕ, ПРОСЬБА, УГРОЗА и т.п.

МРП конституируется набором элементарных высказываний, объединённых единой иллокутивной целью. Высказывания, входящие в данную МРП, организованы по принципу поля, в составе которого выделяется прототипический центр и градуально сформированная периферия, включающая выражения от граничащих с прототипическими до маргинальных.

В каждой речевой ситуации Говорящий выбирает из состава соответствующего коммуникативно-прагматического поля подходящее высказывание. Его выбор определяется иллокутивной целью, коммуникативно-прагматическими факторами и структурой основных формул, входящих в МРП.

2. Основные факторы и компоненты контрастивного анализа МРП

2.1. Иллокутивная цель высказывания: возможности описания и определения

Организирующим фактором МРП является иллокуция. То или иное высказывание может быть отнесено к определённой модели исключительно на основе того, какую иллокутивную цель преследует Говорящий при его произнесении. Важно проблемой при этом является необходимость семантической экспликации каждой конкретной целевой установки, то есть необходимо определить, что следует понимать под иллокуцией ОБЕЩАНИЯ, ПРОСЬБЫ, УГРОЗЫ и т.п. Такие дефиниции должны быть в максимальной степени универсальными, культурно независимыми, кроме того, они должны быть сформулированы как можно более единообразно в отношении различных МРП (см. [28 : 22 ; 29 : 63]). В качестве возможной научной основы для описания прагматического инварианта МРП может быть использована теория Естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой (30), современное состояние теории отражено на интернет-странице: <http://www.griffith.edu.au/humanities-languages/school-languages-linguistics/research/natural-semantic-metalanguage-homepage>. Теорию ЕСМ А. Вежбицкая неоднократно апробировала в ходе описания и сопоставления речевых актов и речевых жанров (см., напр. [30–32] и др.), ею были сформулированы ряд экспликаций, например, для ПРОСЬБЫ, ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ, СОВЕТА и др. Однако единого каталога дефиниций для различных речевых актов и / или речевых жанров (в терминологии автора) А. Вежбицкой создано не было. Важной публикацией в этой связи является Словарь английских речеактивных глаголов [33], однако в данном случае мы не имеем дело с универсальными концептами, в составе словаря анализируются конкретные глаголы конкретного языка. При этом следует учитывать то, что для реализации одной и той же речевой модели в разных языках может использоваться разный набор глаголов с определёнными отличиями в семантической экспликации, ср. рус. *предлагать* – англ. *suggest / propose*. Следует также упомянуть, что глаголы речи русского языка были описаны с применением аналогичной методики М. Я. Гловинской [34].

Наряду с теорией ЕСМ существуют, как известно, и другие концепции культурно нейтрального метаязыка, который можно было бы использовать для формулирования различного рода толкований. К наиболее известным следует отнести метаязык Московской семантической школы (МСШ) [35–37] и логический язык А. Богуславского [38 ;

39]. Однако ЕСМ представляет собой, на наш взгляд, в настоящее время в наибольшей степени законченную концепцию, поэтому при выработке определений для МРП мы предлагаем использовать теорию ЕСМ как основополагающую. Наряду с набором концептуальных примитивов в рамках теории ЕСМ были выработаны правила, на основе которых эти элементарные единицы должны объединяться с целью выражения того или иного значения. Таким образом, формируются списки канонических контекстов или канонических предложений. Чаще всего они имеют вид формулы с подлежащим, выраженным местоимением первого лица единственного числа и сказуемым в настоящем времени с модализацией или без, например: *Я полагаю, что ты можешь это сделать. Я говорю: Я хочу, чтобы ты это сделал* и т. п.

Таким образом, для каждой МРП необходимо выработать дефиницию её иллокутивной цели на основе списка семантических примитивов и правил построения канонических предложений.

Авторы теорий семантического метаязыка не без оснований полагают, что полностью избежать культурной специфики при характеристике МРП очень трудно. С одной стороны, представление о каждой речевой модели является в той или иной степени культурно обусловленным, что было наглядно показано А. Вежбицкой на основе сравнения речевой модели извинения в японском и в европейских языках (см. [40 : 655–662]). С другой стороны, сам набор семантических примитивов, в конечном итоге, в той или иной степени отражает специфику естественного языка, который он представляет (ср. [41 : 34]). Тем не менее, при контрастивном исследовании МРП в двух или нескольких языках следует стремиться к как можно более универсальной дефиниции иллокутивной цели.

2.2. Коммуникативно-прагматические факторы

Все неязыковые факторы, влияющие на процесс выбора языковых форм для реализации той или иной коммуникативной задачи, можно разделить на три основные группы: социальные факторы, культурные факторы и ситуативные факторы.

2.2.1. Социальные факторы.

Социальные факторы связаны с личностными особенностями интерактантов и отражают их позицию в обществе. К этой группе факторов могут быть отнесены различные характеристики взаимодействующих лиц, в частности:

1) социальный статус коммуникантов, т.е. их принадлежность к определённой соци-

альной группе, профессия, занимаемая должность, уровень образования, семейное положение, пр.;

2) биолого-физиологические данные интраквантов, т.е. их пол, возраст, состояние здоровья и пр.;

3) национальная принадлежность, т.е. отнесённость субъекта к определённой этнической общности;

4) региональная принадлежность, т.е. связь субъекта с определённой территорией проживания и / или происхождения;

5) языковая компетенция, т.е. знание субъектами определённого языкового кода, которым они пользуются при вербальной интеракции;

6) психологический тип субъектов, т.е. их темперамент, экстравертная или интровертная ориентация и пр.;

7) степень знакомства коммуникантов; (ср. [42 : 28–29]).

2.2.2. Культурные факторы

Эта группа факторов связана с культурными особенностями общества, членам которого являются интракванты. Они находят своё выражение в традициях, обычаях, привычках, культурных нормах. К наиболее важным факторам этой группы относятся следующие:

1) нормы этикета, под которыми подразумеваются общепринятые традиционные правила, предписывающие формы поведения в обществе;

2) нормы вежливости, регулирующие отношения между коммуникантами в каждой конкретной ситуации. Понятие вежливости, несомненно, связано с понятием языкового этикета в целом. Но было бы неправильно отождествлять эти два понятия: «Этикет представляет собой систему формальных поведенческих актов, и поскольку форма в известной мере автономна по отношению к содержанию, правила этикета не эквивалентны нормам морали» [43 : 55]. Если языковой этикет предписывает определённые формы поведения и использование определённых языковых выражений в соответствующих ситуациях, то вежливость связана с проявлением взаимного уважения. Вежливость заключается в применении говорящим языковых средств и стратегий, сигнализирующих адресату о том, что к нему хорошо относятся и что уважение собеседника распространяется на его личностную сферу [44 : 82]; ср. также [45].

3) социальные стереотипы как стандартизированное мнение об определённых социальных группах или отдельных лицах как представителях этих групп.

Факторы такого рода также могут повлиять на выбор стратегии поведения. Так, если

одним из коммуникантов является женщина, а говорящий мужчина принадлежит к культуре, в которой женщины рассматриваются как неравноправные мужчинам члены общества, то это может повлиять на выбор МРП: мужчина будет скорее отдавать приказы и угрожать, чем просить и убеждать.

2.2.3. Ситуативные факторы.

Ситуативные факторы, непосредственно связаны с текущей ситуацией, в которой происходит общение. К ним можно отнести:

1) время и место события;

2) связь речевого акта с остальным дискурсом;

3) психическое и физическое состояние коммуникантов.

При определении общей стратегии поведения ситуативные факторы подчинены первым двум группам факторов. М. Халлидей следующим образом характеризует их соотношение: «Контекст культуры определяет потенциал и диапазон открытых возможностей. Непосредственный же выбор из этих возможностей происходит в данном контексте ситуации (The context of culture defines the potential, the range of possibilities that are open. The actual choice among these possibilities takes place within the given context of situation)» [46 : 49]. Таким образом, социальные и культурные факторы очерчивают круг МРП, из которого может быть осуществлён выбор, а ситуативные факторы определяют конкретную модель в данной коммуникативной ситуации.

2.3. Структура основных формул, входящих в МРП

Каждая модель речевого поведения реализуется в определённых базовых грамматических структурах. Набор этих структур варьирует от модели к модели: так, для большинства директивных актов типичной формой реализации будет императивная конструкция, тогда как ассертивные и декларативные акты чаще всего выражаются с помощью повествовательных предложений. Не для всех МРП характерны структуры, включающие перформативные глаголы. Большинство МРП действительно в прототипическом случае реализуются с помощью перформативного глагола (например: ПОЗДРАВЛЯТЬ, ЗАВЕЩАТЬ). Но в некоторых случаях глагол, обозначающий цель коммуникации, не может ни в каком случае быть использован как перформативный (например: УГРОЖАТЬ, ОБМАНЫВАТЬ) (подробнее см. [29 : 64]). В составе полной перформативной формулы можно выделить, как правило, четыре составляющих: компоненту Действия, компоненту Говорящего, компоненту Адресата и компоненту Повода (для совершения

речевого акта) (ср. [47 : 48]). Последняя компонента является специфичной для каждой конкретной МРП: она может выражать содержание ПРОСЬБЫ или СОВЕТА, причину ИЗВИНЕНИЯ, повод для ПРИГЛАШЕНИЯ и т. п. Каждая из составляющих перформативной формулы может иметь сходства и различия в грамматическом оформлении в каждом из сопоставляемых языков. Все выше названные особенности должны быть учтены при характеристике МРП.

3. Коммуникативно-прагматическое поле как организационная структура МРП

Для более наглядного представления состава и структуры МРП целесообразно использовать при описании моделей теорию поля. Принцип поля, введённый в лингвистический обиход ещё в 30-х годах 20-го века, зарекомендовал себя как продуктивный способ репрезентации существующих отношений между элементами языковой системы. Как показали исследования в области лексических и грамматических систем языков, теория поля позволяет передать как взаимодействие разноуровневых средств выражения для передачи определённого значения или определённой функции, так и взаимоотношение между планом содержания и планом выражения любых языковых единиц.

В этом смысле поле представляет собой перспективную основу для контрастивных исследований (ср. [48]). В процессе сопоставления языков семантический инвариант поля выполняет функцию третьего члена сравнения (*Tertium Comparationis*), а средства выражения отражают специфику устройства каждого из сопоставляемых языков. Важнейшим признаком поля является членение языковых единиц по принципу центр – периферия. Ф. Данеш обосновал этот принцип как универсальный признак устройства языка на разных его стратификационных уровнях [49].

В качестве доминанты поля, как нам представляется, может выступать цель МРП или его иллокутивная сила. Такая постановка вопроса даёт нам возможность объединить все существующие в сопоставляемых языках формы выражения МРП с определённой иллокутивной задачей в поле. Такое поле мы могли бы обозначить как коммуникативно-прагматическое поле.

Применение понятия поля для анализа форм реализации МРП могло бы внести существенный вклад в развитие теории речевых актов и их сопоставительное изучение, так как с помощью модели поля можно выявить системные отношения между элемен-

тами, их функциональную связь и, таким образом, наглядно продемонстрировать парадигматические и синтагматические отношения между элементами.

Коммуникативно-прагматические поля соединяют инвентарь разнообразных грамматических, лексических, словообразовательных, топологических и просодических средств, служащих для выражения определённой иллокутивной цели (например, ПРОСЬБЫ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ИЗВИНЕНИЯ, ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ и т.д.) (ср. [50 : 326–327]). Таким образом, коммуникативно-прагматическое поле представляет собой совокупность иллокутивной силы МРП и ее форм.

Как было уже указано, ведущим конституирующим принципом полевой структуры является деление средств выражения, образующих поле, на центральные и периферийные. Организующая поле доминанта и наиболее тесно связанные с ней средства реализации образуют ядро поля, в то время как остальные конституенты распределяются по периферии поля. Ядро и периферия отличаются следующими принципами: 1) максимальная концентрация прототипических признаков (ядро) – меньшая концентрация таких признаков (периферия), 2) максимальная коммуникативная нагрузка конституентов (ядро) – меньшая нагрузка (периферия), 3) наибольшая специализированность соответствующих языковых средств для реализации определённой коммуникативной задачи (ядро) – меньшая специализации (периферия), 4) высшая степень регулярности и употребительности данного языкового средства (ядро) – нерегулярность и меньшая употребительность (периферия), 5) постепенный переход признаков от центра к периферии и пересечение с соседними полями на периферии (ср. [51 : 18 ; 52 : 5]).

Состав коммуникативно-прагматического поля является этнокультурно обусловленным. Одна и та же иллокутивная цель может быть в разных языках и культурах выражена разными средствами, распределение которых по полю может зависеть от конкретного языка. В этом смысле полевая модель является плодотворным инструментом для контрастивного анализа.

При сопоставлении МРП ПРИВЕТСТВИЯ, например, выясняется, что центральной формуле ПРИВЕТСТВИЯ в русском языке *Здравствуйте!* в современном немецком языке соответствуют два выражения: *Guten Tag!* и *Hallo!* Последняя формула, которая первоначально употреблялась только как приветствие по отношению к социально равнонаправленным партнёрам по коммуникации (ср. в русском *Привет!*), в последние два-

три десятилетия употребляется параллельно с конструкцией *Guten Tag!* фактически универсально [53 : 210 et passim; 54 : 138, 153 ; 55 : 63 , 123], ср.:

(1) – *Здравствуйте, Михаил Петрович. Хорошо, что мы встретились.*

(2) – *Guten Tag, Herr Bauer, gut, dass ich Sie treffe!*

В Германии также возможно:

(3) “*Hallo Herr Professor Bauer, ich hoffe diese Nachricht erreicht Sie oder einen wissenschaftlichen Mitarbeiter Ihres Bereiches*” (DMSG-Forum).

Таким образом, формула *Hallo!* находится в центре коммуникативно-прагматического поля ПРИВЕТСТВИЯ в немецком языке, что о русской формуле *Привет!* сказать нельзя. Формула *Привет!*, хотя и употребляется достаточно часто, является в современном русском языке стилистически маркированной и не может поэтому принадлежать центру поля.

4. Понятия эквивалентности и адекватности в контрастивных исследованиях

В связи с тем, что в последние 20–30 лет контрастивные исследования сосредоточиваются не только на данных языковой системы, т.е. на сопоставлении лексических единиц, морфологических категорий и синтаксических конструкций, а обращаются все больше к сопоставлению речевой деятельности и выявлению своеобразия различных лингвокультур (ср. [47 ; 56–60]), заново ставится вопрос выявления эквивалентных соотношений между сравниваемыми языками. Важнейшей задачей при сопоставлении МРП в различных языках является выявление и описание конструкций, выполняющих идентичную коммуникативную функцию и реализующих одну и ту же иллокутивную цель и являющихся, таким образом, коммуникативными эквивалентами. При этом понятия системной и коммуникативной эквивалентности не являются тождественными.

Как известно, предпосылкой выявления эквивалентов является идентичность предметов и ситуаций объективной или воображаемой действительности. Тождественные концепты, пропозиции или МРП передаются в каждом языке специфическими средствами выражения. Это связано с тем, что каждый язык по-своему обозначает положения вещей, выбирает и упорядочивает при номинации объектов различные аспекты. Отражая тождественные денотаты, каждый язык характеризуется автономностью относительно своего конкретного кодирования,

т.е. языки различаются не только тем, что они передают идентичные денотаты различными языковыми средствами – этот факт является для контрастивной лингвистики тривиальным, – а также и тем, каким способом передается внеязыковое содержание. Поэтому для установления эквивалентных соотношений следует учесть весь диапазон разноуровневых средств выражения в каждом из сопоставляемых языков: морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные, топологические, просодические, т.е., грамматикализованные и неграмматикализованные, лексикализованные и нелексикализованные.

В связи с включением в объект контрастивных исследований речевой деятельности участников коммуникации и необходимостью анализа роли говорящего и слушающего в процессе формирования дискурса возникает вопрос, в какой степени понятие эквивалентности сможет отразить данные внеязыковые параметры, связанные с особенностями коммуникативных ситуаций, спецификой социальных, возрастных, ситуативных и этнокультурных соотношений участников акта общения, а также с их отношением к объекту речи.

Чтобы ответить на вопрос о различиях в соответствиях между системными единицами двух языков, с одной стороны, и функционированием этих единиц в речевой деятельности, с другой стороны, предлагается различать понятия эквивалентности и адекватности (ср. [61–63]).

Эквивалентность – это системное соответствие языковых структур на лексическом и грамматическом уровнях на основе их функциональной идентичности. Как правило, в научной литературе различают разные степени эквивалентности: полную, частичную и нулевую эквивалентность (ср. [64 : 43–57]).

Охарактеризовать понятие адекватности необходимо в сопоставлении с понятием эквивалентности. В то время как под эквивалентностью понимается системное соответствие в языковых (лексических и грамматических) конструкциях (ср. [65 ; 66]), адекватностью называется системное соответствие между речевыми выражениями МРП, которое основывается на коммуникативной идентичности и тождественности иллокутивной силы высказываний (ср. [62 ; 63]). При таком ситуативном сопоставлении возможны различия в отношении их структурной эквивалентности.

В зависимости от объекта сопоставления можно выделить четыре уровня соотношения между адекватностью и эквивалентно-

стью: 1) адекватность и эквивалентность могут совпадать, 2) адекватность может соотноситься с неэквивалентностью, 3) адекватность может соотноситься с нулевой эквивалентностью и 4) эквивалентность может соотноситься с неадекватностью. Рассмотрим коротко эти четыре возможности соотношения адекватности и эквивалентности.

1) Отношения адекватности и эквивалентности совпадают, например, при сопоставлении выражения просьбы при помощи вопросительного предложения, ср.:

(4) *Вы не скажете, как пройти на станцию метро «Университетская»?*

(5) *Können Sie mir nicht sagen, wie man zur Metrostation "Universität" gelangt?*

В данном примере потенциально-модальное значение совершенного вида (*сказать*) в немецком языке передаётся модальным глаголом (*können*). На основе соответствия между частным значением совершенного вида в русском языке и модальным глаголом в немецком можно говорить о частичной эквивалентности, на которой базируется ситуативная адекватность.

2) Второй уровень взаимоотношения адекватности и эквивалентности, т.е. соответствие адекватности и неэквивалентности, проявляется, например, в ситуации просьбы, где один пассажир в городском транспорте просит другого передать билет, ср.:

(6) *Передайте, пожалуйста, билетик.*

(7) *Geben Sie bitte mal den Fahrschein weiter. / Könnten Sie mal den Fahrschein weitergeben?*

Чтобы уменьшить значимость своей просьбы и как можно меньше затрагивать персональную территорию адресата, русскоговорящий пассажир употребляет уменьшительную форму существительного (*билетик*). Немецкий же говорящий для выражения аналогичного намерения, как правило, не станет употреблять уменьшительную форму существительного, поскольку в немецком языке она указывала бы на размер билета ‚маленький билет‘ (*Fahrscheinchen*). Однако в немецком высказывании в подобной ситуации вводится модальная частица (*mal*), которая смягчает повелительное наклонение глагола. То есть, несмотря на то, что между уменьшительной формой существительного и модальной частицей отношения системной эквивалентности быть не может, между высказываниями просьбы в немецком и русском языках можно установить отношение адекватности. В этом смысле перед нами соответствие адекватности и неэквивалентности.

Случай, где между русской и немецкой коммуникативной ситуацией существует соотношение адекватности на основе неэквивалентности средств выражения:

(8) – *Вы не подскажете, как пройти на вокзал?*
– *Нет, не знаю. Я не здешний.*

– *Извините.*

(9) *“Können Sie mir sagen, wie ich hier zum Bahnhof komme?”*

“Nein, tut mir Leid. Ich bin nicht von hier.”

“Danke.”

Нас в этой ситуации интересует возможная реакция говорящего на отрицательный ответ партнёра коммуникации. В немецком языке говорящий в большинстве случаев благодарит адресата, несмотря на то, что тот не смог ему помочь. Он благодарит за то, что адресат уделил ему свое внимание. Русский, напротив, скорее всего, ответил бы вместо выражения благодарности формой извинения. То есть, он извиняется за то, что он в смысле дистанционной вежливости затронул персональную территорию адресата (ср. [45]).

3) Третий уровень взаимоотношения адекватности и эквивалентности представляет собой соответствие адекватности и нулевой эквивалентности. Это соотношение наблюдается тогда, когда в коммуникативной культуре сравниваемых языков нет соответствий в языковом поведении. В качестве примера можно привести определённые формулы приветствия и пожелания. Так, в различных диалектах и социолектах Германии приняты формулы ПРИВЕТСТВИЯ, неизвестные в России, например, *Petri Heil!* в жаргоне рыбаков. Хотя в Большом немецко-русском словаре О. И. Мо-скальской [67 : 189] по отношению к приветствию немецких рыбаков *Petri Heil!* даётся русское соответствие *Слава апостолу Петру!*, нельзя утверждать, что русские рыбаки при встрече употребляют эту этикетную формулу (в новом немецко-русском словаре, ср. [68 : 330], приводится правильное объяснение этого немецкого приветствия). И наоборот, русское приветствие идущему из бани *С лёгким паром!* не имеет соответствия в немецкой культуре отдыха, вот почему в Германии в идентичной ситуации эту формулу дословно переводить нельзя. Исходя из вышеприведённых ситуаций, где наблюдаются различия в нормах языкового употребления и в конвенциональном языковом поведении, можно говорить о нулевой эквивалентности.

4) Четвёртый уровень, когда эквивалентность соотносится с неадекватностью, проявляется, например, в ситуации ПОЗДРАВЛЕНИЯ.

В то время как русские и немцы поздравляют друг друга с личными праздниками, такими как день рождения, серебряная свадьба и т. д., религиозные и государственные праздники, такие как Рождество и Новый год, являются только в России мотивацией для МРП поздравления. В Германии по этому поводу не поздравляют, а передают наилучшие пожелания. Поэтому примеры (10) и (11) являются формальными (грамматически и лексически правильными) эквивалентами, но не адекватными соответствиями.

- (10) *Serdecно поздравляю Вас с Новым годом.*
 (11) *Ich gratuliere Ihnen herzlich zum neuen Jahr.*

Адекватное немецкое соответствие было бы, как правило, ПОЖЕЛАНИЕ:

- (12) *Ich wünsche Ihnen ein gutes neues Jahr.*

Приведённые примеры показывают, что при помощи понятия адекватности можно установить самые разнообразные соответствия в речевом поведении двух этнокультур и их формальном воплощении в МРП данных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Searle J. R. *Speech acts. An essay in the philosophy of language.* Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 203 p.
2. Savigny von E. *Sentence meaning and utterance meaning: a complete case study // Meaning, use and interpretation of language / ed. R. Bäuerle.* Berlin : Walter de Gruyter, 1983. P. 423–435.
3. Lyons J. *Linguistic semantics: An introduction.* Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 376 p.
4. Бахтин М. М. *Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений.* М. : Русские словари, 1996. Том 5 : Работы 1940–1960 годов. С. 159–206.
5. May J. L. *Pragmatics. An introduction.* 2nd. ed. Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 2001. 418 p.
6. Gladrow W. *Die Konzeption der mehrdimensionalen Äußerungsstruktur im russisch-deutschen Sprachvergleich // Beiträge zur russisch-deutschen kontrastiven Grammatik / Hrsg. von W. Gladrow, R. Hammel.* Frankfurt am Main u a. : Lang, 2001. S. 27–46.
7. Вежбицка А. *Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина.* Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 99–111.
8. Сёрль Д. *Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 17 / под ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс. С. 151–169.
9. Olshtain E., Cohen A. D. *Apology : A speech act set // Sociolinguistics and language acquisition / eds. N. Wolfson, E. Judd.* Rowley, MA : Newbury house, 1983. P. 18–35.
10. Murphy B., Neu J. *My grade's too low : The speech act set of complaining // Speech acts across*

cultures : Challenges to communication in second language / eds. S. M. Gass, J. Neu. Berlin : Mouton de Gruyter, 1996/ P. 191–216.

11. Dönninghaus S. *Sprechakt und Kommunikationsgenre (Theoretische Aspekte der sprachlichen Interaktion) // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV), Bd. 4.* Hrsg. von K. Böttger, S. Dönninghaus, R. Marzari. München : Otto Sagner Verlag, 2001. S. 69–79.

12. Кожина М. Н. *Речевой жанр и речевой акт: некоторые аспекты проблемы // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина.* Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 52–61.

13. Дементьев В. В. *Теория речевых жанров.* М. : Знак, 2010. 600 с.

14. Комлева Е. В. *Соотношение понятий «речевой жанр» и «речевой акт» (на материале немецких апеллятивных текстов) // Теория и практика общественного развития.* Краснодар, 2011, № 5. С. 296–300.

15. Rose K. R. *Method and scope in cross-cultural speech act research: A contrastive study of requests in Japanese and English.* PhD Dissertation, 1992. URL: <http://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/2152> 5 (дата обращения: 20. 05. 2015).

16. Eslamirasekh Z. *A cross-cultural comparison of the requestive speech act realization patterns in Persian and American English.* PhD Dissertation, 1992. URL: <https://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/21720> (дата обращения: 20.05.2015).

17. Félix-Brasdefer J. C. *Pragmatic variation across Spanish(es): Requesting in Mexican, Costa Rican, and Dominican Spanish // Intercultural pragmatics,* 2009, vol. 6, № 4. P. 473–515.

18. Шеловских Т. И. *Речевой акт совета : функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Воронеж, 1995. 16 с.

19. Дубровская, Т. В. *Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Саратов, 2003. 25 с.

20. Фенина В. В. *Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Саратов, 2005. 20 с.

21. Гаиева О. В. *Речевой акт обещания в современном французском и английском языках : семантико-прагматический и грамматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Екатеринбург, 2007. 24 с.

22. Стернин И. А. *Модели описания коммуникативного поведения.* Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. 27 с.

23. Ehlich K., Rehbein J. *Sprachliche Handlungsmuster // Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften / Hrsg. von H.-G. Soeffner.* Stuttgart: Metzler, 1979. S. 243–274.

24. Ehlich K., Rehbein J. *Muster und Institution. Untersuchungen zur schulischen Kommunikation.* Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986. 62 s.

25. Bührig K. *«Speech action patterns» and «discourse types» // Folia linguistica,* 2005. Vol. 39, № 1–2. S. 143–171.

26. Interkulturelle Kommunikation / Hrsg. von J. Rehbein. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985. 495 s.
27. Multilingual communication / eds. J. House, J. Rehbein. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2004. 358 p.
28. Гладров В. Специфика употребления методов и приемов в сопоставительном изучении русского языка // Русский язык за рубежом. М., 1994, № 5–6. С. 17–23.
29. Которова Е. Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований / Tomsk journal of linguistics and anthropology, Вып. 1 (1), 2013. С. 58–67.
30. Wierzbicka A. Act of speech // Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt am Main : Athenäum Verlag, 1972. P. 122–149.
31. Wierzbicka A. Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbiór studiów / Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław etc.: Ossolineum, 1983. S. 125–137.
32. Wierzbicka A. A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres // Language and society, 1985, vol. 1. P. 491–513.
33. Wierzbicka A. English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney etc.: Academic Press, 1987. 397 p.
34. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М. : Наука, 1993. С. 158–218.
35. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 367 с.
36. Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст» // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 1. Wien : Institut für Slawistik der Universität Wien, 1980. 119 с.
37. Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1994, № 4. С. 27–39.
38. Boguslawski, A. Semantyczne pojęcie liczebniaka. Wrocław : Ossolineum, 1966.
39. Boguslawski A. On semantic primitives and meaningfulness // Sign, Language and Culture / eds. A.J. Greimas, R. Jakobson, M. R. Mayenowa, S. Zolkiewski. The Hague : Mouton, 1970. P. 143–152.
40. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева / под ред. Т. В. Булыгиной. М. : Языки русской культуры, 1999. 780 с.
41. Гладкова А. Русская культурная семантика. Эмоции, ценности, жизненные установки. М. : Языки славянских культур, 2010. 304 с.
42. Богданов В. В. Речевое общение : Прагматические и семантические аспекты. Л. : ЛГУ, 1990. 88 с.
43. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : Институт языкознания АН СССР, 1991. 495 с.
44. Гладров В. Скрытая категория вежливости в русском и немецком языках // Семантико-
- дискурсивные исследования языка : эксплицитность / имплицитность выражения смыслов / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград : Изд-во РГУ им. Иммануила Канта, 2006. С. 81–93.
45. Brown P., Levinson S. Politeness. Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 367 p.
46. Halliday M. A. K. Explorations in the functions of language. London : Edward Arnold, 1973. 144 p.
47. Pisarek L. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы) // Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. Iss. 89. 173 с.
48. Гладров В. Функциональная грамматика и сопоставительная лингвистика // Исследования по языкознанию : К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко / Отв. ред. И. В. Недашков. СПб : СПбГУ, 2001. С. 67–77.
49. Daneš F. The Relation of centre and periphery as a language universal // Travaux linguistiques de Prague, 2 : Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue / eds. J. Vachek; M. Komárek et al. Prague: Academie Tchecoslovaque des sciences, 1966. P. 9–21.
50. Flämig W. Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge. Berlin: Akademie Verlag, 1991. 640 S.
51. Бондарко А. В. Введение. Полевые структуры в системе функциональной грамматики. // Проблемы функциональной грамматики : полевые структуры / под ред. С. А. Шубика, А. В. Бондарко. СПб : Наука, 2005. С. 12–28.
52. Sommerfeldt K.-E., Schreiber H., Starke G. Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen. Berlin, München : Langenscheidt, 1991. 144 S.
53. Schulze-Neufeld H. Grüßen im Deutschen und Russischen : Eine kontrastive inferenzstatistisch-empirische Analyse // Berliner Slawistische Arbeiten. Vol. 40. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2012. 224 s.
54. Kadzadej B. Anrede- und Grußformen im Deutschen und Albanischen // Albanische Universitätsstudien. Bd. 1. Oberhausen : Athena, 2011. 200 s.
55. Bingan Ch. B. D. Begrüßung, Verabschiedung und Entschuldigung in Kamerun und Deutschland. Zur linguistischen und kulturkontrastiven Beschreibung von Sprechakten // Medium fremder Sprachen und Kulturen. Bd. 17. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. 224 s.
56. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin, N. Y. : Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.
57. Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // Филологические науки, 1992, № 3. С. 78–90.
58. Городникова М. Д., Добровольский, Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. М.: Русский язык, 2001. 332 с.
59. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 512 с.
60. Формановская Н. И., Третьякова Н. Н. Русский и немецкий речевой этикет: сходства и разли-

чия. Справочник. Москва : Высшая школа, 2010. 119 с.

61. Гладров В. От эквивалентности языковых структур к адекватности речевых актов // Русистика, 2000, № 1. С. 48–59.

62. Гладров В. Актуальные теоретические аспекты сопоставительного изучения русского языка // Язык. Культура. Человек : сб. науч. ст. к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой / под ред. М. Л. Ремнёвой и др. М : МАКС пресс, 2008. С. 63–69.

63. Kotorova E. G. Äquivalenz und Adäquatheit im Sprachsystem und in der Kommunikation // Die Sprache in Aktion / Hrsg. von M.L. Kotin, E.G. Kotorova. Heidelberg: Winter, 2011. S. 85–93.

64. Einführung in die konfrontative Linguistik / Hrsg. von R. Sternemann. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1983. 147 s.

65. Gladrow W. Der Äquivalenzbegriff in der konfrontativen Linguistik // Zeitschrift für Slawistik, 1990, Bd. 35. S. 476–481.

66. Kotorova E. G. Äquivalenzbeziehungen : Wort, Wortgruppe, Wortsystem. Marburg : Tectum-Verlag, 2007. 197 s.

67. Большой немецко-русский словарь / под ред. О. И. Москальской. В 2 т. Т. 2. М. : Советская энциклопедия, 1969. 1440 с.

68. Новый большой немецко-русский словарь / под общ. рук. Д.О. Добровольского. В 3 т. Т. 2. М. : АСТ Астрель, 2009.

REFERENCES

1. Searle J. R. *Speech acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.

2. Savigny von E. Sentence meaning and utterance meaning: a complete case study. *Meaning, use and interpretation of language*. Ed. by R. Bäuerle. Berlin, 1983, pp. 423–435.

3. Lyons J. *Linguistic semantics: An introduction*. Cambridge, 1995. 376 p.

4. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [Problem of speech genres]. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, 1996, pp. 159–206.

5. May J. L. *Pragmatics. An introduction*. 2nd. ed. Oxford, 2001. 418 p.

6. Gladrow W. Die Konzeption der mehrdimensionalen Äußerungsstruktur im russisch-deutschen Sprachvergleich [The concept of multidimensional expression of structure in the Russian-German linguistic comparison.]. *Beiträge zur russisch-deutschen kontrastiven Grammatik* [Contributions to the Russian-German contrastive grammar. Ed. by W. Gladrow, R. Hammel]. Frankfurt am Main u a., 2001, ss. 27–46.

7. Wierzbicka A. Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 99–111.

8. Sjør! D. Chto takoe rechevoj akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [Novelty

in foreign linguistics. Ed. by B. Ju. Gorodeckogo]. Iss. 17. Moscow, 1986, pp. 151–169.

9. Olshtain E., Cohen A. D. Apology: A speech act set. *Sociolinguistics and language acquisition*. Eds. N. Wolfson, E. Judd. Rowley. MA, 1983, pp. 18–35.

10. Murphy B., Neu J. My grade's too low: The speech act set of complaining. *Speech acts across cultures: Challenges to communication in second language*. Eds. S. M. Gass, J. Neu. Berlin: Mouton de Gruyer, 1996, pp. 191–216.

11. Dönninghaus S. Sprechakt und Kommunikationsgenre (Theoretische Aspekte der sprachlichen Interaktion) [Speech and communication Genre (Theoretical aspects of verbal interaction)]. *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*, [Contributions from the European Slavistischen Linguistics (POLYSLAV)]. Ed. by K. Böttger, S. Dönninghaus, R. Marzari]. Vol. 4. München, 2001, ss. 69–79.

12. Kozhina M. N. Rechevoj zhanr i rechevoj akt: nekotorye aspekty problemy [Speech genre and speech act: some aspects of the problem]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 52–61.

13. Demytyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

14. Komleva E. V. Sootnoshenie ponjatij «rechevoj zhanr» i «rechevoj akt» (na materiale nemeckih appellativnyh tekstov) [Correlation of the notions «speech act» and «speech genre» (based on the German appellative texts)]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. Krasnodar, 2011, no. 5, pp. 296–300.

15. Rose K. R. *Method and scope in cross-cultural speech act research: A contrastive study of requests in Japanese and English*. PhD Dissertation, 1992. Available at: <http://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/21525> (accessed 20.05.2015).

16. Eslamirasekh Z. *A cross-cultural comparison of the requestive speech act realization patterns in Persian and American English*. PhD Dissertation, 1992. Available at: <https://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/21720> (accessed 20.05.2015).

17. Félix-Brasdefer J. C. Pragmatic variation across Spanish(es): Requesting in Mexican, Costa Rican, and Dominican Spanish. *Intercultural pragmatics*, 2009, vol. 6, no. 4, pp. 473–515.

18. Shelovskih T. I. *Rechevoj akt soveta: funkcion-al'no-pragmaticheskij analiz (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov)* [Speech act of advice: functional-pragmatical analysis (on the base of French and Russian). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Voronezh, 1995. 16 p.

19. Dubrovskaja T. V. *Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkom i anglijskom rechevom obshhenii* [Speech genres «condemnation» and «accusation» in the Russian and English speech communication. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2003. 25 p.

20. Fenina V. V. *Rechevye zhanry small talk i svetskaja beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'tur-rah* [Speech genres «small talk» and «svetskaya beseda» in the Anglo-American and Russian cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2005. 20 p.

21. Gasheva O. V. *Rechevoj akt obeshhanija v sovremenom francuzskom i anglijskom jazykah: semantiko-pragmaticskej i grammaticeskij aspektj* [Speech act of promising in contemporary French and English: semantic-pragmatic and grammatical aspects. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2007. 24 p.
22. Sternin I. A. *Modeli opisanija komunikativnogo povedenija* [Models of describing of communicative behaviour]. Voronezh, 2000. 27 p.
23. Ehlich K., Rehbein J. Sprachliche Handlungsmuster. *Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften*. Hrsg. von H.-G. Soeffner. Stuttgart, 1979, pp. 243–274.
24. Ehlich K., Rehbein J. *Muster und Institution. Untersuchungen zur schulischen Kommunikation*. Tübingen, 1986. 62 p.
25. Bührig K. «Speech action patterns» and «discourse types». *Folia linguistica*, 2005. Vol. 39, no. 1–2, pp. 143–171.
26. *Interkulturelle Kommunikation*. Hrsg. von J. Rehbein. Tübingen, 1985. 495 p.
27. *Multilingual communication*. Eds. J. House, J. Rehbein. Amsterdam, Philadelphia, 2004. 358 p.
28. Gladrov V. Specifika upotreblenija metodov i priemov v sopostavitel'nom izuchenii russkogo jazyka [The specifics of application of methods and techniques in comparative studies of the Russian language]. *Russkij jazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. Moscow, 1994, no. 5–6, pp. 17–23.
29. Kotorova E. G. Kommunikativno-pragmaticscheskoe pole kak metod kompleksnogo opisanija sposobov realizacii rechevyh aktov [Communicative-pragmatic field as a method of comprehensive description for means of speech acts realization]. *Tomskij zhurnal lingvisticeskij i antropologičeskij issledovanij* [Tomsk journal of linguistics and anthropology], Iss. 1 (1). Tomsk, 2013, pp. 58–67.
30. Wierzbicka A. Act of speech. Wierzbicka A. *Semantic primitives*. Frankfurt am Main, 1972, pp. 122–149.
31. Wierzbicka A. Genry mowy. *Tekst i zdanie*. Zbiór studiów. Ed. by T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław et al., 1983, pp. 125–137.
32. Wierzbicka A. A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres. *Language and society*, 1985, Vol. 14, pp. 491–513.
33. Wierzbicka A. English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney etc., 1987. 397 p.
34. Glovinskaja M. Ja. Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevyh aktov [Semantics of speech verbs with regard to speech acts theory]. *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticseskij aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect. Eds. E. A. Zemskaja, D. N. Shmelev. M., 1993, pp. 158–218.
35. Apresjan Ju. D. *Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of the language]. M., 1974. 367 p.
36. Apresjan Ju. D. Tipy informacii dlja poverhnostno-semanticheskogo komponenta modeli «Smysl ⇔ Tekst» [Types of information for the surface semantic component of the model «Meaning ⇔ Text»]. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd.1. Wien, 1980. 119 p.
37. Apresjan Ju. D. O jazyke tolkovanij i semanticheskijh primitivah [On the language of definitions and semantic primitives]. *Izvestija Akademii nauk. Serija literatury i jazyka* [Proceedings of Academy of Science. Series of literature and language]. 1994, no. 4, pp. 27–39.
38. Bogusławski A. *Semantyczne pojęcie liczebnika* [The semantic notion of type number]. Wrocław, 1966. 275 p.
39. Bogusławski A. On semantic primitives and meaningfulness. *Sign, Language and Culture*. Eds. A. J. Greimas, R. Jakobson, M. R. Mayenowa, S. Zolkiewski. The Hague, 1970, pp. 143–152.
40. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i opisanije jazykov [Semantic universals and language description. Translated by A. D. Shmeleva. Ed. by T. V. Bulyginov]. Moscow, 1999. 780 p.
41. Gladkova A. *Russkaja kul'turnaja semantika. Jemocii, cennosti, zhiznennye ustanovki* [Russian cultural semantics. Emotions, values, life aims]. Moscow, 2010. 304 p.
42. Bogdanov V. V. *Rechevoje obshhenie: Pragmaticscheskie i semanticheskie aspektj* [Speech communication: Pragmatic and semantic aspects]. Leningrad, 1990. 88 p.
43. Karasik V. I. *Jazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow, 1991. 495 p.
44. Gladrov V. Skrytaja kategorija vezhlivosti v russkom i nemeckom jazykax [Hidden category of politeness in Russian and German]. *Semantiko-diskursivnye issledovanija jazyka: jeksplisitnost' / implicitnost' vyrazhenija smyslov* [Semantic-discursive research of language: explicit / implicit of the sense expression. Ed. by S. S. Vaulinov]. Kalinigrad, 2006, pp. 81–93.
45. Brown P., Levinson St. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge, 1987. 367 p.
46. Halliday M. A. K. *Explorations in the functions of language*. London, 1973. 144 p.
47. Pisarek L. Rechevyje dejstvija i ih realizacija v russkom jazyke v sopostavlenii s pol'skim (jekspressivnyj) [Speech actions and its realization in the Russian language in comparison to Polish (expressives)]. *Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis*. Wrocław, 1995, iss. 89. 173 p.
48. Gladrov, V. Funkcional'naja grammatika i sopostavitel'naja lingvistika [Functional grammar and comparative linguistics]. *Issledovanija po jazykoznaniju* [Studies in linguistics. Ed. by I. V. Nedjalkov]. St.-Petersburg, 2001, pp. 67–77.
49. Daneš F. The relation of centre and periphery as a language universal. *Travaux linguistiques de Prague, 2: Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue*. Eds. J. Vachek; M. Komárek et al. Prague, 1966, pp. 9–21.
50. Flämig W. *Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge* [Grammar of German. Introduction to structure - activity relationships]. Berlin, 1991. 640 p.
51. Bondarko A. V. Vvedenie. Polevyje struktury v sisteme funkcional'noj grammatiki [Introduction. Field

- structures in the system of functional grammar]. *Problemy funkcional'noj grammatiki: polevye struktury* [Problems of functional grammar: field structures. Ed. by. S. A. Shubika, A. V. Bondarko]. St.-Petersburg, 2005, pp. 12–28.
52. Sommerfeldt K.-E., Schreiber H., Starke G. *Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen* [Grammatical-semantic fields. Introduction and exercises]. Berlin, München, 1991. 144 p.
53. Schulze-Neufeld H. Grüßen im Deutschen und Russischen: Eine kontrastive inferenzstatistisch-empirische Analyse [Greetings in German and Russian: A contrastive inferential statistics-empirical analysis]. *Berliner Slawistische Arbeiten*. Vol. 40. Frankfurt am Main, 2012. 224 p.
54. Kadzadej B. Anrede- und Grußformen im Deutschen und Albanischen [Salutations and salutation in English and Albanian]. *Albanische Universitätsstudien*. Bd. 9. Oberhausen, 2011. 200 p.
55. Bingan Ch. B. D. Begrüßung, Verabschiedung und Entschuldigung in Kamerun und Deutschland. Zur linguistischen und kulturkontrastiven Beschreibung von Sprechakten. *Medium fremder Sprachen und Kulturen*. Bd. 17. Frankfurt am Main, 2010. 224 S.
56. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin, New York, 1991. 502 p.
57. Gak, V. G. Sopostavitel'naja pragmatika [Contrastive pragmatics]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 1992, no. 3, pp. 78–90.
58. Gorodnikova M. D., Dobrovol'skij, D. O. *Nemecko-russkij slovar' rechevogo obshhenija* [German-Russian dictionary of speech communication]. Moscow, 2001. 332 p.
59. Larina T. V. *Kategorija veshlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnyh tradicij* [Category of politeness and style of communication. Comparison of the English and Russian linguo-cultural traditions]. Moscow, 2009. 512 p.
60. Formanovskaja N. I., Tret'jakova N. N. *Russkij i nemeckij rechevoj jetiket: shodstva i razlichija. Spravochnik* [Russian and German speech etiquette: similarities and differences. Handbook]. Moscow, 2010. 119 p.
61. Gladrov V. Ot jekvivalentnosti jazykovykh struktur k adekvatnosti rechevykh aktov [From the equivalence of language structures to the adequacy of speech acts]. *Rusistika* [Russian philology], 2000, no. 1, pp. 48–59.
62. Gladrov V. Aktual'nye teoreticheskie aspekty sopostavitel'nogo izuchenija russkogo jazyka [Topical theoretical aspects of comparative studies of the Russian language]. *Jazyk. Kul'tura. Chelovek* [Language. Culture. Man. Ed. by M. L. Remnjovoj et al.]. Moscow, 2008, pp. 63–69.
63. Kotorova E. G. Äquivalenz und Adäquatheit im Sprachsystem und in der Kommunikation [Equivalence and adequacy of the language system and in the communication]. *Die Sprache in Aktion* [The language in action. Ed. by M. L. Kotin, E. G. Kotorova]. Heidelberg, 2011, pp. 85–93.
64. *Einführung in die konfrontative Linguistik* [Introduction to the confrontational Linguistics. Ed. by R. Sternemann]. Leipzig, 1983.
65. Gladrow W. Der Äquivalenzbegriff in der konfrontativen Linguistik [The equivalent term in the confrontational Linguistics]. *Zeitschrift für Slawistik* [Journal of Slavic Studies], 1990, vol. 35, pp. 476–481.
66. Kotorova E. G. *Äquivalenzbeziehungen: Wort, Wortgruppe, Wortsystem* [Equivalence relations: word, phrase, word stem]. Marburg, 2007. 197 p.
67. *Bol'shoj nemecko-russkij slovar' v 2 t.* [Comprehensive German-Russian dictionary in 2 vol. Ed. by O. I. Moskal'skaya]. Vol. 2. Moscow, 1969. 1440 p.
68. *Novyj bol'shoj nemecko-russkij slovar' v 3 t.* [New Comprehensive German-Russian Dictionary in 3 vol. Ed. by D. O. Dobrovol'skij]. Vol. 2. Moscow, 2009.

Статья поступила в редакцию 28.05.2015.

С. В. Мкртычян
Тверь, Россия

S. V. Mkrtytchian
Tver, Russia

ОБ АЛЬЯНСЕ СТИЛЯ И ЖАНРА

ON STYLE-GENRE PARTNERSHIP

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска точек соприкосновения различных стилистических теорий. Речевой жанр выдвигается в качестве объединяющей основы.

С опорой на аспекты «языковых явлений», выделенных Л. В. Щербой, в соотношении с категорией стиля уточнены следующие понятия: язык, речь, дискурс, текст, речевая деятельность. Терминологическая упорядоченность позволяет наметить четыре подхода к определению стиля: когнитивный, системно-структурный, текстовый и коммуникативный.

Когнитивный аспект стиля соотносится с «системой концептов и стратегий пользования ими». Здесь речевой жанр принимает широкую трактовку, формирует когнитивный стиль и имеет перспективы когнитивного моделирования.

Системно-структурный аспект поддерживает идею ресурсной стилистики, которая включается в жанроведение.

Текстовый аспект уравнивает стиль с речевым жанром.

Коммуникативный аспект трактует коммуникативный стиль как абстрактную категорию, которая реализуется посредством речевого жанра, обладающего когнитивно-коммуникативными характеристиками.

Ключевые слова: стиль, речевой жанр, язык, речь, текст, дискурс, речевая деятельность.

Abstract. The article is dedicated to the speech genre as a unifying basis for different theories of style.

We clarify the notions of language, speech, discourse, text in terms of «language phenomena» aspects singled out by L. V. Scherba. Terminological stability allows us to outline four approaches to style definition: cognitive, systemic-structural, textual and communicative.

The cognitive aspect of style corresponds to the «system of concepts and strategies of usage». In this view, the speech genre allows for diverse definitions. It forms a cognitive style and can be instrumental in cognitive modeling.

The systemic-structural aspect supports the idea of resource stylistics included in genre studies.

The textual aspect puts style on equal footing with the speech genre.

The communicative aspect interprets communicative style as an abstract category actualized through a speech genre with cognitive-communicative characteristics.

Key words: style, speech genre, language, speech, text, discourse, speech activity.

Сведения об авторе: Мкртычян Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры теории языка и перевода.

Место работы: Тверской государственный университет.

Контактная информация: 1701000, г. Тверь, Студенческий пер., д. 40, кв. 15.

E-mail: mkrtytchian@mail.ru

About the author: Mkrtytchian Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Language Theory and Translation.

Place of employment: Tver State University.

Взаимопроникновение жанроведческих и стилистических интересов, пожалуй, является общим местом лингвистики и не требует особенных доказательств. Любая поисковая система глобальной сети выдаёт целый массив сочетаний «жанрово-стилистическое своеобразие», «жанрово-стилистические характеристики», «жанрово-стилистическая принадлежность» и т.п. Отдельно стоит упомянуть «жанрово-стилистическую компетенцию», которая в соответствии с закреплённым во ФГОС компетентным подходом, широко представлена как в учебных программах по различным речеведческим дисциплинам, так и в научно-методических тру-

дах, посвящённых проблемам формирования этой компетенции.

Помимо популярных источников, ссылающихся на «нечто» жанрово-стилистическое, обнаруживается изрядное количество специальных работ (в том числе квалификационных), в центре внимания которых находится конкретный языковой материал, анализируемый в русле проблематики данного рода. Например, Т. Г. Рощектаева исследует жанрово-стилистические особенности современного путевого очерка [1], Н. И. Болотнова описывает жанрово-стилистические особенности блога в аспекте регулятивности [2], Н. И. Колесникова

предлагает методiku формирования *жанрово-стилистической* компетенции обучаемых в научной сфере общения [3]; М. В. Стурикова рассматривает составляющие «дискурсивно-стилистической компетенции» (или *жанрово-стилистической*), которая, в частности, должна обеспечить эффективное «ведение деловых бесед, переговоров, совещаний, презентаций, собеседований, интервью» и владение другими жанрами, т.е. «умение использовать функциональные разновидности языка в устной и письменной речи» [4]. Таких примеров можно привести большое количество.

Неделимость сочетания *жанрово-стилистической*, ставшего коллокативным, очевидна: трудно установить, где заканчивается «жанровое», начинается «стилистическое» (как, впрочем, и наоборот) и в каких отношениях они находятся. Поиск ответа на этот вопрос выводит в плоскость категориального определения обсуждаемых понятий.

В качестве преамбулы наметим два подхода к трактовке соотношения понятий «стиль» и «жанр», на которые обращает внимание В. А. Салимовский [5]. В соответствии с первым жанры формируют стиль, а со вторым – стиль рассматривается как один из жанрообразующих факторов.

Стилеобразующий потенциал жанра связывается с закреплённостью жанра как формы структурирования речевого продукта социального взаимодействия за определённым функциональным стилем и восходит к давней теории «трех штилей» М. В. Ломоносова. Эта идея находит сочувствие и дальнейшее развитие, например, в работах А. Н. Гвоздева, А. И. Ефимова, Э. Г. Ризель. Теория функциональных макростилей из множества экстралингвистических явлений, так или иначе связанных с речью, вводит в исследование прежде всего «широкую социальную среду», «длительные и прочные социальные связи» и отражающие эти связи формы общественного сознания. Последние в их знаковом воплощении рассматриваются как частные, функционально-стилевые картины мира, которые обуславливают установку коммуникантов на то или иное отношение к действительности и выступают в роли общих социокультурных программ познавательной-речевой деятельности. Высокий уровень исследовательской абстракции существенно затрудняет решение практических задач, которое в случае известной детализации условий и механизмов реальной коммуникации должно существенно сократить дистанцию между теми, кто язык изучает, и теми, кто им

пользуется, к чему мы, вероятно, должны быть устремлены.

Жанровообразующая концепция стиля просматривается в теории жанра М. М. Бахтина, в соответствии с которой целостность жанра достигается единством тематического содержания, композиционного построения и стилистической организации высказывания. В. А. Салимовский справедливо замечает, что в своей генологической теории ученый не только распространил понятие жанра на все области речевой коммуникации, что, несомненно, является большой его заслугой; важно и другое: само это распространение стало возможным благодаря тому, что в качестве одного из главнейших факторов жанрообразования он включил в исследование «внесловесную ситуацию» – ближайшую и более широкую (формы общественного сознания), в связи с чем типы высказываний в сфере искусства, науки, права, религии оказались рядоположенными (при этом М. М. Бахтин, естественно, подчеркивал специфику художественных жанров) [5]. Таким образом, углублённое и детальное исследование речевых жанров, как на это указывал М. М. Бахтин, предусматривает введение в стилистический анализ коммуникативно-прагматических параметров ближайшей ситуации. Если следовать мысли М. М. Бахтина о вхождении стиля как элемента в жанровое единство высказывания и о том, что изучение языковых стилей может быть продуктивными лишь на основе постоянного учета их жанровой природы [6 : 242], то стилистику нужно рассматривать как дисциплину, включаемую в жанроведение.

Однако следует уточнить, что в последние десятилетия предметом функциональной стилистики стали не только закономерности отбора и употребления средств языка (а именно из такого понимания предмета лингвистической стилистики исходил М. М. Бахтин в 1950-е гг.), но прежде всего способы осуществления речевой деятельности. Отсюда происходит неминуемое сближение объектов рассматриваемых наук.

Чтобы детальнее разобраться в нюансах весьма плодотворного союза стиля и жанра, требуется наметить аспекты стиля как лингвистической категории и соотнести их с речевым жанром.

Аналитический обзор лингвистических подходов к трактовке стиля демонстрирует их несовместимую разноплановость. Основные наиболее известные трактовки стиля условно можно свести к трем подходам: 1) стиль как функционально-речевая разновидность литературного языка; 2) стиль как особое свойство текста (речи) и предмет

стилистики речи; 3) стиль как совокупность стилистических средств языка и предмет стилистики языка (или стилистики ресурсов) [7]. Совместные усилия различных стилистических школ и направлений выявили, по словам Т. Г. Винокур, «объективную невозможность свести воедино все представленные ракурсы и объемы стилистического анализа, а «наиболее удручающие стилистов "пороки" исследования явлений стиля предстали их взору не только как следствие неверной методы, в гораздо большей степени – как непреодолимое свойство самой науки, как бы адекватное свойствам фактов, которые она изучает» [8 : 4].

Внесем некоторые терминологические уточнения в трактовку понятия *стиль* в аспекте деятельностной парадигмы и попытаемся систематизировать перечисленные подходы к трактовке стиля с целью обозначения вектора «паритетного сотрудничества» стиля и жанра.

Широкая постановка вопроса о терминологической упорядоченности заставляет обратиться к сопоставлению целого ряда научных понятий: *стиль – речевая деятельность – дискурс – текст – речь*, которые при всей очевидной и декларируемой неравнозначности зачастую используются как взаимозаменяемые. Например, дискурс понимается как связная речь, поток речи (Г. Г. Почепцов), поток речи, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, текст (В. Г. Борботько), коммуникативно целостное и завершённое речевое произведение (Е. В. Клобуков), определённый тип ментальности (Н. Д. Арутюнова), вербализованное работающее сознание (О. Г. Ревзина, О. В. Жукова), текущая речевая деятельность в данной сфере (М. Я. Дымарский), творимый в речи связный текст (В. П. Конечкая), единство, реализующееся как в виде речи, т.е. в звуковой субстанции, так и в виде текста, т.е. в письменной форме (В. В. Богданов), коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнёров общения) и создающийся в процессе общения текст (А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни), мыслительно-речевая практика (В. А. Миловидов) и др.

В целом неоднозначность толкований термина *дискурс* через понятия *речевая деятельность, речь, текст* приводит к их смешению, размытости и требует уточнений.

С этой целью обратимся к классической работе академика Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [9 : 24–39], в которой содержится ряд принципиально важных положений, позволяющих наметить основания разграничения перечисленных терминов. Как следует из самого названия работы, Л. В. Щерба выделяет три аспекта языковых явлений: *речевую деятельность* – «процессы говорения и понимания», *языковой материал* – «на языке лингвистов это "тексты"», *языковую систему* – «словари и грамматики языков».

Систематизация взаимоотношений между аспектами языковых явлений, по Л. В. Щербе, с последовательным разграничением процесса и продукта предложена А. А. Залевской и представлена на схеме «Взаимоотношения между различными аспектами языковых явлений» [10] (рис. 1).

Конкретизация перечисленных аспектов приводит к выводу о том, что Л. В. Щерба фактически выделил не три, а четыре аспекта языковых явлений. Подчеркивается, что речевая организация индивида может рассматриваться как единство процесса (т.е. переработки и упорядочение речевого опыта) и продукта (т.е. «системы концептов и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания речи»). Иными словами, А. А. Залевская обратила внимание на то, что Л. В. Щерба чётко разграничил понятия *механизма* (= *речевая организация* или «готовность индивида к речи») и *процесса* (= *речевая деятельность*) [11 : 89].

С опорой на упомянутую схему дифференцируем понятия *речь* (как *речевая деятельность*) и *дискурс*, которые по причине трактовки одного через другое, находятся в отношении эквиополентной оппозиции со значительным полем пересечения. Между тем в современной лингвистике наблюдается тенденция к их последовательному разграничению. В первом приближении, трактуя дискурс как процесс производства и понимания речи в коммуникативной ситуации, или актуализацию языка в речи, (ср. с метафорой Н. Д. Арутюновой «речь, погруженная в жизнь» и с пониманием дискурса, восходящим к воззрениям Э. Бенвениста и Т. А. ван Дейка), мы осознаем неоднозначность и недостаточность такого предварительного определения.

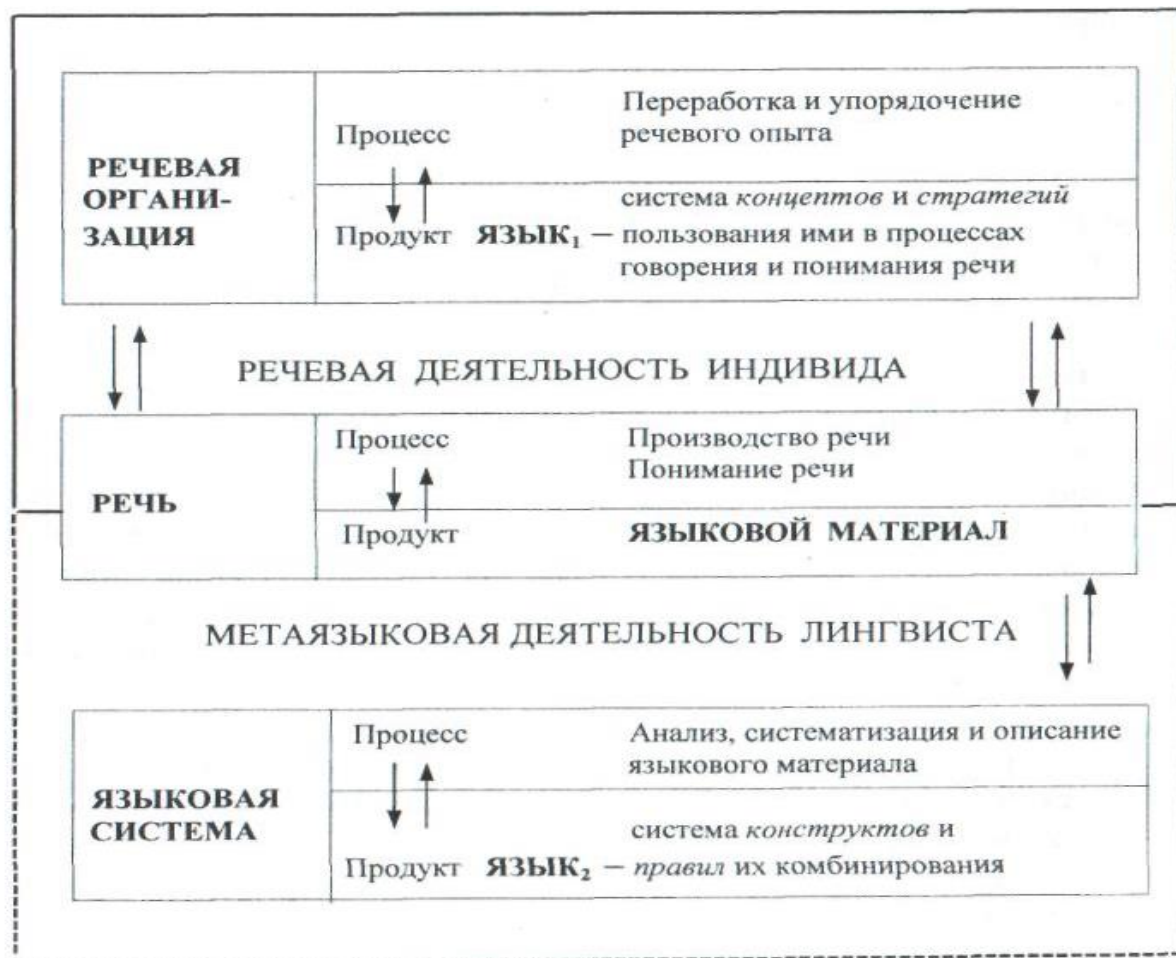

Рис. 1.

Вернёмся к упоминаемой работе Л. В. Щербы, который пишет, что «речевая деятельность является продуктом социальным» [9 : 25], а языковой материал является «совокупностью всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [9 : 26. Разрядка моя. – С. М.]

Из этого следует, что процессы производства и понимания речи нельзя рассматривать в отрыве от «коммуникативно-прагматического пространства» (термин И. П. Сусова), поэтому дискурс может трактоваться как совокупность процессов производства и понимания речи в коммуникативно-прагматическом пространстве или, по Л. В. Щербе, «в определённой конкретной обстановке». При этом аспекты языковых явлений представляют собой «разные аспекты единственной данной в опыте речевой деятельности» [9 : 26]. Таким образом, в работе Л. В. Щербы речь идёт не о четырех, а, скорее, о пяти аспектах языковых явлений: 1) *речевая деятельность* – «процессы говорения и понимания»; 2) *речевая организация* индивида (готовностью индивида к речи);

3) *дискурс* – процессы производства и понимания речи в «определённой конкретной обстановке» (Л. В. Щерба), в коммуникативно-прагматическом пространстве; 4) *языковой материал* – «на языке лингвистов это "тексты"»; 5) *языковая система* – «словари и грамматики языков». Исходя из этого, мы можем наметить основания разграничения терминов *речь*, *дискурс*, *текст*. *Речь* – процессы производства и понимания речи. *Дискурс* – речь в коммуникативно-прагматическом пространстве и в совокупности с ним. *Текст* – языковой материал, «след» дискурса, результат (продукт) речи. Таковы предварительные основания разграничения понятий.

Для дальнейшего уточнения требуется более корректный подход к определению термина *речь*, который в силу своей универсальности в условиях принципиальной полипарадигмальности современной отечественной лингвистики выступает как научный концепт с акцентуацией различных аспектов процесса производства и понимания речи.

РЕЧЬ 1 – это «языковой материал», тексты как «след» дискурса.

РЕЧЬ 2 отождествляется с дискурсом, который трактуется как «речь, погружённая в

жизнь» (Н. Д. Арутюнова); «речь, присваиваемая говорящим», речь, определяемая субъективностью автора (Э. Бенвенист), «текущая речевая деятельность» (М. Я. Дымарский). Вероятно, на этот аспект речи указывал А. А. Леонтьев, когда писал о «представлении речевой деятельности как "потока речи", своего рода пространственно-временного континуума говорений, образованного пересечением и взаимоналожением полей речевой активности говорящих индивидов» [12 : 20].

РЕЧЬ 3 уравнивается с речемыслительным процессом в широком смысле (речемыслительной деятельностью), в том числе с его «внутренней структурой». «От системы языка так или иначе отличаются процесс говорения и слушания. Этот аспект имеет разные обозначения: речевая деятельность (Щерба), речь (Штейнталь, Соссюр, Косериу), речевая система (Арзикулов). В дальнейшем этот аспект мы будем называть термином *речевая деятельность* или *речь*» [13 : 191].

Мы исходим из того, что понятие речевой деятельности осмысливается с позиций теории речевой деятельности в первую очередь как речемыслительный процесс, включающий в себя мотивационную, целевую, исполнительную стороны [12 : 26] и состоящий из системы речевых действий. «Речевая деятельность берется с учётом всех объективных и субъективных факторов, определяющих поведение носителя языка, во всей полноте обуславливающих её связи и отношений субъекта деятельности к действительности» [12 : 18. Разрядка моя – С. М.].

Совокупность факторов, определяющих поведение носителя языка, соотносима с понятием *коммуникативно-прагматического пространства*, которое раскрывается И. П. Сусовым посредством перечисления его компонентов-характеристик [14 : 37–38]. К их числу отнесены следующие: 1) высказывание (текст); 2) коммуниканты, между которыми распределены коммуникативные роли; 3) социальные статусы коммуникантов; 4) предмет речи является компонентом пространства; 5) время и место; 6) коммуникативное намерение (интенция) говорящего; 7) коммуникативный регистр (стиль общения); 8) сопутствующие обстоятельства (шумы, присутствие чужих и т.п.). Важно, что понятие коммуникативно-прагматического пространства не включает в себя процессы производства и понимания речи.

Предлагаемое понимание дискурса как речевой деятельности (совокупности процессов производства и понимания речи) в ком-

муникативно-прагматическом пространстве продолжает требовать уточнений, поскольку во-первых, широта термина *речевая деятельность* и его принципиальная возможность стать объектом изучения многих наук превращается в препятствие при решении сугубо лингвистических проблем, во-вторых, в отечественной традиции термин *речевая деятельность* зачастую используется применительно к моделям процессов речепождения (речемыслительной деятельности).

С целью фокусировки внимания на дискурсивном (собственно коммуникативном) аспекте речевой деятельности здесь принят термин *коммуникативная деятельность*, которая представляет собой коммуникативно-ролевое исполнение речевой деятельности.

Сказанное выше позволяет определить *дискурс* как коммуникативную деятельность в коммуникативно-прагматическом пространстве.

Пунктирно намечив основания дифференциации понятий *речь*, *текст*, *дискурс*, *речевая деятельность* мы должны констатировать, что лингвистические характеристики дискурса еще окончательно не определены. Неизвестны факторы, обуславливающие форму дискурса и его влияние на участников коммуникации. Вместе с тем вполне очевидно, что в структуре дискурса можно наблюдать все уровни языка.

Для дальнейших размышлений в самом общем виде сформулируем исходное положение: стиль – это свойство языка-речи-дискурса-речевой деятельности, которое эксплицируется за счёт манеры (способа) использования единиц языка-речи-дискурса-речевой деятельности. Очевидно, что в данном случае имеется в виду лингвистический аспект этого понятия. По сути первую часть заявленного тезиса можно считать продуктом жесточайшей компрессии научных воззрений Г. О. Винокура, который писал, что без стиля – «подобного субъективного дополнения» – «в реальной действительности язык вообще невозможен» [15 : 221].

Определение *стиля* в терминах *язык-речь-дискурс-речевая деятельность* через призму их трактовки, представленной нами выше на основе работ Л. В. Щербы [9] и А. А. Залевской [10], позволяет выделять аспекты стиля.

СТИЛЬ 1 (когнитивный аспект) – ЯЗЫК 1. ЯЗЫК 1 трактуется как «система концептов и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания речи» [11 : 90].

Обзор теоретических проблем когнитивной стилистики содержится в статье Н. М. Джусупова «Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования» [16 : 65–76]. Автор характеризует когнитивное направление в стилистике как объединяющее исследования двух типов: 1) исследования, разрабатывающие общие положения теории стилистики на базе когнитивной лингвистики; 2) исследования, представляющие когнитивное обоснование стилистическим приемам и построениям, выразительным средствам языка, традиционно относимым к стилистике. Отмечается, что немногочисленные работы по когнитивной стилистике, главным образом, сосредоточены на втором направлении и касаются сугубо узких проблем когнитивной стилистики, связанных с художественной речью.

В статье выдвигается тезис о необходимости расширения интересов когнитивной стилистики за счёт вовлечения в круг исследовательских проблем «особенностей репрезентации структур знания в текстах разных функциональных стилей» [16 : 74], т. е. речь идёт о речевых жанрах как типовых вариантах коммуникативного поведения в различных коммуникативных ситуациях.

СТИЛЬ 2 (системно-структурный аспект) – ЯЗЫК 2. При подходе, где ЯЗЫК 2 – это «система конструктов и правил их комбинирования» [11 : 90], речь идет об объекте аналитической (или системно-структурной) стилистики, изучающей языковые единицы, которые выступают одновременно маркерами стиля. В случае ресурсного подхода к определению категории стиля (который А. И. Горшков предлагал вообще вывести за рамки стилистики) стилистику можно рассматривать как дисциплину, включаемую в жанроведение.

СТИЛЬ 3 (текстовый аспект) – РЕЧЬ 1. В этом случае РЕЧЬ 1 трактуется как языковой материал, тексты, факты языкового употребления, т.е. вслед за К. А. Долининым, «функциональные стили – это не что иное, как обобщенные речевые жанры» К. А. Долинин [17 : 62–65].

СТИЛЬ 4 (коммуникативный аспект) – РЕЧЬ 2, РЕЧЬ 3. В рамках коммуникативного аспекта стиль становится объектом *коммуникативной стилистики*. РЕЧЬ 2 уравнивается с дискурсом, т.е. коммуникативной деятельностью в коммуникативно-прагматическом пространстве. Здесь же следует рассмотреть соотношение СТИЛЬ – РЕЧЬ 3 (см. выше), где термин *речь* включает в себя превербальный речемыслительный процесс, при этом внимание акцентируется на

внутренней структуре деятельности. Единцей речевой деятельности выступает речевое действие. Этот подход подтверждает мысль А. А. Шахматова о том, что коммуникация получает свое начало за пределами внутренней речи, а завершается в процессе внутренней речи [18 : 20]. На неразделимость речемыслительного и собственно коммуникативного аспектов речевой деятельности обращает внимание А. А. Леонтьев, включая коммуникацию в модель порождения речи [12 : 155].

В качестве основной аналитической единицы коммуникативной стилистики и единицы, маркирующей коммуникативный стиль, может быть предложен речевой жанр. Когнитивно-коммуникативная природа коммуникативного стиля в обозначенном выше понимании одновременно распространяет эту характеристику и на речевой жанр.

Сохранение высокой степени абстракции категории коммуникативного стиля подкрепляется постулатом о том, что дискурс и стиль – это, по выражению Ж. Женнета, «неразделимые лицевая и оборотная стороны листа бумаги», поскольку нет дискурса без стиля, как нет стиля без дискурса. При этом привлечение речевого жанра как маркера (или вербальной наличности) коммуникативного стиля вводит в круг стилистического описания «широкую» ситуацию общения. Такой подход не уравнивает стиль и функционально-речевую разновидность речи, ибо уравнивание подобного рода при определённых оговорках приводит к отождествлению стиля и дискурса, из чего следует на первый взгляд закономерный вывод (в частности, у Ю. С. Степанова) о ненужности и архаичности стиля как лингвистической категории; здесь стиль не трактуется через жанр, а жанр через стиль, как это мы находим у К. А. Долинина. Коммуникативный стиль остаётся абстрактной категорией (свойством коммуникативной деятельности), которая реализуется и конкретизируется посредством речевого жанра, обладающего когнитивно-коммуникативными характеристиками.

Поиск точек соприкосновения внешне трудно согласуемых теорий свидетельствует о потенциальной взаимной дополнительности обозначенных подходов на пути создания общей интегративной теории языка, которая, как кажется, способна существенно обогатить традиционные концепции как стиля, так и речевого жанра на паритетной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рощектаева Т. Г. Жанрово-стилистические особенности современного путевого очерка : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 175 с.

2. Болотнова Н. С. О некоторых жанрово-стилистических особенностях блога в аспекте регулятивности // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2013. Вып. 1 (116). С. 211–217.

3. Колесникова Н. И. Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Орёл, 2009. 43 с.

4. Стурикова М. В. Формирование дискурсивно-стилистической компетенции у будущих педагогов профессионального обучения // Научный диалог. М., 2012. Вып. 5. с. 119–130.

5. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистической освещении : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 343 с.

6. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 421 с.

7. Мкртычян С. В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012. 411 с.

8. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 2009. 237 с.

9. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

10. Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека : учеб. пособие. Калинин : КГУ, 1977. 83 с.

11. Залевская А. А. Введение в психолингвистику : учебник. М. : РГГУ, 2007. 560 с.

12. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность М. : Ком Книга, 2007. 216 с.

13. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание : учебное пособие. 2-е изд. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 408 с.

14. Сусов И. П. Введение в языкознание : учебник. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 543 с.

15. Винокур Г. О., Бархударов С. Г. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1959. С. 207–229.

16. Дзюсупов Н. М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 65–76.

17. Долинин К. А. Стилистика французского языка Л. : Просвещение, 1978. 344 с.

18. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л. : Учпедгиз, 1941. 620 с.

arities of the blog in the aspect of regulatively]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University]. Tomsk, 2013, iss. 1 (116), pp. 211–217.

3. Kolesnikova N. I. *Lingvodidakticheskaya kontseptsiya formirovaniya zhanrovoy kompetentsii uchashchihya v sisteme nepreryivnogo yazykovogo obrazovaniya* [Didactic concept of the formation of the genre competence of students in the system of continuous language education. Dr. ped. sci. thesis diss.]. Oryol, 2009. 43 p.

4. Sturikova M. V. *Formirovanie diskursivno-stilisticheskoy kompetentsii u buduschih pedagogov professionalnogo obucheniya* [The discursive formation of stylistic competence of the future teachers of vocational training]. *Nauchnyy dialog*. [Scientific dialogue]. Moscow, 2012, iss. 5, pp. 119–130.

5. Salimovskiy V. A. *Zhanryi rechi v funktsionalno-stilisticheskoy osveschenii* [Genres of speech in functional and stylistic aspects. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2002. 343 p.

6. Bahtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukah. Opyit filosofskogo analiza* [The problem of the text in linguistics, Philology and other Humanities. Experience of the philosophical analysis]. Moscow, 1979. 421 p.

7. Mkrtyichyan S. V. *Upravlencheskie kommunikativnyie stili v sotsialno stratifitsirovannom diskurse (na materiale russkogo yazyika)*. [Administrative communicative styles in stratified social discourse (on the base of Russian language). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Tver, 2012. 411 p.

8. Vinokur T. G. *Zakonomernosti stilisticheskogo ispolzovaniya yazykovykh edinit* [Regularities stylistic use of language units]. Moscow, 2009. 237 p.

9. Scherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost* [The language system and speech activity]. Moscow, 2004. 432 p.

10. Zalevskaya A. A. *Problemy organizatsii vnutrennego leksikona cheloveka: uchebnoe posobie* [Problems of organization of internal human vocabulary: tutorial]. Kalinin, 1977. 83 p.

11. Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psiholingvistiku: uchebnyk* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow, 2007. 560 p.

12. Leontev A. A. *Yazyk, rech, rechevaya deyatel'nost* [Language, speech, speech activity]. Moscow, 2007. 216 p.

13. Popova Z. D., Sternin I. A. *Obschee yazykoznanie: uchebnoe posobie* [General linguistics: tutorial]. Moscow, 2007. 408 p.

14. Susov I. P. *Vvedenie v yazykoznanie: uchebnyk* [Introduction to linguistics: tutorial]. Moscow, 2007. 543 p.

15. Vinokur G. O. *O zadachah istorii yazyika* [On the tasks of the history of language]. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyiku* [Works in Russian language]. Moscow, 1959, pp. 207–229.

16. Dzhusupov N. M. *Kognitivnaya stilistika: sovremennoe sostoyanie i aktualnyie voprosyi issledovaniya* [Cognitive stylistics: modern state and current research questions]. *Voprosyi kognitivnoy lingvistiki*

REFERENCES

1. Roschektaeva T. G. *Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti sovremennogo putevogo ocherka* [Genre and stylistic peculiarities of modern travel essays. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2007. 175 p.

2. Bolotnova N. S. *O nekotorykh zhanrovo-stilisticheskikh osobennostyakh bloga v aspekte regulativnosti* [Some of the genre and stylistic peculi-

[Questions of cognitive linguistics]. 2011, no. 3, pp. 65–76.

17. Dolinin K. A. *Stilistika frantsuzskogo yazyika* [Stylistics of the French language]. Leningrad, 1978. 344 p.

18. Shahmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyika* [The syntax of the Russian language]. Leningrad, 1941. 620 p.

Статья поступила в редакцию 27.05.2014.

УДК 81'27
ББК 81

Дебора Таннен
Джорджтаун, США

Deborah Tannen
Georgetown, USA

**«МЫ НИКОГДА НЕ БЫЛИ БЛИЗКИ,
МЫ ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ»: ТРИ ТИПА
НАРРАТИВА В ДИСКУРСЕ СЕСТЕР**

**«WE'VE NEVER BEEN CLOSE, WE'RE VERY
DIFFERENT»: THREE NARRATIVE TYPES
IN SISTER DISCOURSE**

Аннотация. На основе рассказов женщин о своих сестрах в проводимых мной интервью я выделяю три типа нарратива: нарративы с маленькой буквы «н» – так называемые *n*-нарративы, или нарративы, Нарративы с большой буквы «Н» – *N*-нарративы, или Нарративы, и Супер-нарративы. Повествование об определенных событиях, которые, по словам рассказчицы, происходили с их сестрами, – это *n*-нарративы. *N*-нарративы – это темы, на которые беседуют со мной женщины, рассказывая о своих сестрах, и для иллюстрации которых они используют *n*-нарративы. Супер-нарративы являются общекультурным идеологическим фоном для *N*-нарративов. В моих интервью, посвященных сестрам, никак не сформулированный Супер-нарратив есть установка на то, что сестры должны быть близкими и похожими друг на друга людьми. Этот Супер-нарратив объясняет, почему почти все американки, которых я опрашивала, выстраивали свой дискурс в рамках *N*-нарративов, рассказывая, были ли они близки со своими сестрами, насколько близки и почему, а также были ли они похожи, насколько похожи и чем – или отличались друг от друга. Исследуя взаимосвязь этих трех типов нарратива, я подробно рассматриваю *n*-нарративы двух женщин, анализируя то, как вместе повтор стратегий вовлечения, диалог и детали создают сцены. Сцены удерживают *n*-нарративы, помогая им пояснять *N*-нарративы, которые, в свою очередь, мотивированы культурно-обусловленным Супер-нарративом.

Ключевые слова: нарратив, дискурс сестер, семейный дискурс, стратегии вовлечения.

Оригинал: Tannen D. «We've Never Been Close, We're Very Different»: Three Narrative Types in Sister Discourse. *Narrative Inquiry*. 18:2 (2008): 206-229.

Abstract. Drawing on interviews I conducted with women about their sisters, I identify three narrative types: small-*n* narratives, big-*N* Narratives and Master Narratives. Small-*n* narratives are accounts of specific events or interactions that speakers said had occurred with their sisters. Big-*N* Narratives are the themes speakers developed in telling me about their sisters, and in support of which they told the small-*n* narratives. Master Narratives are culture-wide ideologies shaping the big-*N* Narratives. In my sister interviews, an unstated Master Narrative is the assumption that sisters are expected to be close and similar. This Master Narrative explains why nearly all the American women I interviewed organized their discourse around big-*N* Narratives by which they told me whether, how and why they are close to their sisters or not, and whether, how and why they and their sisters are similar or different. In exploring the interrelationship among these three narrative types, I examine closely the small-*n* narratives told by two women, with particular attention to the ways that the involvement strategies repetition, dialogue, and details work together to create scenes. Scenes, moreover, anchor the small-*n* narratives, helping them support the big-*N* Narratives which are motivated in turn by the culturally-driven Master Narrative.

Key words: narrative, sister discourse, family discourse, involvement strategies.

Сведения об авторе: Таннен Дебора, профессор департамента лингвистики университета в Джорджтауне.

About the author: Tannen Deborah, Georgetown University, Linguistics Department, Professor.

Контактная информация: <http://www9.georgetown.edu/faculty/tannend/>, **E-mail:** tannend1@georgetown.edu

Введение: В поисках историй

В связи со своим недавним исследованием я провела, записала на пленку и затранскрибировала (частично не сама) интервью с женщинами разного возраста и различным социокультурным опытом о взаимоотношениях с сестрами. Возможно, термин «интервью» не совсем подходящий, и более точ-

ным термином является «беседа на заданную тему», поскольку я не задавала заранее подготовленных вопросов, а просто начинала беседу со слов: «Расскажите мне о своей сестре (своих сестрах)». Так же как в непринужденной беседе, я задавала вопросы, приходящие мне в голову по ходу беседы, а иногда вставляла собственные наблюдения,

© Tannen D., 2008

© Дубровская О. Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский государственный университет, 2015

связанные с моими двумя сестрами. Во время этих «бесед на заданную тему» я поощряла собеседниц делиться рассказами о каких-то особых случаях из жизни. Позже, читая затранскрибированные тексты, я выделяла желтым цветом эти места, то есть те фрагменты беседы, в которых женщина рассказывала какую-то историю. В результате, хотя моей целью был анализ дискурса сестер, я также исследовала функцию и природу нарратива. Анализ позволил мне выделить три типа нарративов, каждый из которых отличается уровнем абстракции: н-нарративы, Н-нарративы и Супер-нарративы. Н-нарративы и Супер-нарративы оказались наиболее важными с точки зрения того, каким образом собеседница понимает свои взаимоотношения с сестрами и как рассказывает о них. Исследование н-нарративов, сопровождающее наблюдение над дискурсом сестер, также внесло определенный вклад в мое понимание природы нарратива и его центральной роли в разговорном дискурсе и в процессе познания. Более того, оно еще раз доказало важность стратегий вовлечения, которые я изучала ранее, то есть важность использования повтора, диалогичности, внимания к деталям, а также тех способов, с помощью которых данные дискурсивные стратегии комбинируются для создания и выделения некоторых событий, в рамках которых люди участвуют в определенных видах коммуникативного взаимодействия, существующих в данной культуре и значимых для них.

Моя работа выполнена в рамках теории интеракциональной социолингвистики. Это означает, что мой основной метод анализа – запись устной естественной речи, а затем изучение текста расшифровки записи. Кроме того, в своем исследовании дискурса сестер я проводила и записывала интервью, или беседы на заданную тему. Так я опросила более ста женщин разного возраста, имеющих различный социокультурный опыт. В основном беседы проходили один на один, иногда – в группе из нескольких человек. Проведение таких интервью сначала породило во мне ощущение когнитивного диссонанса. Я вновь и вновь задавалась вопросом: «Как социолингвист, специалист в области речевой коммуникации, может опрашивать людей таким образом?». Размышления над ответом на этот вопрос привели к тому, что у меня появился особый интерес к нарративу.

Я давно знаю об уникальной роли нарратива в разговорном дискурсе. Именно в этом ключе я цитировала отрывок из книги Эудоры Велти *One Writer's Beginnings* «Как начи-

нал один писатель» [1] – автобиографического исследования причин, побуждающих автора писать художественную литературу. Велти пишет:

Задолго до того, как я начала писать рассказы, я слушала, когда же начнутся рассказы. Предвкушать рассказ гораздо важнее, чем его слушать. Я полагаю, что это некая первичная форма участия в том, что происходит. Слушающие дети знают, что сейчас-то все и случится. Когда взрослые садятся и готовы начать, дети уже ждут и надеются, что история вот-вот появится, как мышка из норки [1 : 14].

Этот отрывок описывает мой подход к интервью с женщинами о сестрах: я ждала и надеялась, что история появится «как мышка из норки». Подготовленность беседы ускоряет этот процесс, увеличивая мои шансы поймать рассказ в расставленные сети. Понимание того, что эти рассказы и есть добыча, которую я ищу, привели меня к осмыслению природы нарративов, той роли, которую они играют в моем исследовании дискурса сестер, и того, что они проливают свет как на исследуемый дискурс, так и на ключевой вопрос, которому посвящено все мое исследование: «Каковы языковые механизмы создания смыслов и обсуждения взаимоотношений между людьми?».

Внимание к этим аспектам нарратива вернуло меня также к некоторым явлениям, которые я начала изучать много лет назад: стратегии вовлечения в разговор. В книге, озаглавленной *Talking Voices (Разговаривающие голоса)* [2], я прихожу к выводу, что повседневное устное общение состоит из языковых стратегий, которые часто воспринимаются исключительно как свойство литературного языка. Я исследовала подробно следующие характеристики дискурса: использование повторов, диалог (диалогичность) и детали (детализацию). В книге я утверждаю, что эти и другие стратегии вовлечения используются вместе для изображения событий, а эти события служат тем контекстом речевой интеракции, в котором передается и понимается смысл. В многочисленных работах, моих собственных и других авторов, опубликованных до и после издания *Talking voices*, исследуется повтор (например, [3–6], а также явление, которое часто называют «косвенная речь» (например, [7–10], но для которого я предлагаю более точный термин «сконструированный диалог». Коротко говоря, термин «косвенная речь» подразумевает, что говорящий – нейтральный участник, просто «передаю-

щий» дискурс, созданный другим говорящим в ином контексте. Я же утверждаю обратное: диалог, как дискурс, оформленный голосом говорящего, есть «произведение», созданное тем, кто его произносит, точно так же, как диалог в пьесе или романе есть «произведение», созданное его автором. Таким образом, понятие сконструированного диалога неотделимо от теории разговорного (конверсационного) дискурса, поскольку состоит из тех же языковых элементов и процессов, что и литературный дискурс.

Очень мало разработана тема деталей, а также связанного с ними феномена – образности, и почти совсем не уделяется внимание комплексной стратегии и хронотопу событий. Действительно, я сама, продолжая включать анализ повтора, диалога и деталей в свои исследования и теорию, упускала из виду хронотоп. Исследуя рассказы женщин о сестрах, я пришла к выводу, что сцена события, ее роль в дискурсе помогает объяснить, почему я ищу именно такие нарративы, стремясь понять дискурс сестер. Далее я покажу, почему сцена (хронотоп) является центром n-нарратива в разговорной речи, так же как и в пьесе. Говорящие создают сцены событий, чтобы поддержать суть повествования – то, что они рассказывают мне о своих сестрах. Представляя себя и своих сестер вовлеченными в деятельность, которая культурно обусловлена и поддается интерпретации, говорящие придают некую драматургичность своему восприятию сестер и самих себя в связи с сестрами и, соответственно, характеров как своих сестер, так и собственных.

Далее я рассматриваю повтор стратегий вовлечения, диалог и детали, а также их функцию в создании сцен в нарративах, рассказанных мне о сестрах. Однако, в первую очередь, я исследую понятие нарратива, разграничивая три типа: n-нарратив, N-нарратив и Супер-нарратив. Нарратив со строчной «n» – n-нарратив – является типом дискурса, который часто называют «нарративом Лабова», основываясь на анализе нарративов о личном опыте, представленном в работе [11]. В моих интервью это рассказы женщин о некоторых событиях и коммуникативных взаимодействиях, имевших место в жизни сестер. Нарратив с заглавной буквы N, N-нарратив, обозначает тему повествования и поддерживает содержание n-нарративов. Супер-нарратив представляет собой культурно-обусловленную систему ценностей, точку зрения, определяющую N-нарратив. Супер-нарратив, являющийся движущей силой N-нарративов в моих интервью, – предположение, что сестры должны быть близки и похожи друг на друга.

Я утверждаю, что этот Супер-нарратив объясняет, почему фактически каждая американка, с которой я разговаривала, в самом начале беседы, буквально в первой фразе, сообщала мне, близки ли они с сестрой или нет; похожи ли они – или (что было гораздо чаще) насколько отличаются друг от друга; или что они чем-то похожи, но в остальном очень отличаются. Наконец, вездесущность Супер-нарратива заставляет меня еще раз обратиться к исследованию динамики близости / дистанции и сходства / отличия как взаимообусловленных континуумов, в пределах которых говорящие выстраивают свои взаимоотношения.

Три типа нарратива

Предложенное Джи [12] разграничение Дискурса с заглавной «Д» и дискурса со строчной «д» стало общим местом в дискурсивном анализе, когда д-дискурс обозначает некоторые произнесенные или написанные слова, а Д-дискурс обозначает культурно-обусловленные ценностные установки. Так, например, Кендалл [13], в эссе, озаглавленном «Father as breadwinner, Mother as Worker: Gendered Positions in Feminist and Traditional Discourses of Work and Family» («Отец как кормилец, мать как работник: гендерные установки в феминистском и традиционном дискурсах о работе и семье», анализирует д-дискурс двух пар, в которых оба супруга работают, и показывает, что, когда они говорят о финансах, отец всегда воспринимается как кормилец, чей заработок покрывает основные расходы, такие как ипотека и покупка продуктов питания, а мать – это работник, чей доход позволяет оплатить дополнительные расходы, например, домик на море. Кендалл называет такую идеологическую рамку «традиционным дискурсом» о работе и семье, по контрасту с «феминистским дискурсом», который, как показывает исследование, используют родители, говоря, что поровну делят обязанности и по зарабатыванию денег на содержание семьи, и по воспитанию детей.

Различие N-нарратива и n-нарратива, которые я выделяю, строится по модели Д-дискурса и д-дискурса, предлагаемой Джи. Однако я ввожу третье, более широкое понятие – Супер-нарратив. В следующем разделе я описываю и привожу примеры этих типов нарратива в обратной последовательности. Кроме того, я обсуждаю, какую роль играют стратегии вовлечения, включая сцену события, в этих нарративах, а также исследую динамику близости и сходства, проявляющуюся в этих нарративах и в дискурсе в целом.

Супер-нарратив: сестры должны быть близки и похожи

С начала работы над дискурсом сестер множество раз я так или иначе становилась участницей всегда одинакового диалога, когда меня спрашивали, над чем я сейчас работаю, а я отвечала, что «над сестрами», и спрашивала собеседников, есть ли сестры у них. Если ответ был «да», то я расспрашивала о них. Одна женщина, с которой у меня состоялся подобный разговор, ответила: «У нас с сестрой натянутые отношения. Мы никогда не были близки. Мы очень разные». Услышав это, я невольно улыбнулась, и затем должна была объяснять почему. В своем кратком ответе эта женщина сумела выразить квинтэссенцию рассказов всех женщин о своих сестрах: рано или поздно – обычно практически сразу – они сообщали, близки ли и похожи ли они (а чаще всего – насколько они отличаются друг от друга). Описание взаимоотношений между сестрами именно через эти два аспекта оказалось настолько частотным, что мне пришло в голову, что сообщение о том, близки ли они, или о том, чем и насколько они похожи или отличаются, мотивировано Супер-нарративом, который, как зонтик, накрывает весь дискурс.

Меня давно интересуют взаимоотношения между динамикой сходства / различия и близости / дистанции [14]. То, что они тесно взаимосвязаны, было отмечено еще Р. Брауном и А. Гилманом [15] в ставшей классической статье, где власть и солидарность объявляются фундаментальными понятиями языка и межличностной интеракции. Р. Браун и А. Гилман ставят знак равенства между солидарностью и сходством, властью и различием. Определяя понятие «власть», они пишут: «Форма V связана с различиями между людьми» [15 : 256]. Напротив, определяя «семантику солидарности», они отмечают: «если у А те же родители, что и у В, то у В те же родители, что и у А. Солидарностью мы называем взаимоотношения в целом, и солидарность симметрична» [15 : 257]. Для Р. Брауна и А. Гилмана, следовательно, различие и сходство играют ключевую роль в понимании власти и солидарности, соответственно, а взаимоотношения между детьми – ключ к их пониманию. Если мы поставим знак равенства между солидарностью и близостью, а также властью и иерархией, тогда дети в семье должны рассматриваться как одновременно близкие и равные. Такое понимание отношений между детьми в семье объясняет распространенные высказывания «мы как сестры» и «мы как братья», означающие, что «мы близки» и «у нас нет иерархии, мы равны».

Близость, вместе с тем, не обязательно подразумевает равенство, в то время как иерархия не всегда означает дистанцию, и нет лучшей иллюстрации для этого, чем отношения между детьми в семье. Родные братья и сестры действительно по определению близки (что отражается в метафорическом употреблении выражений «как братья» или «как сестры»). Однако они по определению неравны, поскольку у них есть возрастная градация: старший ребенок имеет определенное превосходство и власть над младшим.

Возрастная градация детей в семье является настолько принципиальной, что даже близнецы, с которыми я говорила, обычно считают родившегося на несколько минут раньше – старшим, а родившегося на несколько минут позже – младшим. Например, 57-летняя женщина, которую я опрашивала, начала с перечисления своих сестер: самая старшая, начала она, на четыре года старше; другой только что исполнилось 59 лет. Затем шли она и ее сестра-близнец, про которую было сказано: «Она самая младшая. Я на четыре минуты старше». Вторая сестра-близнец, с которой я беседовала отдельно, также сказала в самом начале, что сестра старше ее на четыре минуты. Более того, обе почти в самом начале сказали о том, что они похожи. Одна предупредила, что если я буду говорить по телефону с ее сестрой, «Вы подумаете, что это я. У нас одинаковые голоса». Другая сестра рассказала мне, что они настолько близки, что просто составляют «одно целое».

Фундаментальная природа взаимосвязи между сходством / различием и близостью / дистанцией устанавливается не только соотношением власти и солидарности, как показано в работе Р. Брауна и А. Гилмана, но также через понятие «шкала личности» в работе А. Беккера [16]: «грамматический континуум от человека к самому отдаленному «другому», на котором располагаются все люди, предметы и события». А. Беккер демонстрирует, что шкала личности есть «некая центральная нить – возможно, единственная центральная нить – в семантической структуре всех языков...» [16 : 109]. «Шкала личности», утверждает исследователь, пронизывает большинство языковых подсистем, включая лексику, дейксис, категорию числа, категорию определенности, времени, шкалу наименований» [16 : 110]. Два простых примера – действительные пары «это / то» и «сейчас / тогда», локализирующие объекты в пространстве и времени как, соответственно, близкие и далекие относительно говорящего [16 : 119]. Точно так же

характерная для женщин тенденция классифицировать и описывать свои взаимоотношения с сестрами как близкие и не близкие, или через категорию сходства и различия, помещает их на «континуум от самого себя до самого отдаленного «другого»».

Близость / дистанция и сходство / различие проявлялись всякий раз, когда я спрашивала женщин, работая над предыдущей книгой [17], о матерях и дочерях. Тогда тоже, практически всегда и почти сразу я слышала «Мы близки» или «Мы не близки» и «Мы одинаковые» или «Мы разные». И сходство, и различие можно было бы назвать причиной близости или дистанции (вследствие конфликта) в отношениях. Однако женщины, рассказывающие о своих сестрах, гораздо чаще говорили мне, что они разные. Если они и упоминали о сходстве, то почти всегда после того, как приводили многочисленные примеры своего отличия друг от друга, часто объясняя все культурно-обусловленными оппозициями. Так, например, я слышала, в связи с тем, что приходилось делить спальню на двоих: «Моя сторона была аккуратной, а ее в беспорядке» или наоборот. Я также часто слышала, что одна из сестер была послушной, а другая бунтаркой; одна оставалась рядом с родителями или в родном городе, в то время как другая не могла дожидаться отъезда; одна была «сорванцом», а другая «примерной девочкой»; одна не расставалась с книжкой, а другая предпочитала играть в подвижные игры на улице; и, наконец, еще одно распространенное и, на мой взгляд, печальное различие – одна была умной, а другая хорошенькой. Я также слышала о различиях в образе жизни («Она предпочитает большие дома, а я живу в маленькой квартирке»), о разных жизненных обстоятельствах («У меня есть внуки, а у нее нет») или разных взглядах на жизнь («Мы по-разному воспринимаем себя»).

Число женщин, беседовавших со мной и посвятивших большую часть своего дискурса именно различиям между ними и сестрами, настолько велико, что позволяет мне сделать вывод о том, что они реагировали на существующий стереотип о том, что сестры должны быть похожи. Типичным было замечание «Люди не могут поверить, что мы сестры, потому что мы по-разному смотрим на вещи». Исходя из того, как часто женщины говорили мне, что они и их сестры разные, установку на то, что сестры должны быть похожими, можно воспринимать лишь с иронией. Представляется, что исключительно потому, что женщины чувствовали, что от сестер ожидают сходства, многие из тех, с кем я беседовала, строили свой дискурс во-

круг отличий. Это подтверждает и тот факт, что говорящие могут интерпретировать определенное поведение как порождающее некоторые черты сходства или отличия. Например, одна женщина рассказала мне о том, как много различий у них с сестрой, а потом сообщила, чем они похожи. В частности, она сказала, что у них обеих магистерская степень по специальностям, связанным с международной сферой: у нее степень магистра делового администрирования в сфере международного бизнеса, а у сестры – магистра международной коммуникации. Она могла бы сообщить эту информацию для подтверждения различий между ними: ведь ее интересует бизнес, а сестру – коммуникация. Вместо этого она подчеркивает, что обе связаны с международной сферой. Интересно, что она отметила это сходство, чтобы проиллюстрировать, что они обе отличаются от своего брата.

Дело не в том, хорошо или плохо быть близкими или не близкими, похожими или разными, а в том, насколько типично для американских женщин характеризовать свои отношения с другими людьми через эту переменную. Именно поэтому я пришла к мысли, что существует некая установка на то, что сестры должны быть близки и похожи, и она, так же как Супер-нарратив, формирует дискурс о взаимоотношениях сестер, который я услышала от женщин, американок по происхождению. Я говорю «американок по происхождению», потому что женщины, с которыми я беседовала и которые родились и росли в других странах, организовывали свой дискурс иначе. Женщина, родившаяся и выросшая во Вьетнаме, никогда не упоминала, были ли они близки со своей сестрой или нет, похожи ли они или разные. Вместо этого исходные посылки, организующие ее дискурс, были связаны с уважением. Она рассказала мне о том, что у нее была старшая сестра, раздражающая ее тем, что постоянно говорила ей, как поступать. (Обстоятельство, о котором я слышала от многих американок). Хотя ей не нравится то, что ее сестра говорит ей, что делать, уважение к старшему не предполагает открытого проявления неудовольствия, поэтому она любезно выслушивает инструкции, а затем спокойно игнорирует их. Три другие женщины, с которыми я беседовала, росли не в западных культурах: одна из них из Индии, две – из Филиппин; и если свою близость с сестрами они еще упоминали, то никогда не говорили о том, что не были близки, а также о том, были ли они похожими или разными. Дискурс двух филиппинских женщин строился вокруг Н-нарратива о том, что ожидалось от

них как от старших сестер. Супер-нарратив в этих случаях строился вокруг возрастных различий и определяющихся ими обязанностей и привилегий. Наконец, еще одна моя собеседница, которая обсуждала то, что делает их с сестрой похожими или разными, но при этом ни разу не употребила слово *близкий*, была голландкой. Хотя приведенные пять примеров не могут служить объективным доказательством, они, тем не менее, подтверждают наше предположение о том, что Супер-нарратив, определяющий, что сестры должны быть близки и похожи, особенно важен для тех, кто родился и вырос в Соединенных Штатах, и, более того, что Супер-нарративы представляют собой культурно-обусловленные взгляды и установки.

Н-нарратив

Нарратив в значении Н-нарратива широко распространен в публичном дискурсе. Встречается широко распространенное и синонимичное использование слова *история* (*story*), поэтому мы можем также говорить об Истории с большой буквы *И*. Цитирую всего несколько из многочисленных примеров, которые мне встретились за последние месяцы.

В газетах, журналах и публичных комментариях лексемы *нарратив* (*narrative*) и *история* (*story*) используются для обозначения практически любого сообщения, объяснения и даже извинения. Например, статья в журнале «Newsweek» цитирует сотрудника приемной комиссии университета, сказавшего, что ему понравился некий абитуриент, потому что «Нарратив текста заявления продемонстрировал прирожденного ученого...» (Newsweek, 27.08.2007. С. 59). В данном контексте *нарратив* означает то, каким образом абитуриент представил себя и свою жизнь в заявлении, а не в какой-то рассказанной истории. Бывший сенатор Билл Брэдли [18] использует метафору «ложные нарративы», имея в виду исходные установки, которые он должен опровергнуть. Он пишет:

Убежден, что рассказанная нам история про Америку просто лжива... Это история об отсутствии возможностей – о минимальных ресурсах и отсутствии политической воли, о страхе и отсутствии сопереживания, о господстве материальных ценностей в обществе и о лозунге «Только Америка» в международной политике [18 : xiii].

Затем он формулирует свои предложения по решению проблем в Америке как «новую американскую историю». Брэдли использует термины «нарратив» и «история» как взаимозаменяемые,

вкладывая в них множество значений, включая «факты», «убеждения», «объяснения», «установки», «сообщения» и т.д.

Использование лексемы *нарратив* в публичном дискурсе в значении, которое имеет много общего с тем, что я называю Н-нарратив в интервью о сестрах, связано с теорией каузации. Например, объясняя растущее неравенство, дистанцию между богатыми и бедными, Пол Кругман [19] противопоставляет два «нарратива»: «точку зрения экономиста», что «экономические изменения вызывают изменения политические», и «альтернативную историю» о том, что политическая поляризация вызвала увеличивающееся неравенство. Подобное использование термина встречаем в рецензии на книгу, написанную врачом-писателем Джеромом Группманом [20], который выделяет несколько «нарративов, которых мы придерживаемся, чтобы распознать болезнь», которые он также называет «нарративами головы и тела». Большинство из нарративов головы и тела, объясняет Группман, уходят корнями в религиозные представления о болезни как о чем-то демоническом. Исторически за этим последовал научный «скептический нарратив», а затем популярное сейчас представление о том, что стресс вызывает болезнь, каковое представление Группман приписывает одному чешскому врачу, о котором пишет: «Его нарратив вполне соответствует культурному дискурсу эпохи холодной войны».

Использование «нарратива» в том значении, которое данный термин имеет в теории каузации, т.е. «правдоподобное объяснение», становится источником юмора для карикатуры в журнале *New Yorker*, изображающей типичную ситуацию в кабинете психотерапевта. Сидя в мягком кресле, психотерапевт говорит угрюмому клиенту: «Послушайте, сделать вас счастливым невозможно, но я могу предложить вам нарратив, утешающий в несчастье» (10.12.2007. С. 92). На другой карикатуре в том же журнале изображается еще одна типичная сцена: человек в пальто с портфелем в руке стоит в дверях спальни, женщина пытается прикрыть обнаженное тело, а мужчина в одном нижнем белье сидит на краю кровати, явно пытаясь сбежать. Подпись гласит: «Я знаю, о чем вы думаете, но позвольте предложить вам альтернативный нарратив» (9/6/04 р. 138). Источник юмора на обеих карикатурах – слишком частое употребление термина «нарратив» и большое количество смыслов, которые он выражает.

Эти примеры из публичного дискурса иллюстрируют использование термина «нарра-

тив» в значении объяснения, причинно-следственной связи, темы, установки или идеи. В этом же смысле я использую предлагаемый мной термин *Н-нарратив* для обозначения общего способа, которым опрошенные мною женщины характеризуют свои взаимоотношения с сестрами. То есть, когда женщины говорили мне, что близки со своими сестрами или нет, похожи или разные, они предлагали объяснения, основанные на семейных обстоятельствах и / или личностных качествах. Одно общее «семейное обстоятельство» – очередность появления на свет. Многие женщины сообщали мне, что их сестры были заботливыми, защищали их, или были авторитарными, и что они идеализировали своих старших сестер и старались быть похожими на них. Многие женщины говорили мне, что на них возлагали ответственность за младших детей, и они либо с радостью соглашались, либо не принимали младших, которые ходили за ними по пятам или все за ними повторяли. Другое распространенное обстоятельство – психологическая травма в семье, например, развод, болезнь, смерть, алкоголизм или насилие. Многие женщины объясняли, что психологическая травма, полученная в детстве, либо сближала сестер, либо делала их чужими. Например, женщина могла находить объяснение своей близости с сестрой в том, что они росли на ферме и им приходилось довольствоваться компанией друг друга. Тема жизни на ферме как причины близости сестер представляет собой *Н-нарратив*, который обеспечивает то, что А. Беккер [16] называет «принципом когерентности», организуя дискурс. Другими словами, *Н-нарратив* напоминает «сюжетную линию» в терминах Б. Дэвиса и Р. Харре [21].

Для меня понимание дискурса сестер в значительной степени связано именно с выявлением соответствующих моделей *Н-нарратива* у многочисленных рассказчиц.

Стратегии вовлечения в н-нарративах

Так же как я внимательна к моделям *Н-нарративов* в дискурсе рассказчиц, я обязательно стараюсь уловить *н-нарративы* и спрашиваю о них, чтобы действительно понять, что же каждая из рассказчиц имеет в виду, развивая определенную тему. Выявляя эти рассказы в транскрипции интервью, я почти сразу заметила ключевую роль «стратегий вовлечения», которые выявила прежде. В то время как *Н-нарратив* обеспечивает сюжетную линию или тему, заданную Супер-нарративом: близость или дистанция и сходство или различие, *н-нарративы* представляют собой рассказы о конкретных со-

бытиях, которые женщины используют, чтобы проиллюстрировать и пояснить свои *Н-нарративы*. Это подлинные (не вымышленные) истории, с помощью которых рассказчица доносит до слушателя свое восприятие отношений с сестрой или сестрами.

Как указывалось выше, в предыдущих работах [2]; а также [22] я показываю, что языковые факты, которые мы воспринимаем как принадлежащие литературной речи, а именно: повтор, диалог и детали, – представляют собой основополагающие стратегии создания смыслов в разговорной речи; в совокупности они создают сцены событий: «люди, находящиеся во взаимоотношениях друг с другом, занимающиеся культурно- и личностно-значимой деятельностью» [2 : 31].

Именно через сцены событий говорящие выражают смысл, а слушающие его распознают. Теперь я бы добавила, что *н-нарратив* есть серия сцен событий и, следовательно, понятие сцены события является центральным в нашем понимании нарратива, и оно объясняет, почему нарратив является центральным понятием в нашем понимании дискурса. Сцены, созданные диалогом, деталями, описанием действия и усиленные повторами, помогли мне понять, о чем рассказывали мне женщины, с которыми я беседовала.

В следующем разделе я показываю, как *н-нарративы* поясняют *Н-нарративы*, которые очерчены Супер-нарративами, а также как повтор стратегий вовлечения, детали и диалог работают в нарративах, создавая сцены событий.

Диалог в н-нарративах

В моем первом примере диалог создает сцену события, которая иллюстрирует *Н-нарратив* рассказчицы, то есть, с точки зрения принципа когерентности, сюжетную линию, которой она охарактеризовала свои взаимоотношения с сестрой.

Частая тема, или *Н-нарратив*, предлагаемая женщинами как объяснение причины отчуждения между сестрами или осуждения сестер, – неумение сестры выразить заботу или предложить помощь в случае болезни, развода или других жизненных трудностей. В следующих двух примерах представлены *н-нарративы* женщин, повествующие об отсутствии поддержки в период кризиса, что послужило доказательством *Н-нарратива* о том, что они не близки со своими сестрами из-за недостатков либо в характерах сестер, либо в их поведении. Кроме обращения к Супер-нарративу о том, что от сестер ожидают близких отношений – поскольку есть необходимость в объяснении, почему эти сестры не

близки, — эти истории также раскрывают необходимость объяснения, почему от сестер ожидают, что они будут поддерживать друг друга во время кризиса в личной жизни.

В ходе обычного разговора, который начинался более или менее так, как я описала в начале статьи, я спросила у женщины, которую видела первый раз в жизни, есть ли у нее сестры. Она сказала, что у нее самой сестры нет, но у ее матери есть сестра и их взаимоотношения отнюдь не хорошие. Женщина рассказала, что мать редко общается с сестрой, то есть тетей рассказчицы, потому что тетя самовлюбленная и эгоистичная. Это был Н-нарратив, мотивирующий дискурс этой женщины. Она рассказала, что у ее брата были с детства проблемы со здоровьем, но тетя никогда не интересовалась ни здоровьем брата, ни трудностями, с которыми пришлось столкнуться матери рассказчицы, то есть сестре. Эта информация создавала фон для н-нарратива, повествования о конкретном событии, с помощью которого женщина проиллюстрировала отношение к своей тетке. Однажды, рассказала она, ее брата положили в больницу в Нью-Йорке, и мать отправилась с ним, чтобы помочь ему. Из Нью-Йорка она позвонила сестре и описала сложившуюся ситуацию и трудности, через которые ей пришлось пройти в связи с госпитализацией сына. В ответ она услышала: «Почему ты не расскажешь мне о чем-нибудь веселом? Ты просто портишь мне настроение».

Эта строка диалога написана в кавычках вверху страницы, на которой я делала записи во время беседы. Понятно, что это было не первое, что я услышала в беседе, но это было первым, что я записала: именно услышав эту реплику, я полезла за бумагой для записи, записала эту строку (дважды проверив, что записала слово в слово), и начала записывать беседу. До этого момента рассказ, который я записывала, не особенно отличался от других подобных повествований. Но диалог сумел выразить, сконцентрировать бессердечие тетки так, как не могло все предыдущее описание. Я знала, что эту реплику я могу использовать, потому что она помогла создать сцену события: мать рассказчицы в чрезвычайно сложной ситуации — одна в огромном враждебном городе (обратите внимание на деталь: Нью-Йорк; мне называли и больницу), должна справляться с трудностями в больнице и волнением по поводу болезни ребенка, разговаривает по телефону с близкой родственницей, ожидая сочувствия.

В контексте этой сцены реплика женщины драматизирует бессердечие тетки. Таким

образом, стратегия вовлеченности, конструирующая диалог, придает важность н-нарративу этого телефонного разговора, который поясняет Н-нарратив о том, что мать этой женщины не была близка со своей сестрой, потому что сестра была очень эгоистичной. Более того, я могу утверждать, что рассказчица была мотивирована использовать нарратив, чтобы объяснить, почему ее мать мало общалась с сестрой — то есть, почему они не были близки. Иными словами, Нарратив был обусловлен Супер-нарративом о том, что сестры должны быть близки.

Я столкнулась с подобным использованием диалога в рассказе другой женщины о проблемной сестре — в этом случае родной сестре рассказчицы. Эта беседа также была с женщиной, которую я видела первый раз в жизни. У нее был очень выразительный вид, когда она утвердительно ответила на мой вопрос о том, есть ли у нее сестра. Затем она начала Н-нарратив, который определил все остальное, что она далее рассказала: она и ее сестра были в плохих отношениях из-за эгоизма и самовлюбленности сестры. В частности, сестра не выполняла семейные обязанности, перекладывая их на свою (старшую) сестру, рассказчицу. Чтобы подтвердить собственную оценку своей сестры, женщина рассказала мне н-нарратив: когда их отец был при смерти и семья собралась у его постели, то сестра решила уйти. «Ты же будешь там, — сказала она. — Ты мне расскажешь, что произошло».

В этом случае принципом когерентности Н-нарратива, определяющим дискурс рассказчицы, тоже было бессердечие сестры, ее эгоизм и неспособность выполнять обязанности перед семьей. Описанное конкретное событие — уход сестры во время смерти отца — это н-нарратив, поясняющий Н-нарратив или тему: моя сестра и я не близки, потому что она безответственна и эгоистична. Как и в предыдущем примере, Н-нарратив мотивируется Супер-нарративом о том, что сестры должны быть близки. В этом примере, как и в предыдущем, ключевой стратегией вовлечения был сконструированный диалог, который оказался эффективным, потому что завершил и помог создать сцену, которая драматизировала точку зрения рассказчицы. Слово *драматизировать* используется не только метафорично; оно содержит мысль о том, что дискурс, представляющий чью-то речь, не пассивное «изложение» слов, произнесенных другим человеком, но скорее диалог, конструируемый рассказчицей, чтобы передать идеи, релевантные для беседы, в которой она прини-

мает участие точно так же, как драматург конструирует диалог в пьесе, предназначенной для постановки.

Стратегии вовлечения и три типа нарратива

Два коротких примера, представленных выше, были взяты из бесед, которые я не планировала заранее и не записывала на пленку. В этом разделе я подробнее рассмотрю дискурс, который я записывала во время двух разных предварительно запланированных интервью. Мой анализ иллюстрирует, каким образом стратегии вовлечения в н-нарративах поясняют Н-нарративы, порождаемые общекультурными Супер-нарративами.

Следующие фрагменты являются фрагментами двух из семидесяти пяти интервью о сестрах, которые я взяла у женщин в личной беседе. Я использовала собственную социальную сеть, чтобы найти женщин, которым было бы интересно поговорить со мной. В редких случаях я разговаривала с женщинами, которых немного или хорошо знала; в большинстве случаев я общалась с женщинами, которых никогда не встречала прежде и которых не планировала встретить снова. Хотя я не пыталась специально получить репрезентативный материал, я намеренно включила женщин разного возраста, разных по этническому происхождению, из разных культур. Так, Примеры 1 и 2 взяты из беседы с подругой матери, которая приехала к дочери в город, в котором я живу. Я очень хотела включить ее в свое исследование, потому что ей было 80 лет и она была намного старше других женщин, с которыми я беседовала.

Большинство интервью я проводила в гостях у собеседниц, хотя, если это было неудобно, мы встречались у них на работе, в ресторане или, в нескольких случаях, у меня дома. Если женщина была не из моего города, я общалась с ней по телефону, обычно печатая текст беседы на машинке, а не записывала беседу на пленку. Все интервью я начинала с приветствия собеседницы и беседы на темы, которые казались уместными в зависимости от степени нашего знакомства, и повторяла, что не буду использовать ни слова из интервью, не получив первоначально ее одобрения. Если собеседница была моей знакомой, я начинала с обычного small talk. Я встретила с Коллин, матерью своей подруги, в доме ее дочери, в квартире для гостей, в которой они с супругом останавливались, приезжая в гости. Перед началом интервью Коллин показала мне свои фотографии и фотографии своей семьи и

объяснила, что ее муж – отчим моей подруги, за которого она вышла после смерти своего первого мужа. Затем мы сели на диван и я начала интервью со слов: «Просто расскажите мне о себе и своей сестре».

Пример 1: Сходство, несмотря на расстояние

Все, что Коллин рассказала мне о взаимоотношениях со своей старшей сестрой, которая умерла несколькими годами ранее, поддерживало этот Н-нарратив: Коллин и ее сестра, которая была необыкновенным и чудесным человеком, были похожи по своей сути, несмотря на многочисленные внешние различия, и близки, несмотря на то, что жили в разных городах большую часть жизни. Когда Коллин была ребенком, ее сестра жила с тетей в каком-то далеком городе, чтобы получать медицинскую помощь, которая была необходима из-за заболевания, которое самым печальным образом остановило ее рост.

Коллин начала, показывая свою сестру на фотографии и говоря:

Моя сестра была, она была больна около девяти лет. И вот, и она была на восемь лет старше меня. Это Джинни, это маленькая Джинни Фасолинка. В ней было всего четыре фута восемь дюймов».

Н-нарратив о том, что жизнь сестры была обусловлена ее детским заболеванием и, как результат, маленьким ростом, был, таким образом, заявлен в начале интервью. Коллин также указывает на свою любовь к сестре, используя ее семейное имя: «маленькая Джинни Фасолинка». В следующей реплике она сказала мне: «У нас были уникальные взаимоотношения на большом расстоянии», и затем объяснила, как Джин поддерживала ее и заботилась о ней, когда Коллин росла, несмотря на физическую дистанцию между ними. Таким образом, в соответствии с Супер-нарративом о том, что сестры должны быть близки, Коллин размещает свои взаимоотношения с сестрой на континууме (эмоциональной) близости и (физической) дистанции.

Создав таким образом сцену, Коллин сразу же переходит ко второй части Супер-нарратива, рассказывая, чем она и сестра отличались и, вместе с тем, чем были похожи. Их различия включали жизненные обстоятельства (Коллин дважды выходила замуж, у нее были дети, а Джин никогда не была замужем и не имела детей) и интересы («Я читаю периодику, а она книги»). Несмотря на это, Коллин сказала: «Внутренне мы были очень похожи». Важно, что они обе

всю жизнь заботились о ком-то: «Я уверена, что подражала ей, всегда что-то делая для кого-то». Более того, у них были «одинаковые привычки»: «Стирка в понедельник, глажка во вторник, уборка дома по четвергам – так было у нас обеих».

Пример 1 – н-нарратив, который Коллин использовала для пояснения Н-нарратива о том, что она и ее сестра были похожи, не смотря на внешние различия¹.

*Она ходит в библиотеку
и говорит,
«Я прочитала чудеснейшую книгу.
Ты обязательно должна ее прочесть».
А я могла купить эту книгу
или шла в библиотеку
и читала ту же самую книгу
в это же самое время.*

*Однажды когда она позвонила она сказала,
«О, я наконец купила пальто,
оно такое оригинальное».
Я спросила: «Какое оно?»
Она ответила: «Красное».
и сказала,
«Оно не слишком ярко красного цвета, –
но, – сказала она, – оно как вязаное,
но это не обычная шерсть
из которой вяжут свитера»,
и я сказала: «Ты шутишь».
Я спросила: «Это длинное пальто или короткое,
как пиджак?»
«Нет, оно до колена».
Я сказала, «Поверить не могу».
Она сказала: «Ты о чем?»
Я сказала: «У меня точно такое же пальто.
Я только что купила его там-то и там-то».
И у нас было очень. . .
у нас так бывало.*

Эта двучастная иллюстрация их сходства начинается с квази-нарратива, описывающе-

¹ В этом и последующих отрывках, чтобы лучше передать ритм речи я выделяю строки, которые представляют собой фрагменты речи, произнесенные до следующего вдоха. Кавычки у меня – пояснительное представление диалога. Вопросительные знаки указывают на грамматический вопрос, а не повышение тона, а точки обозначают и падение интонации в конце предложения, и грамматический конец предложения. Запятые указывают на интонацию конца фразы, имплицитно значение «продолжение следует». Три точки без пробелов (...) обозначают короткую паузу. Три точки с пробелами (. . .) обозначают эллипсис: опущенные строчки или слова. Тире (–) обозначает фальстарт, неудачное начало, резкое и мгновенное прекращение речи. ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ обозначают эмфазу. Стрелки обозначают строки, которые являются ключом к аналитическому комментарию.

го событие, которое периодически повторялось (читали одну и ту же книгу в одно и то же время, не зная о выборе друг друга), и оригинального н-нарратива о случае, когда они узнали о том, что купили одинаковые пальто.

Воздействие этих нарративов усиливается повторением слов и синтаксических парадигм:

*точно такая же книга
в это же самое время.
у меня точно такое же пальто.
и у нас точно . . .*

Повтор «такая же, такое же» перед словами *книга* и *пальто* устанавливает параллелизм, при котором выражение *такой же* может опускаться в последней строке: «у нас точно», где слово *точно* воспринимается как первое слово фразы *точно такой же*. Вряд ли имеет значение, какими могли бы быть пропущенные слова (такой же вкус?).

Эффект данного н-нарратива связан, частично, с деталями, которые создают образ пальто:

*оно красное
не ярко красного цвета
вязаное пальто
не обычная шерсть, из которой вяжут свитера
доходит до колен*

Образ создается цветом пальто (красный), материалом (вязаное шерстяное) и длиной (до колен). То, что пальто было необычным (оно такое оригинальное, «не обычная шерсть» для вязания) делает еще более удивительным и значимым то, что Коллин и Джин купили одинаковые пальто.

Наконец, телефонный разговор, который обеспечивает сцену для н-нарратива, создан в виде сконструированного диалога. Я представляю диалог так, как он был бы представлен в художественном произведении, когда новый абзац указывает на новый речевой ход собеседников, в то время как в речи на это указано фразами *она сказала* и *я сказала*, а также изменением голоса. Более того, такое представление диалога ясно указывает на то, что диалог имеет целью создание драматического эффекта, для этого же его использует и автор в художественном повествовании.

*О, наконец, я купила пальто, оно такое оригинальное.
Какое?
Красное. Не ярко красное, как будто вязаное, но не из обычной шерсти, из которой можно свитер связать.*

Ты шутишь? Оно длинное или короткое, как жакет?

Нет, до колен.

Не может быть!

А что?

У меня точно такое же пальто. Я только что купила его там-то и там-то.

Наряду с диалогом, определенный вклад в сцену вносят детали, в результате драматизируется не только сходство сестер, но и их близость. Удивительная новость о том, что они купили одинаковые пальто, выясняется в телефонном разговоре сестер, которые часто звонят друг другу и обмениваются информацией о покупках и другими новостями.

То, что Коллин рассказывает о чтении с сестрой одной и той же книги и покупки одинакового с ней пальто – н-нарративы, поясняющие Н-нарратив о том, что сестры были близки и похожи, несмотря на то, что жили далеко друг от друга и совершенно очевидно жили по-разному. Смысл данных нарративов подчеркивается повтором, в то время как детали и диалог вместе создают сцену, в которой слушающий получает представление о личных взаимоотношениях сестер и разделяет их удивление и удовольствие по поводу совпадений. Иллюстрируя то, что она и ее сестра, несмотря на внешние различия, «были очень похожи» и, несмотря на физическое расстояние между ними, очень близки, Коллин действует в рамках общекультурного Супер-нарратива о том, что сестры должны быть похожи и близки.

Пример 2: Сцена близости

Я процитирую еще один отрывок из интервью Коллин, чтобы проиллюстрировать создание сцены и продемонстрировать важность и возможности сцен в пояснении Н-нарратива. Следующий фрагмент – еще один квази-нарратив, поскольку рассказывает о событии, которое повторялось постоянно, а не было однократным.

Коллин рассказала мне, что беспокоилась за Джин, которая, несмотря на возраст, продолжала жить одна, и поэтому постоянно приглашала Джин переехать к ней, чтобы вместе со своим мужем, Джорджем, Коллин могла заботиться о ней. За два года до своей смерти Джин наконец приняла приглашение. Коллин описала следующую сцену из того периода их жизни:

*Конечно Джинни была доброй,
Джинни была просто очень доброй.*

*Я могу еще,
Когда она переехала ко мне,
Было так весело.*

*Джордж обычно вставал
и уходил завтракать или еще зачем-то
и Джинни просовывала голову в дверь
и я говорила: «Заходи».
она отвечала «Нет»,
вы знаете, не забывайте, что
мы жили вместе во Флориде
около двух с половиной лет.
Она говорила: «Нет, я просто...»
«Джинни, иди сюда».
И она входила,
тогда я укладывала ее в кровать
и она лежала
лежала рядом со мной
и я держала ее за руку.
У нее были такие крошечные ручки,
просто крошечные ручки,
и как птичка, птичья лапка.
Мы там лежали
и начинали разговаривать
и мы смеялись
и мы часто так делали пока росли.
Мы лежали вместе в кровати
и просто разговаривали.*

Эта трогательная сцена, когда две пожилые сестры лежат рядышком в кровати, держась за руки, явно усиливает Н-нарратив Коллин о своих близких отношениях со старшей сестрой. Безусловно, он усиливает ощущение близости, представляя как ее физический аспект, так и эмоциональный.

Эмоциональное воздействие сцены усиливается синтаксическим повтором:

*и она ложилась,
и лежала рядом со мной
...
Мы там лежали
...
Мы лежали вместе в кровати*

Повтор синтаксической парадигмы также подчеркивает близость сестер, что подтверждается тем, что всю жизнь они вместе разговаривали и смеялись:

*и начинали разговаривать
и мы смеялись
и мы часто так делали пока росли*

Повтор также усиливает утверждение Коллин, что ее сестра была чудесным человеком, это подтема Н-нарратива, который организует ее дискурс. Сцена, когда две сестры лежат утром в постели, вводится повторением утверждения о характере Джин:

*Конечно, Джинни была доброй,
Джинни была очень доброй.*

Интересно, что нарратив больше говорит о доброте Коллин, пригласившей сестру к

себе в дом и даже в свою кровать, чем о доброте Джин, но рассказ действительно иллюстрирует скромность Джин, когда первоначально она отклоняет приглашение («Джин, иди сюда») лечь вместо своего зятя в кровать сестры. Отказ, более того, повторяется:

*Она отвечала «Нет»,
вы знаете, не забывайте, что
мы жили вместе во Флориде
около двух с половиной лет.
Она говорила: «Нет, я просто...»*

Скромность, проявляющаяся в нежелании Джин принять приглашение сестры, усиливается самоуничижительным «просто» во втором повторе: (Она говорила: «Нет, я просто»).

Эти н-нарративы, процитированные из моего интервью с Коллин, демонстрируют, почему я жду появления историй, как появления мыши из норки: такой подробный рассказ об особых, значимых для сестер событиях позволил мне понять, какой была сестра Коллин и какие отношения были между сестрами. Все это было бы невозможно передать общим описанием. Данные фрагменты также иллюстрируют, как в нарративе стратегии вовлечения создают сцену, которая придает драматизм тем аспектам взаимоотношений сестер, которые составляют Н-нарратив Коллин, то есть сюжетную линию. Более того, они показывают, как размещение в континуумах на шкале близость / дистанция и сходство / различие обеспечивает Супер-нарратив для дискурса Коллин о сестре.

Пример 3: Мы против всего мира.

Последний пример я приведу из беседы с Кейт, женщиной 34 лет, младшей дочерью моей подруги. Я познакомилась с Кейт на вечеринке, которую устраивала ее мать, а после этого побеседовала с ней у нее дома. Н-нарратив Кейт, тема, которая обеспечивала принцип когерентности в ее дискурсе, заключался в том, что три старших ребенка в семье – два брата и сестра – всегда защищали ее и что они всегда были дружны, объединенные общими трудностями, связанными с разводом родителей. Чтобы проиллюстрировать этот Н-нарратив, Кейт рассказала следующий н-нарратив из детства.

Как-то летом семья провела несколько недель в каком-то далеком городе, где мама преподавала в летней школе. В течение дня за детьми присматривала одна из студенток матери, строгая молодая женщина, которая детям не нравилась. В это время Кейт под-

хватила воспаление легких и нянька закрыла ее в комнате на замок, «так что мои братья и сестра не могли ко мне попасть», по-видимому, чтобы они не заразились. Для Кейт, однако, такая изоляция превратилась в мучение, от которого ее героически избавили старшие дети:

*Это было ХУДШЕЕ
что могло со мной случиться.
Я чувствовала себя так, я чувствовала себя так
э-э...
было просто ужасно.
Тогда они забрались на второй этаж,
они ЗАБРАЛИСЬ по э-э
скажем, по решетке,
на второй этаж дома,
и пробрались в комнату
за мной.
Все это было...
Они так поступили,
казалось, мы были против всего мира.*

В этом месте я спросила: «Они так поступили, потому что знали, что вам было страшно?». Кейт ответила, повторив: «Мы были против злой няньки [смеется]». Затем она продолжила рассказ:

*А потом моя сестра,
моя сестра,
это классика,
моя сестра,
до сих пор такая же,
если что-то случается,
с кем-нибудь,
она так... – она – именно она
набросится на...
Она м.. взяла любимую расческу – массажную
щетку няньки.
У той женщины были красивые длинные волосы
и она все время их расчесывала.
И она взяла ее
И она взяла ее
и ПОГРЫЗЛА ее,
и вырвала зубчики – щетину – зубчики,
или как там они называются,
вырвала щетину [смеется].
И женщина только,
и она сказала,
«Собака, собака это сделала.
Собака, так жаль».*

Из рассказа Кейт видно, что первая часть ее н-нарратива поясняет Н-нарратив о том, что старшие дети в семье защищали ее и что все они объединились «против всего мира».

Повторяющаяся синтаксическая конструкция выражает суть повествования:

*мы были против всего мира.
Мы были против злой няньки [смеется]*

Вторая часть нарратива иллюстрирует тот факт, что сестра особенно «яростно защищала» Кейт: она отомстила за несправедливость, от которой страдала Кейт, испортив любимую вещь мучительницы. Кульминация подчеркивается лексическим повтором в строке диалога, который также содержит коду:

*и она сказала,
«Собака, собака это сделала.
Собака, так жаль.»*

Повторяя слово *собака*, Кейт подчеркивает бесстрашие сестры в нападении на врага – няньку.

Детали, повтор и сцены вместе подчеркивают тему рассказа:

*Тогда они забрались на второй этаж,
они ЗАБРАЛИСЬ по э-э
скажем, по решетке,
на второй этаж дома,*

Героические усилия, приложенные старшими братьями и сестрой Кейт, выдвигаются на первый план благодаря повтору и эмфатическому ударению на словоформе *забрались*; трудность этого предприятия подчеркивается словом *решетка*: конструкция, прикрепленная к дому снаружи. Образ группы детей, взбирающихся по стене, чтобы спасти свою младшую сестру, – это сцена, драматизирующая суть рассказа Кейт: что ее старшие брат и сестра всегда защищали ее и они все объединились, чтобы выстоять перед трудностями, вызванными разводом родителей.

Повтор и детали также объясняют повреждения, нанесенные сестрой Кейт щетке для волос, принадлежавшей няньке:

*И она взяла ее
и ПОГРЫЗЛА ее,
и вырвала зубчики – щетину – зубчики,
или как там они называются,
вырвала щетину [смеется].*

В последовавшей затем переписке по электронной почте Кейт уверила меня, что ее сестра в буквальном смысле погрызла щетку, оставив следы от зубов, которые нянька так всегда и считала следами собачьих зубов. А та деталь, что ее сестра вырвала щетину (оговорку Кейт: сказала «зубчики» (*brussels*) вместо «щетины» (*bristles*) – будем трактовать по Харви Саксу [23]: вероятно, это было вызвано тем, что слова расческа (*hairbrush*) и щетка (*brush*) звучат похоже), создает картину сломанной щетки гораздо лучше, чем получилось бы при опи-

сании ситуации общей фразой «она сломала щетку». Более того, фраза «она взяла ее» вызывает повтор синтаксической парадигмы (взяла ее / погрызла ее / вырвала щетину), что создает впечатление серии действий, что по воздействию гораздо эффективнее, чем описание двух отдельных действий: «погрызла» и «вырвала».

Нарративы Кейт со строчной «н» – н-нарративы – то, как дети храбро ее спасали, а сестра отомстила за несправедливость по отношению к ней, поясняют ее Н-нарратив: старшие братья и сестра защищали ее, в то время как дети объединились четвером перед трудностями, вызванными разводом родителей. Как сказала Кейт где-то в другом месте интервью, она, ее братья и сестра были: «НЕВЕРОЯТНО близки, пока росли. Мы были чем-то вроде утешения друг для друга». Таким образом, Н-нарратив был очерчен Супер-нарративом близости.

Заключение

Одна из женщин, с которыми я беседовала, заметила по поводу числа рассказанных мне историй, что «Любые взаимоотношения – это истории». Такое понимание отложилось у меня в голове, потому что оно объясняет причину, по которой в своих попытках понять дискурс сестер я использую интервью, несмотря на то что в качестве теоретической базы своего исследования рассматриваю интеракционную социолингвистику, а в качестве основного метода – анализ спонтанной разговорной речи. Я, таким образом, поднимаю вопрос о роли интервью в дискурсивном анализе, при этом следует заметить, что одним из преимуществ проведения интервью или бесед на заданную тему является возможность извлечь нарративы. Внимание к центральной роли нарратива, в свою очередь, позволяет установить важность повтора стратегий вовлечения, конструируемого диалога и деталей. Более того, я рассмотрела ключевую роль, которую играет главная стратегия вовлечения, сцены.

Я предложила, кроме того, трехуровневое понятие нарратива для описания моделей, которые я исследовала, расспрашивая женщин о сестрах. Высший уровень – Супер-нарратив, культурно-обусловленная система взглядов и представлений о мире, которую представители данной культуры воспринимают как само собой разумеющуюся. Эти представления не сформулированы, но определяют то, что собирается сказать говорящий. Когда я разговаривала с женщинами о их сестрах и изучала записи бесед на заданную тему, меня сразу поразило то, как часто и как быстро американки рассказыва-

ли мне о том, были ли они, как и почему, если были, близки со своими сестрами; были ли они, и если да, то почему, похожи на сестер или отличались от них. То, что так много женщин организовали свой дискурс именно таким образом, доказывает существование Супер-нарратива, согласно которому культурные ожидания, связанные с сестрами, – то, что они близки и похожи.

Два других уровня нарратива, Н-нарратив и н-нарратив, моделируются по аналогии с делением Джи на Д-дискурс и д-дискурс. Я использую термин н-нарратив, чтобы обозначить то, что обычно считают историей. В моих интервью это повествования о различных событиях и интеракциях, в которых участвовали сестры моих собеседниц. Я предлагаю термин Н-нарратив для обозначения сюжетной линии или темы, функция которой – реализовать принцип когерентности в дискурсе о сестрах. Н-нарратив, структурируя интервью, обычно помещает рассказчицу на континууме между близким и далеким, с одной стороны, и сходным и различным – с другой. Обычно рассказчицы описывали себя и своих сестер как уникальную комбинацию этих переменных и объясняли, почему и как, с их точки зрения, они стали такими. Поэтому я сделала вывод, что истории, рассказанные мне женщинами, были н-нарративами, поясняющими Н-нарративы, обусловленные несформулированным Супер-нарративом – культурно-обусловленной системой взглядов и представлений, которая обнаруживается при характеристике коллективного дискурса отдельных говорящих. Другими словами, женщины имеют тенденцию определять свои взаимоотношения с сестрами как близкие или неблизкие и описывать себя и своих сестер как похожих и / или отличающихся друг от друга в соответствии с культурно-обусловленным представлением о том, что сестры должны быть близки и похожи.

Я надеюсь, что, таким образом, внесла определенный вклад как в дискурс сестер, так и в целом в дискурсивный анализ и теорию нарратива.

Благодарность

Эта статья была первоначально представлена в виде доклада на круглом столе по лингвистике, организованном университетом Джорджтауна в Вашингтоне, округ Колумбия, в марте 2008 года. Хочу выразить слова благодарности Деборе Шифрин, которая была одним из организаторов круглого стола и читала мой текст, за ценные замечания, а также двум анонимным рецензентам, читавшим текст статьи. Я искренне при-

знательна всем женщинам, которые участвовали в интервью, уделив мне время и оказав доверие; особая благодарность тем, чей дискурс я цитирую и анализирую в данной статье: Коллин Миллер и Кейт Шрив.

REFERENCES

1. Welty E. *One writer's beginnings*. Cambridge, MA, 1984. 128 p.
2. Tannen D. *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Revised edition, Cambridge, 2007 [1989]. 244 p.
3. *Repetition in discourse: Interdisciplinary perspectives*. In 2 vol. Ed. by B. Johnstone. Norwood, New York, 1994. Vol. 1: 250 p.; Vol. 2: 214 p.
4. Schegloff E. Practices and actions: Boundary cases of other-initiated repair. *Discourse Processes*, no. 23 (3), 1997, pp. 499–545.
5. Rieger C. L. Repetitions as self-repair strategies in English and German conversations. *Journal of Pragmatics*, 2003, vol. 35, no. 1, pp. 47–69.
6. Stivers T. «No no no» and other types of multiple sayings in social interaction. *Human Communication Research*, 2004, vol. 30, iss. 2, pp. 260–293.
7. (Ed.) *Direct and indirect speech*. Ed by F. Coulmas. Berlin, 1986.
8. Mayes P. Quotation in spoken English. *Studies in Language*, 1990, vol. 14, pp. 325–363.
9. Gunthner S. Polyphony and the 'layering of voices' in reported dialogues: An analysis of the use of prosodic devices in everyday reported speech. *Journal of Pragmatics*, 1999, vol. 31, pp. 685–708.
10. Buttny R. Putting prior talk into context: Reported speech and the reporting context. *Research on Language and Social Interaction*, 1998, vol. 31, iss. 1, pp. 45–58.
11. Labov W., & Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Essays on the verbal and visual arts*. Ed by J. Helm. Seattle, 1967, pp. 12–44.
12. Gee J. P. *Social linguistics and literacies: ideology in discourse*. 2nd ed. London, 1999.
13. Kendall S. Father as breadwinner, mother as worker: Gendered positions in feminist and traditional discourses of work and family. *Family talk: Discourse and identity in four American families*. Ed. by D. Tannen, S. Kendall, C. Gordon. New York, 2007, pp. 123–163.
14. Tannen D. The relativity of linguistic strategies: Rethinking power and solidarity in gender and dominance. *Gender and discourse*. Oxford and New York, 1994, pp. 19–52.
15. Brown R. & Gilman A. The pronouns of power and solidarity. *Style in language*. Ed by T. Sebeok. Cambridge, MA, 1960, pp. 253–276.
16. Becker A. L. *Beyond translation: Essays toward a modern philology*. Ann Arbor, 1995.
17. Tannen D. *You're Wearing THAT?: Understanding Mothers and Daughters in Conversation*. New York, 2006. 304 p.
18. Bradley B. *The new American story*. New York, 2007.

19. Krugman P. *The conscience of a liberal*. New York, 2007.

20. Groopman J. Faith and healing: review of *The cure within* by Anne Harrington. *The New York Times Book Review*, 2008, January 27, pp. 14–15.

21. Davies B., Harré R. Positioning and personhood. *Positioning theory*. Ed. by R. Harré, L. Van Langenhove. Oxford & Malden, MA, 1999, pp. 14–31.

22. Tannen D. *I Only Say This Because I Love You: Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults*. New York, 2001. 368 p.

23. Sacks H. Lecture notes March 11. *Lectures on conversation Vol. II*. Oxford, UK & Cambridge, MA, 1992 [1971], pp. 318–331.

Статья поступила в редакцию 01.09.2013.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'38'42:030
ББК 81.2Рус-5

Н. В. Орлова
Омск, Россия

N. V. Orlova
Omsk, Russia

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ: ТРИ ДИСКУРСА ОДНОГО ЖАНРА

ENCYCLOPEDIA ARTICLE: THREE DISCOURSES OF ONE GENRE

Аннотация. Жанр русскоязычной энциклопедической статьи анализируется в аспекте влияния на него социокультурного контекста и стилистической системы языка. Сопоставляются три наиболее значительных издания в диахроническом интервале с конца XIX века по настоящее время. Уточняются обстоятельства трансформации жанра в направлении от собственно научного к научно-справочному.

Ключевые слова: речевой жанр, энциклопедическая статья, правила дискурса, научный стиль, концепция человека, виды информации, достоверность информации, авторское «я», выразительные средства, компрессия текста.

Abstract. The genre of Russian-language encyclopedia articles is analyzed in terms of the impact of socio-cultural context and the stylistic system of the language. We compare the three most significant publications in the chronological range from the end of the XIX century to the present. We discuss the circumstances that contributed to the transformation of the purely scientific genre to the scientific reference work.

Key words: speech genre, encyclopedic article, rules of discourse, scientific style, concept of human, types of information, accuracy of the information, author's "self", means of expression, compression of text.

Сведения об авторе: Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Контактная информация: 644052 Омск, 2-ая Челюскинцев, д.110;

E-mail: nvorl@rambler.ru

About the author: Orlova Natalia Vasilyevna, Doctor of Philology, Professor of Russian, Slavic and Classical Linguistics Department

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Проблематику исследования составляет вопрос о влиянии на жанр энциклопедической статьи (далее ЭС) условий порождения и восприятия текстов: эпохи создания ЭС, ценностей эпохи, а также особенностей стилистической системы языка, в которую на том или ином этапе ее развития «встраивается» ЭС. Названные условия могут быть определены как факторы дискурса, если исходить из трактовки дискурса, предложенной М. Фуко. М. Фуко называл дискурсом «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [1 : 29].

Три дискурса анализируемого жанра следуют друг за другом во времени. Диахронический диапазон задан расстоянием между Энциклопедическим словарем Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Санкт-Петербург, 1890–1907, далее ЭСБЕ) и Большой Российской энциклопедией (издается с 2004 г., далее БРЭ). Помимо статей из ЭСБЕ и БРЭ, были проанализированы статьи из 3-го изд. Боль-

шой Советской энциклопедии (1969–1978, далее БСЭ). БРЭ является преемницей БСЭ. На сайтах издательства «Большая Российская энциклопедия», в частности <http://www.greatbook.ru>, указан год его основания – 1925, то есть тот, с которого начинается история издательства «Советская энциклопедия». В то же время ЭСБЕ, БСЭ и БРЭ являются тремя, а не двумя разными дискурсивными образованиями. Правила каждого из них *детерминированы временем и пространством* – в каждом случае своим, а также специфическими *социальными условиями, экономическим, географическим, языковым окружением* (см. выделенные курсивом фрагменты в определении М. Фуко).

Акцентируя в понимании дискурса его детерминированность временем, социокультурным контекстом и состоянием стилистической системы языка, ответим на вопрос: в чём конкретно проявляется фактор дискурса рубежа XIX–XX вв., советского дискурса 60–70-х гг. и дискурса 2000-х? Одна из специфических задач исследования – спроецировать на статьи из ЭСБЕ современную оппозицию собственно научного и научно-

справочного подстилей русской речи¹. В конце XIX–начале XX в. научный стиль еще не завершил своего становления, был близок к художественной литературе [4], поэтому, на первый взгляд, сама постановка подобной задачи может показаться неуместной. Назовем причину, по которой мы это делаем. По мнению некоторых ученых, общим направлением развития ЭС является превращение энциклопедий из собственно научных изданий в научно-справочные². В какой точке этого процесса находится ЭСБЕ – вопрос, на который можно ответить, апеллируя к наличию / отсутствию отдельных маркеров собственно научного подстиля в его современном виде (например, показателей движения мысли), а также к наличию / отсутствию признаков научно-справочного подстиля (например, описательности и специфической компрессии). Несформирован-

¹ Указанные подстили различаются соотносительностью с первичностью / вторичностью информации в текстах; разной степенью обобщения информации (высокая присуща научно-справочному подстилю); разным соотношением логической и фактической информации (логическое осмысление фактов характерно для собственно научного подстиля); возможностью и в ряде жанров необходимостью презентации субъективного и дискуссионного начал в собственно научном подстиле / невозможностью их присутствия в научно-справочном [2]. Согласимся также с Т. Н. Мальчевской, по мнению которой для типологии научных текстов существенно соотношение размера научного произведения и степени насыщенности его информацией, причем научно-справочная литература характеризуется как «сокращенно-описательный тип речи» [3].

² Ниже приведены высказывания участников круглого стола, организованного журналом «Высшее образование в России» в 2006 году. Б. М. Бим-Бад, называя современную энциклопедию справочником, вкладывает в эту характеристику негативно-оценочный смысл: «...Энциклопедия стала, стыдно сказать, всего лишь справочником. Справочником стала та самая энциклопедия, которая должна была сказать, как это было во времена Аристотеля, что существуют такие-то школы, направления, течения, подходы, гипотезы, теории, и должна была обрисовать круг – не знания, это невозможно, – но познания» [5 : 144]. Н. И. Кузнецова пишет о том, что норма, согласно которой в современной энциклопедии не сообщаются гипотезы, осознается некоторыми учеными как препятствие для работы в этом жанре: «Я спросила известного философа Э. Ю. Соловьева о том, участвовал ли он как автор в «Новой философской энциклопедии». Он ответил: «Нет! Энциклопедическая статья – не мой стиль. Там надо что-то устоявшееся. Я совершенно не могу этому соответствовать, я все время в поиске, я все время открыт для сомнений» [6 : 140].

ность научного стиля в эпоху создания ЭСБЕ не является препятствием для наблюдений такого рода. С другой стороны, имеется возможность проверить, имеются ли корреляции между «не вполне научным» стилем авторов ЭСБЕ и несоблюдением каких-либо правил научной деятельности.

Охарактеризуем материал и обоснуем выбор теоретической модели исследования.

В трех вариантах (ЭСБЕ, БСЭ, БРЭ) сопоставлены статьи об А. Н. Афанасьеве, А. Н. Веселовском, А. И. Герцене, Н. В. Гоголе, Э. Т. А. Гофмане, В. И. Дале; статьи о А. С. Пушкине, И. С. Тургеневе, Н. Г. Чернышевском, В. (У.) Шекспире сопоставлены в двух вариантах, так как соответствующие тома БРЭ на момент написания этого материала не вышли. Общий объем составил 26 статей³.

Дискурс определяется не столько тем, что говорится, сколько способом говорения, поэтому особую ценность имеет речевой материал, который в явной форме не характеризует цивилизационные признаки времени, идеологию, языковую ситуацию, но косвенно на них указывает. Как известно, в работе «Война языков» Р. Барт показал существенные признаки дискурса на примере табличек на воротах с сообщением «не входите» [7]. Так как, в соответствии с поставленными задачами, исследуется влияние на тексты экстралингвистических факторов и фактора языковой среды, в параметры описания включаются элементы содержания и речевой формы ЭС. Поскольку объектом исследования являются ЭС о личностях – писателях, исследователях, общественных деятелях, содержательный блок модели строится с ориентацией на реализованную в этих статьях концепцию человека. По мнению культурологов, «динамика «идеи человека» направляется мировоззренческими принципами, но корректируется общим социокультурным контекстом» [8]. Формально-речевая часть параметров описания отражает специфику жанра ЭС и основывается на суждениях и гипотезах о его развитии. В модель включаются дифференцирующие признаки собственно научного и научно-справочного подстилей научного стиля, а также дифференцирующие признаки научного и художественного стилей.

К содержательному блоку отнесены (1) первичная информация о герое статьи; (2)

³ В ссылках на источник материала используются аббревиатуры: *А* – Афанасьев, *В* – Веселовский, *Г-ен* – Герцен, *Г-ль* – Гоголь, *Г-ан* – Гофман, *Д* – Даль, *П.* – Пушкин, *Т* – Тургенев, *Ч* – Чернышевский, *Ш* – Шекспир.

сведения о личностных качествах; (3) сведения о последних годах и днях жизни; (4) объекты и характер оценки; (5) сведения дискуссионного и гипотетического характера. В группу языковых, речевых, структурно-композиционных (текстовых) параметров вошли (6) приемы компрессии информации; (7) указание на авторство статьи и показатели речи от 1-ого лица по классификации типов речи Г. Я. Солганика [9 : 91–98]; (8) показатели научной достоверности; (9) наличие / отсутствие повествования как функционально-смыслового типа речи; (10) наличие / отсутствие средств художественной выразительности. Параметры описания одни и те же для всех трех источников.

Сопоставительные характеристики текстов ЭС из ЭСБЕ

(1) Первичная информация характеризует героя статьи по роду деятельности и устанавливает его место в мировой иерархии персоналий. Наряду с отсутствием маркера значимости (*исследователь*) приводятся шкальные значения *знаменитый публицист; писатель, достигший всемирной известности; величайший драматург христианского периода жизни человечества* и т.д.

(2) Освещается процесс формирования личностных качеств, сообщается о характере и наклонностях родителей, рассказывается о событиях, повлиявших на характер: *Г. проникся свободолобивыми стремлениями, развитию которых много содействовал учитель русск. словесности И. Е. Протопопов, приносивший Г. тетрадки стихов Пушкина (Г-ен)*. В психологическом портрете героя статьи выделяются морально-этические, интеллектуальные качества и поведенческие особенности: *Николай Гаврилович Ч., как человек, был истинно-светлой личностью (Ч); Вследствие женитьбы на очень доброй и преданной польке Г. в скучном Плоцке снова сделался "порядочным" человеком (Г-ан)*.

(3) В финале биографического блока называется болезнь, ставшая причиной смерти; в объёмных текстах, посвященных особо значимым фигурам, описывается течение болезни либо говорится о личностных проявлениях человека в этот период: *А. ум. от чахотки, 45 лет от роду (А); у него развилось нечто вроде сухотки спинного мозга; но и на смертном одре он сохранил силу воображения и остроумие (Г-ан); Умирал Т. мужественно, с полным сознанием близкого конца, но без всякого страха перед ним (Т)*.

(4) Объектами оценки являются (а) личностные свойства героя статьи, его взгляды, социально-поведенческие проявления, об-

стоятельства жизни: *Это была, конечно, большая самонадеянность... (Г-ль); Пушкин вначале учился плохо (П); Это было самое спокойное и самое плодотворное время его деятельности (А); (б) результаты творчества: Третий его недостаток – полное и сознательное равнодушие ко всяким социальным вопросам (Г-ан); (в) свойства других лиц и социальных институтов: Утилитаризм Ч., заимствованный у такого же исключительно-доброто человека – Дж. Ст. Милля, не выдерживает критики, не закрывающей глаза на действительность (Ч); Отец его <...> был человек замечательно красивый, ничтожный по своим качествам нравственным и умственным (Т); Доброе желание правительства освободить крестьян не ослабло (Ч); (г) деятельность критиков: Для литературно-критического понимания Ш. больше всего сделали немцы (Ш). Реализуется широкий спектр частных оценок (этических, эстетических, утилитарных, телеологических, психологических, гедонистических), а также регулярно выносятся общие оценки, которые окрашивают текст модальностью категоричности.*

(5) Широко представлена информация дискуссионного и гипотетического характера. Авторы статей приводят точки зрения исследователей, с которыми они не согласны: *Называют предрассудком мнение, что <...> говорят, что <...>. Но в этих суждениях есть ошибка (Г-ль); До сих пор держится мнение, что <...>. Это мнение не имеет никакого основания (Ч); Едва и, однако, есть возможность поддерживать эту точку зрения в настоящее время, когда... (Ш). Сочувственно излагаются чужие мнения: Иные считали его прототипом героя «Старосветских помещиков» (Г-ль); Полагают, что <...>. В текст вводятся сведения с маркерами не только гипотетичности, но и неопределенности: *Но кто-то <...> успел настроить против Ч. министра народного просвещения А. С. Норова (Ч);... В природе Д., несмотря на естественноисторическое образование, полученное в Дерптском унив., было что-то мешавшее ему сделаться спокойным и точным ученым (Д)*. Эксплицируется степень уверенности в достоверности информации: *Он оказался прикосновенным, по-видимому совсем по чужой вине, к политическому делу (А)*. Наконец, авторы статей – в духе экзегетического повествователя художественного текста [10] – могут описывать ментальные состояния героя статьи без указания на источник информации: *Старая страсть к театру овладела Г. в чрезвычайной степени: комедия не выходила у не-**

го из головы; его томительно увлекала мысль стать лицом к лицу с обществом (Г-ль); ... Переведен на службу советником правления во Владимир, где женился <...> и где провел самые счастливые и светлые дни своей жизни (Г-ен).

(6) Компрессия информации достигается использованием точечного типа графических сокращений. Последние не унифицированы: ср. «В.» и «А. Н. В.» в одной статье. Вводятся внутритекстовые отсылки «см. выше» и «см. ниже». Текст состоит из полных предложений с выраженными грамматическими связями внутри каждого, отсутствует синтаксическая разновидность компрессии, которую Т. Н. Мальчевская рассматривает как «единственную, которая почти полностью соответствует определенному жанру – научно-справочной литературе» [3 : 60]. Объем статей определяется местом персоналии в мировой иерархии значимостей, но в целом он больше, чем в поздних энциклопедиях. Так, статья «Афанасьев, Александр Николаевич» включает 559 слов, при том что в БСЭ эта персоналия представлена текстом из 156 слов, а в БРЭ – из 193. Как известно, ЭСБЕ издан в 86-ти томах, 3-е издание БСЭ – в 30 томах, БРЭ задумана как 30-томная.

(7) Авторство указано в нескольких вариантах: инициалом имени и полным вариантом фамилии (С. Венгеров); инициалами либо иным способом, исключающим однозначную идентификацию автора: Л. С. З. (статья о Чернышевском), К. А – жин (статья о Герцене). Статья об Афанасьеве не подписана. Имеются показатели речи от 1-ого лица: вводные слова, вопросительные конструкции, при этом вводными словами фиксируется движение мысли: *Нестор Кукольник, с которым, впрочем, Г. никогда не сходиллся (Г-ль). И вот думается: <...> неужели же он собственное глубокое горе выразил бы в таких холодных, придворно-галантных формах? (Ш).*

(8) Научная достоверность информации демонстрируется подчеркнутой логикой изложения – введением в тексты средств выражения причинно-следственных отношений: *Он не мог удовлетвориться тем, как ему казалось, минимумом гражданских прав <...> Отсюда насмешливое отношение к российскому "прогрессу" (Ч); Из изложенного не трудно догадаться, с какими идеями должен был выступить Чернышевский в вопросе об освобождении крестьян (Ч).* Аргументами являются отсылки к другим «посвященным» – исследователям, критикам, биографам: *Отметим наконец новые биографические сообщения О. Н. Смирно-*

вой (Г-ль); Еще важнее и несомненное, как доказал профессор Владимиров, непосредственные заимствования П. из "Богатырских повестей" в стихах (П).

(9) Тексты статей строятся преимущественно как описание и рассуждение, но повествовательные фрагменты не исключаются: *Ужасы, создаваемые его воображением, иногда приводили в страх его самого; тогда он будил жену, которая присаживалась с чулком к его письменному столу (Г-ан); Однажды ночью среди религиозных размышлений им овладел религиозный ужас и сомнение <...> он разбудил слугу, велел открыть трубу камина и, отобрав из портфеля бумаги, сжег их (Г-ль).*

(10) Используются фразеологизмы, метафоры, сравнения: *отдаться тяжелым заботам о куске насущного хлеба (А); Добролюбов литературно злее Ч. (Ч); Русский "прогресс" переживал тогда свой медовый месяц (Ч); очищал авгиевы стойла современной ему немецкой литературы (Ч); Но в Т. уже простыл жар к профессиональной учености (Т); вне дома жег "свечу жизни" с обоих концов (П.)* и др. Образность присутствует в объемных текстах об особенно значимых персоналиях.

Таким образом, воссоздается модель человека, в которой имеют значение не только его особые достижения в избранной сфере деятельности, но и характер, нравственные качества, а также телесная «оболочка». Данный вывод об ЭСБЕ как одной из дискурсивных практик своего времени согласуется со следующим суждением М. Ю. Чотчаевой, характеризующим концепции человека во второй половине XIX в.: «В философии, этике, литературе, критике, публицистике этого времени концентрируются понятия самоутверждения, общественно-нравственного долга, смысла жизни, с одной стороны, и индивидуализма личности, с другой» [8]. Актуальность «идеи человека» в это время опосредованно отражается в статьях ЭСБЕ как таксономия персоналий по значимости: систематизация явлений знаменует переход эмпирического накопления знаний о человеке на уровень теоретических обобщений.

С точки зрения современной лингвистики, авторы статей ЭСБЕ создают собственно научные тексты на не вполне научном языке. «Собственно научные», потому что эксплицируется движение мысли и доказательная база, представляется новое знание и дискуссионная информация, подаваемая, в том числе, от 1-ого лица. «На не вполне научном языке», потому что выражаются эмоции и общие оценки *хороший / плохой*, а в случае создания объемных статей используются

средства художественной выразительности и рассказываются истории. Не случайно книговед И. А. Жарков говорит о статьях ЭСБЕ как о «выполняющих, помимо справочной, психологическую и эстетическую функции» [11]. Авторы статей ЭСБЕ действуют в условиях незавершенности формирования научного стиля, и случается, что рефлекс художественного стиля «уводят» их в область ненаучной гипотетичности. Так проявляет себя в энциклопедии рубежа XIX–XX вв. «языковое окружение», обуславливающее, по М. Фуко, «правила дискурса» наряду с другими факторами.

Сопоставительные характеристики текстов ЭС из БСЭ:

(1) Первичная информация о герое статьи заключается в безоценочном указании на сферу(ы) деятельности: *русский историк и литературовед, исследователь фольклора; немецкий писатель, композитор, музыкальный критик, дирижёр, художник-декоратор* и т.д. Первая атрибуция Герцена и Чернышевского в ряду других – *русский революционер*. (2) Из личностных качеств героев статей выделяются мировоззренческие. Ключевыми словами и выражениями этого блока информации являются *мировоззрение (Ч.)*, *взгляды, формирование взглядов (Ч.)*, *убежденный, убеждения, общественные настроения (Г-ль)*, *идеалы (Г-ль)*, *духовная жизнь (П)*. Формирование личности, поступки характеризуются по их отношению к *революционным, прогрессивным идеям: Духовное развитие Г. протекало под воздействием социального опыта декабристов (Г-ен)*. Упоминания о других проявлениях внутренней жизни единичны: *С наступлением духовной зрелости приходят утомление «бурной жизнью», тяга к размеренному трудовому быту, семейному очагу, прочной любви (П.)*. (3) Человек перед лицом смерти не становится предметом описания, исключение составляет статья о Пушкине: *П. получает ранение в живот и, стоически перенося в течение двух суток тяжелейшие мучения, умирает (П)*.

(4) Оценивается деятельность героя статьи в сфере, указанной в инициальном предложении ЭС. В неначальной позиции обычны нормативные оценки, определяющие место личности в иерархии значимостей, и интенсификаторы, относящиеся к характеристике отдельных заслуг, свойств, продуктов творчества: *Блестящие способности полемиста, колоссальная эрудиция, талант мыслителя и художника дали возможность Г. стать одной из центральных фигур русской общественной жизни эпохи (Г-ен)*; *выдающийся (В)*; *особая заслуга А. – составление сборника (А.)*; *глубокое изображение*

характера (Ш). Объектом полярных оценок является политическая сфера жизни и ее субъекты: *Русские революционеры предпринимали смелые попытки вырвать Ч. из сибирской изоляции (Ч)*; *ожесточенные нападки реакционных кругов (Г-ль)*. Особенностью оценочного блока являются нормативная оценка *ошибочный*, приписываемая мировоззрению героя: *ошибочно полагал (Ч)*; *в этой ошибочной теории (Г-ль)*. Другой особенностью является отсылка к оценке безусловно авторитетного лица (*В. И. Ленина, К. Маркса, В. Г. Белинского* и т.д.), что позволяет критиковать «великих»: *В. Г. Белинский, утверждая, что фантазия Г. противостоит «... пошлой рассудочной ясности и определенности...», в то же время порицал Г. за отрыв от «... живой и полной действительности» (Г-ль)*.

(5) Сведения дискуссионного и гипотетического характера минимальны. Проблемная ситуация передается констатирующим суждением: *авторство сомнительно (Ш.)*. О различиях в позициях ученых сообщается как о факте; раскрывается одна точка зрения, которая позиционируется либо как истинная, либо как общепринятая: *В массе различных толкований поэмы наиболее верной оказалась трактовка Белинского... (Г-ль)*.

(6) Согласно справочной информации о БСЭ (<http://www.big-soviet.ru/>), средний объем ЭС БСЭ уменьшался от 1-го издания к 3-му. В 3-ем издании формальные приемы компрессии информации те же, что в ЭСБЕ, но их применение более системно. Исчезает точечное графическое сокращение «г.» (год). Герой везде называется инициальной буквой фамилии. Предложения полные, с выраженными грамматическими связями. Широко используются вставные конструкции в скобках с информацией фактического плана: *Образование Г. получил в Нежинской гимназии высших наук (1821–1828) (Г-ль)*.

(7) Автор обозначен стандартно – инициалами имени, отчества и фамилией (*Г. М. Миронов, Е. А. Смирнова*). Авторство не указано в одном тексте малого объема. Показатели речи от 1-ого лица многочисленны, ими являются вводные слова с персуазивными значениями: *Сюжетная их канва – отношения лирического героя с другом (1–126) и возлюбленной (127–152) – видимо, автобиографична (Ш.)*; *не прибегая к поверхностным аллюзиям, по существу спорит (П)*.

(8) Формальные показатели причинно-следственных отношений (*отсюда... свидетельствуют о... и др.*) нетипичны. Локально они представлены в тексте о Шекспире, в чем следует видеть проявления авторского начала. В качестве аргумента ши-

роко используется ссылка на авторитет В. И. Ленина, К. Маркса и представителей революционно-демократической критики. Характерный прием, направленный на достижение научной достоверности, – обширное цитирование высказываний героя статьи с атрибуцией источника: *Анализируя "с приноравливанием к нашим домашним обстоятельствам" эпоху Просвещения в Германии ("Лессинг. Его время, его жизнь и деятельность", 1857), Ч. выяснял исторические условия, в которых литература может стать "... главной двигательницей исторического развития..." (Полн. собр. соч., т. 4, 1948, с. 7).*

(9) Преобладает описание-констатация. Повествование включается в биографический блок статей большого объема: *30 ноября 1830 П. покидает Болдино. 18 февраля 1831 в Москве он венчается с Гончаровой. 15 мая переезжает в Петербург, затем, намереваясь издавать журнал и заниматься историей, вновь поступает на государственную службу (П).* Пересказ историй из жизни, в отличие от ЭСБЕ, отсутствует.

(10) Средства художественной выразительности не используются, за редкими исключениями: *Творчество Ш. впитало в себя все важнейшие излучения эпохи Возрождения (Ш.)*

Резюмируя приведенные сведения, отметим, что человек предстает в БСЭ в двух ипостасях: с точки зрения достижений в избранной сфере деятельности (инвариант для ЭС), а также в плане его мировоззренческой позиции по отношению к единственно правильной – революционной. Моноидеологичность советского времени проявляется в БСЭ, государственном издании, ярче, чем мировоззренческий плюрализм ЭСБЕ – масштабного частного проекта. Правилами советского дискурса объясняется наличие нормативных оценок *верно, ошибочно*. В стиле текстов проявляются такие черты научной речи, как отвлеченность (не рассматриваемая здесь специально), точность, безэмоциональность. Преобладание описаний-констатаций над логической информацией, а также уход от дискуссионности и гипотетичности характеризуют жанр ЭС в этом издании как тяготеющий к научно-справочному подстилю. В рассмотренных параметрах тексты более стандартны, чем тексты ЭСБЕ, в то же время в тексте о Шекспире проявляется индивидуальность автора. Последнее не свойственно научно-справочным изданиям, что обусловило некатегоричную общую квалификацию СЭ из БСЭ как «тяготеющих» к данному типу текстов. Научность ЭС из БСЭ снижается аргументацией к авторитету неспециалистов.

Сопоставительные характеристики текстов ЭС из БРЭ

(1) Первичная информация о героях статей та же, что в БСЭ. В начальной фразе ЭС о Герцене отсутствует характеристика *«революционер»*.

(2) О некоторых психологических состояниях Герцена и Гоголя читатель узнает из ссылок на документы, а также в контексте сообщений о фактах: *Глубоко сочувствовал опальному профессору и во время расследования дал показания в его пользу (Г-ль); Присущее Г. в 30-е гг. романтическое умонастроение (безоговорочная вера «в строгую последовательность и отчетливость провидения») отражено в его переписке с будущей женой – Н. А. Захарьиной (Г-ен).*

(3) В информации о последних днях жизни Гоголя преобладают факты: *В конце января 1852 обнаружались признаки нового душевного кризиса: Г. тяжело пережил смерть Е. М. Хомяковой, сестры Н. М. Языкова. 7 февр. Г. исповедался и причастился, а в ночь с 11 на 12 февраля сжег беловую рукопись 2-го тома (сохранились в неполном виде 5 глав, относящихся к разным черновым редакциям, опубл. посм. в 1855).* В других проанализированных статьях БРЭ параметры (2), (3) не представлены.

(4) Объекты оценки – те же, что в БСЭ: *крупнейший представитель романтизма в нем. лит-ре (Г-ан). Включали в себя критич. и историч. работы, в т.ч. ст. «Несколько слов о Пушкине», содержащую глубокую и всестороннюю оценку поэта (Г-ль).* Отличие от БСЭ состоит в отсутствии политически обусловленных полярных оценок, нормативных оценок *верно – ошибочно*.

(5) Современные научные дискуссии в ЭС БРЭ не отражены, об отсутствии точных данных сообщается в констатирующих высказываниях: *познакомились ок. 1823; в 1826 или 1827 дали клятву «отомстить казненным» декабристов (Г-ен); повесть «Братья Твердиславичи» или «Братья Твердославичи».*

(6) Сжатие информации выражено сильнее, чем в БСЭ и тем более в ЭСБЕ. Оно достигается систематическими сокращениями имен, наречий, глаголов: *Окончил юридич. ф-т Моск. ун-та (1848). Служил в моск. главном архиве Мин-ва иностр. дел (1849-62) (А); опубл. и пост. в 1842 (Г-ль); опубл. посм. (Г-ен; Г-ль).* Нормой является синтаксическая компрессия как специфическое свойство научно-справочных изданий (см. выше). В СЭ БРЭ она выражена в системном употреблении назывных и неполных

предложений: *Советник Новгородского губернского правления (1841–42), затем в отставке, поселился в Москве. С 1852 – в Лондоне (Г-ен).*

(7) Авторство обозначается так же, как в БСЭ. Те же, что в БСЭ, показатели речи от первого лица присутствуют в минимальном объеме: *В начале 1829 г. появилось стихотворение «Италия», по всей видимости принадлежавшее Г.; в мае (очевидно 20-го) на вечере у Плетнева он был представлен А. С. Пушкину (Г-ль).* Единично прямое указание на первое лицо **перед нами** «*сборный город*» (Г-ль). Увеличивается, по сравнению с ЭСБЕ и БСЭ, количество отсылок к другим статьям энциклопедии. В качестве примера сравним ЭС о Герцене: в ЭСБЕ маркер «см.» отсылает к одной статье, в БСЭ – 5 разных отсылок, выделенных подчеркиванием (всего 7), в БРЭ – 11 разных отсылок, выделенных курсивом. Большое количество отсылок указывает на коллективную работу над изданием; очевидно, что ЭС из БРЭ создаются как вторичные тексты, в которых представлены результаты аналитико-синтетической переработки первичных, следовательно – как научно-справочные [2]. Резкий рост количества отсылок в БРЭ может быть интерпретирован в свете такого феномена новых коммуникаций, как сетевая гипертекстуальность. В этом случае следует говорить о влиянии дискурсивного фактора на функционирование текстов в традиционной бумажной форме. Впрочем, М. Zimmer увидел и описал гипертекстуальность на материале ... «Энциклопедии» Д. Дидро, сделав вывод, что обилие ссылок демонстрирует неокончателность знания и является способом активизировать читателя [12].

(8) Научная достоверность обеспечивается теми же средствами, что и в БСЭ, – цитированием документов, высокочастотными точными ссылками на источники информации: *Присущее Г. в 30-е гг. романтическое умонастроение (безоговорочная вера «в строгую последовательность и отчетливость провидения») отражено в его переписке с будущей женой – Н. А. Захарьиной (Г-ен); С позиций западников книгу резко критиковал В. Г. Белинский – в рецензии («Современник», 1847, № 2) и особенно в письме к Г. от 15.7.1847.* Не выражены, в отличие от БСЭ, аргументы идеологического характера. В том же минимальном объеме, что и в БСЭ, присутствует (9) повествование и (10) признаки художественной выразительности.

Наиболее заметное отличие ЭС БСЭ от ЭС БРЭ обусловлено деактуализацией

идеологической составляющей текстов. Человек представлен с точки зрения его достижений в избранной сфере деятельности. По ряду стилистических характеристик (отвлеченность, точность, безэмоциональность) и жанра (доминирование описаний-констатаций, отсутствие дискуссионности) статьи БРЭ принципиально не отличаются от статей БСЭ. Прослеживается дальнейшее движение в сторону сжатия текста, увеличения удельного веса фактуальной информации, а также стандартизации, что означает усиление черт научно-справочного подстиля научной речи.

Рассмотрев дискурс эпохи как детерминанту особенностей жанра ЭС, можем сделать выводы о влиянии на него социокультурных условий и языкового контекста. В ЭС о персоналии влияние социокультурного фактора выразилось в репрезентации разных концепций человека: для ЭС ЭСБЕ, кроме инварианта (сообщения о достижениях в определенной сфере деятельности), существенны нравственная и физическая составляющие; для ЭС БСЭ – мировоззрение в координатах верное / неверное; ЭС БРЭ сосредоточена на инварианте.

ЭС ЭСБЕ, с одной стороны, и ЭС БСЭ и БРЭ, с другой, создавались в разных языковых ситуациях. На рубеже XIX–XX вв. формирование научного стиля не было завершено, он еще имел признаки художественного. Проекция на тексты из ЭСБЕ современной стилистической системы обнаруживает в них в большей степени черты собственно-научного подстиля, чем научно-справочного. Состояние стилистической системы в эпоху создания ЭСБЕ диалектически соотносится с синкретизмом отраженной в текстах творческой деятельности авторов (выдвижение и доказательство научных гипотез и, локально, позиция «всезнающего» повествователя художественного текста).

3-е издание БСЭ и БРЭ создавались в ситуации, когда научный стиль, а также собственно научный и научно-справочный подстили были сформированы. ЭС БСЭ и БРЭ находятся на разном расстоянии от «эталонной» модели научно-справочного подстиля, причем статьи из БРЭ – на меньшем. В БРЭ по сравнению с БСЭ увеличена доля информации фактологического характера, выражена специфическая для научно-справочной литературы форма компрессии, сильнее интертекстуальные переклички, что в совокупности демонстрирует ориентацию на объективность и коллективный характер работы составителей энциклопедии. Для БРЭ особенно актуален такой «привходящий» цивилизационный фактор, как проти-

воречие между объемом информации и форматом издания, заданным, в свою очередь, его финансовыми возможностями. На наш взгляд, текст ЭС БРЭ приблизился к пределу сокращения информации, выражаемой языковыми знаками.

Всплеск гипертекстуальности в БРЭ и возможная оценка этого феномена как знака «открытости» содержания позволяет поставить вопрос о влиянии на жанр ЭС дискурса постмодернистской эпохи и ее ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. К. : Ника-Центр, 1996. 208 с.
2. Валеева Н. Г. Жанрово-стилистическая характеристика научных текстов. Введение в переводоведение. М. : Изд-во РУДН, 2006. 85 с.
3. Мальцевская Т. Н. Синтаксическая компрессия как ведущий признак сокращенно-описательной разновидности письменной научной речи // *Стиль научной речи*. М. : Наука, 1978. С. 58–75.
4. Колесникова Н. И. От конспекта к диссертации : учеб. пособие. М. : Наука : Флинта, 2003. 288 с.
5. Бим-Бад Б. М. Энциклопедия, энциклопедизм, высшее образование. Материалы круглого стола // *Высшее образование в России*. № 9. 2006. С. 144–145.
6. Кузнецова Н. И. Энциклопедия, энциклопедизм, высшее образование. Материалы круглого стола // *Высшее образование в России*. № 9. 2006. С. 140.
7. Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 535–540.
8. Чотчаева М. Ю. Концепция человека и личности в русской мысли XIX века // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2 : Филология и искусствоведение. Вып. № 1. 2008. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-a-cheloveka-i-lichnosti-v-russkoy-mysli-xix-veka#ixzz2sAhwF6ET> (дата обращения: 07.02.2015).
9. Солганик Г. Я. *Стилистика текста* : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2000. с. 91–98.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Жарков И. А. Жанровая структура Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза – И. А. Ефрона, 1890–1907. дисс.... канд. филол. наук. М., 2000. URL: <http://www.dissercat.com/content/zhanrovaya-struktura-entsiklopedicheskogo-slovarya-f-brokgauza-i-efrona-1890-1907#ixzz2tCdWY5wN> (дата обращения: 07. 02. 2015).
12. Zimmer M. Renvois of the past, present and future : hyperlinks, discourse networks, and the structuring of knowledge from the encyclopédie to the world wide web // Information Society Project Yale Law School Submitted to ICA Pre-Conference on «The Long History of New Media» Montreal, Canada May

22, 2008. URL: <http://ten.newmediaandsociety.com/drafts/zimmer.pdf> (дата обращения: 07.02.2015).

REFERENCES

1. Fuko M. *Arheologija znanija* [The Archaeology of Knowledge]. 1996. 208 p.
2. Valeyeva N. G. *Zhanrovo-stilisticheskaya charakteristika nauchnykh tekstov* [Genre and stylistic characteristics of scientific texts. Introduction to Translation Studies]. Moscow, 2006. 85. p.
3. Malchevskaya T. N. *Sintaksicheskaya kompressiya kak veduschiy priznak sokraschonno-opisatelnoy raznovidnosti pismennoy nauchnoy rechi* [Syntax compression as a leading indication for short-descriptive variety of written scientific speech]. *Stil' nauchnoi rechi* [Lifestyle scientific speech]. Moscow, 1978, pp. 58–75.
4. Kolesnikova N. I. *Ot konspekta k dissertatsii: uchebnoye posobiye* [From abstract to the thesis studies: a tutorial]. Moscow, 2003. 288 p.
5. Bim-Bad B. M. *Encyklopediya, encyklopedizm, vyscheye obrazovaniye* [Encyclopedia, encyclopedic, higher education. Materials of the round table]. *Vyscheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2006, no. 9, pp. 144–145.
6. Kuznetsova N. I. *Encyclopedia, encyclopedic, higher education. Materials of the round table* [Encyklopediya, encyklopedizm, vyscheye obrazovaniye]. *Vyscheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2006, no. 9, pp. 140.
7. Bart R. *Voyna yazykov* [War of languages]. *Bart R. Izbrannyje raboty. Semiotika. Poetika* [Bart R. Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989, pp. 535–540.
8. Chotchaeva M. Y. *Koncepciya cheloveka i lichnosti v russkoy mysli XIX veka* (The concept of person and personality in Russian thought of the XIX century). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* (Herald of Adygeysky State University). Series 2: Literature and Art Criticism. Iss. 1. 2008. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-cheloveka-i-lichnosti-v-russkoy-mysli-xix-veka#ixzz2sAhwF6ET> (accessed 07 February 2015).
9. Solganik G. Y. *Stilistika teksta: uchebnoye posobiye* [The style of the text: tutorial]. Moscow, 2000, pp. 91–98.
10. Paducheva E. V. *Semanticheskiye issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Research: Semantics of time and type in the Russian language. Semantics narrative]. *Jazyki russkoi kul'tury* [Languages of Russian culture]. Moscow, 1996. 464 p.
11. Zharkov I. A. *Zhanrovaya struktura Encyklopedicheskogo slovarya F.A. Brokgauza – I. A. Efrona, 1890–1907* (Genre structure Encyclopedic Dictionary F. A. Brockhaus – I. A. Efron, 1890–1907. Cand. philol. sci. thesis diss.). Moscow, 2000. Available at: <http://www.dissercat.com/content/zhanrovaya-struktura-entsiklopedicheskogo-slovarya-f-brokgauza-i-efrona-1890-1907#ixzz2tCdWY5wN> (accessed 07 February 2015).
12. Zimmer M. Renvois of the past, present and future: hyperlinks, discourse networks, and the structur-

ing of knowledge from the encyclopédie to the world wide web. *Information Society Project Yale Law School Submitted to ICA Pre-Conference on «The Long History of New Media» Montreal, Canada May 22,*

2008. Available at: <http://ten.newmediaandsociety.com/drafts/zimmer.pdf> (accessed 07 February 2015).

Статья поступила в редакцию 17.02.2014.

УДК 821.161.1.09-9
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Л. Б. Никитина,
К. Ю. Малышкин
Омск, Россия

L. B. Nikitina,
K. U. Malyshkin
Omsk, Russia

РЕЧЕВОЙ ЖАНР НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КАТЕГОРИЧНОСТИ
ОЦЕНКИ

THE SPEECH GENRE
OF A SCIENTIFIC REVIEW:
A VIEW AT THE ASSESSMENT ASSERTIVENESS

Аннотация. Обязательным смысловым компонентом речевого жанра научной рецензии является оценка. Оценочная природа научной рецензии в совокупности с ее обусловленностью нормами научной этики предопределяет значимость для данного речевого жанра такой категории, как категоричность.

Категоричность определяется как семантико-прагматическая категория высказывания, выражаемая с помощью языковых и неязыковых средств, экстралингвистически обусловленная, имеющая модусную природу, соотносимая с процессом демонстрации степени уверенности, безапелляционности говорящего по отношению к передаваемой им информации.

Если положительная оценка в научных рецензиях приемлет как косвенный, так и прямой способ выражения и практически свободна от этических табу, то отрицательная нуждается в импликациях, позволяющих смягчить позицию рецензента.

В статье рассматриваются характерные для научных рецензий лексические и синтаксические средства косвенного выражения отрицательной оценки.

Ключевые слова: речевой жанр, научная рецензия, оценка, категоричность, косвенность.

Abstract. Assessment is a compulsory semantic component of the speech genre of a scientific review. The evaluative nature of the scientific review along with its dependence on norms of science-based ethics determines the significance of such category as assertiveness for the speech genre.

Assertiveness is defined as expressed by linguistic and non-linguistic means and characterized by extralinguistic conditionality, as a semantic-pragmatic category of statement, having a modus nature and correlated with the process of demonstrating the degree of speaker's confidence and peremptoriness to the conveyed information.

A positive assessment in scientific reviews accepts both indirect and direct ways of expression and is substantially free of ethical taboos, whereas a negative assessment needs implications which allow softening the position of a reviewer.

The article looks into lexical and semantic means of indirectly expressed negative assessment typical of scientific reviews.

Key words: speech genre, scientific review, assessment, categoricalness, indirection.

Сведения об авторах: Никитина Лариса Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингводидактики.

Малышкин Константин Юрьевич, ассистент кафедры английского языка.

Место работы: Омский государственный педагогический университет.

E-mail: laribn@rambler.ru; flashbackostya@gmail.com

About the authors: Nikitina Larisa Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Linguodidactics.

Malyshkin Konstantin Urievich, Lecturer in the English Language Department.

Place of employment: Omsk state pedagogical university.

Речевой жанр научной рецензии не раз становился предметом специальных исследований, результатом которых явилось описание жанровой, коммуникативной, семантико-прагматической, прагмастилистической специфики представляющих его текстов [1–4].

Несомненна принадлежность научной рецензии к оценочным речевым жанрам: оценка в ней является обязательным смысловым компонентом текста, подчиняющим себе изложение содержания рецензируемого произведения, и в целом играет генерализирующую роль. Если характеризовать

научную рецензию в терминах первичного / вторичного речевого жанра, то она является вторичным жанром, а оценка по отношению к ней – первичным. Иными словами, главная коммуникативная цель научной рецензии (как, впрочем, и рецензии искусствоведческой) – оценить произведение, а дополнительные цели заключаются в информировании о его содержании, актуальности и значимости для развития научной мысли и практической деятельности. Научные рецензии на диссертации включают также квалификационный и аттестационный аспекты, а также другие атрибуты, соответствующие

требованиям, предъявляемым к этому речевому жанру, который в последнее время становится все более стандартизованным в ущерб индивидуализации стиля пишущего. В дополнительную интенцию входит и момент дискуссионности – желание рецензента (оппонента) вступить в научную полемику.

Оценочная природа научной рецензии в совокупности с ее обусловленностью нормами научной этики предопределяет значимость для рассматриваемого речевого жанра такой категории, как «категоричность».

Категоричность определяется нами как выражаемая языковыми и неязыковыми средствами и характеризующаяся экстралингвистической обусловленностью, имеющая модусную природу семантико-прагматическая категория высказывания, соотносимая с процессом демонстрации степени уверенности, безапелляционности говорящего по отношению к передаваемой им информации. Категоричность – категория шкалированная: шкала категоричности устремлена в сторону усиления соответствующего смысла от условной нулевой точки (нейтральная категоричность) через многочисленные находящиеся друг с другом в диффузных отношениях точки пониженной и повышенной категоричности (не-нейтральная категоричность) до точки предельно высокой степени ее проявления [5 : 6].

Предлагаем посмотреть на научную рецензию через призму категоричности выражаемой в ней оценки, используя в качестве материала исследования рецензии на кандидатские и докторские диссертации, монографии и научные статьи лингвистической тематики.

Автором (субъектом) оценки в научной рецензии является специалист – ученый, имеющий знания в соответствующей отрасли науки. Он выступает посредником в общении между автором научного текста и читателем, а сама «научная рецензия предстает как полисубъектная форма, отражающая интересубъектное взаимодействие между автором первичного текста, его рецензентом и потенциальным читателем» [2 : 240].

И рецензент (оппонент), и автор научного текста (пропонент) знакомы с нормами научной этики, в частности с табу на категоричность суждений, которое особенно значимо в отношении отрицательных оценок, провоцирующих коммуникативные неудачи и травмы.

Поскольку обязательные атрибуты композиции научной рецензии, или оценочные топики (например, указание на актуальность темы научного произведения, его теоретическую и практическую значимость, новизну исследования, достоверность его результа-

тов и т.д.), ориентированы на выявление рецензентом положительных сторон рецензируемой работы, отсутствие в рецензии какого-либо из названных атрибутов можно расценивать как имплицитную отрицательную оценку данного показателя. Подобная отрицательная оценка некатегорична в силу ее «умолчания».

Количество отмеченных в рецензии положительных сторон работы под указанными обязательными рубриками интенсифицирует или деинтенсифицирует положительную оценку: чем больше плюсов отмечает рецензент, тем сильнее положительная оценка, чем меньше – тем оценка скромнее. Например, следующий перечень достижений диссертанта, который по своей форме является утверждением о фактах (о том, что сделано), отражает положительную оценку, которая не допускает оговорки, т.е. является неоспоримой с точки зрения рецензента и, следовательно, достаточно категоричной:

- *обогащено одно из направлений антропологической лингвистики, связанное с семантическим моделированием образа человека как объекта языковой концептуализации;*

- *исследованы лексико-семантический и семантико-синтаксический аспекты репрезентаций человека политического в современной газетной публицистике;*

- *обобщены типичные структурно-семантические модели характеристики политического деятеля;*

- *выделены и описаны семантические доминанты языкового образа политика в современных печатных СМИ, которые композиционно соотносены с аспектами характеристики политического деятеля;*

- *создана семантическая модель идеального политика (Е. В. Кобец).*

Положительная оценка практически не нуждается в снижении категоричности в силу отсутствия в ней травмирующего потенциала – для нее актуальны усилители положительно-оценочного смысла, репертуар которых представлен такими типичными средствами, как употребление сказуемых, определений, вводных слов и конструкций с семантикой несомненности, безусловности, очевидности, уверенности. Например: *Актуальность, теоретическая и практическая значимость, достоверность исследования не вызывают сомнения* (В. Я. Булохов); *К числу недостаточно изученных смысловых образований относится образ пожилого человека в русском языковом сознании. Сказанное свидетельствует о несомненной актуальности выполненного исследования* (В. И. Карасик); *Использование ав-*

тором получивших признание методов и приемов исследования, **несомненно**, определяет достоверность полученных результатов (А. П. Чудинов). На усиление категоричности положительной оценки работают оценочные определители, выраженные именами прилагательными и наречиями. Ср.: В диссертации **представлена** образно-ассоциативная модель «явление внутреннего мира человека – явление природы» (Л. Б. Никитина). – В монографии **оригинально представлены** гендерные аспекты образа политиков (А. П. Чудинов); Диссертант **доказывает** жизнеспособность выдвинутой гипотезы (Н. А. Кузьмина). – Автор **хорошо показывает**, что вторжение современных СМИ в личный мир политиков разрушает традиционно свойственную власти дистанцированность (А. П. Чудинов); Представляет **интерес** разнообразный текстовый материал исследования (Н. Б. Кошкарева). – **Значительный интерес** вызывает таблица на стр. 163, где обобщены представления об образе идеального политика (А. П. Чудинов); **Достоинством** диссертации является четкость композиции (Л. Б. Никитина). – **Несомненными достоинствами** работы является ориентация на осмысление активных процессов в русском языке (Н. Н. Щербакова).

Если положительная оценка в научных рецензиях приемлет как косвенный, так и прямой способ выражения и практически свободна от этических табу, то отрицательная нуждается в импликациях, позволяющих смягчить позицию рецензента.

Типичными способами и средствами ухода рецензента от категоричности отрицательной оценки являются следующие:

- выражение сомнения посредством использования слов и словосочетаний соответствующей семантики или вопросительно-риторических конструкций с семантикой отрицания и противопоставления мнения рецензента мнению автора. Например: **Вызывает сомнение** использование с этой целью методики фреймово-слотового анализа метафор; **Вряд ли уместно** в данном случае говорить о корреляции речевых жанров; **Но является ли** привлечение большого количества иллюстративного материала гарантией адекватности выводов? (Л. Б. Никитина). Ср.: **Не могу не выразить сомнения** в том, что оценочная коннотация сопровождает абсолютно все рассмотренные диссертантом реализации субжанра «портрет внутреннего человека». **Полагаю**, что оценочные смыслы характерны в первую очередь для высказываний, характеризующих поступок человека

(Л. Б. Никитина). – Выражение сомнения с привлечением модального глагола и использование двойного отрицания смягчает категоричность суждения, а указание на собственную точку зрения лишает высказывание безапелляционности («**полагаю, что это так, но принимаю существование иной точки зрения**»); **Нельзя не согласиться** с автором в том, что в порицании и похвале отражается в основном морально-этическая оценка, **но сомнение вызывает вывод** автора о том, что порицания редко осуществляются не по морально-этическим соображениям (Л. Б. Никитина). – Данный пример иллюстрирует частотность использования в рецензиях смысловых конструкций «согласаюсь с общими положениями, но сомневаюсь в частных выводах», «согласен в целом, но сомневаюсь в частностях» и подобных. В этом случае несомнение рецензента в одном (его согласие с одним) смягчает его сомнение в другом (не-согласие с другим);

- выражение удивления, недоумения при помощи слов и конструкций соответствующей семантики, а также семантики неожиданности происходящего: В третьей главе выделены следующие доминанты языкового образа политика: профессионально-деятельностный аспект, интеллектуальный и речевой аспекты, морально-нравственный аспект, внешние атрибуты и проявления. **Удивляет**, почему в этом перечне нет раздела, посвященного психологическим аспектам политического портрета (А. П. Чудинов); Диссертант **делает неожиданный вывод** о предопределенности метафорического притяжения (Л. Б. Никитина); ср.: **Странно**, что при изучении живой разговорной речи объектом внимания стали словарные толкования (Н. Г. Нестерова). – В данном случае недоумение выражается более категорично: **странно** = не только удивительно, неожиданно, но и противоположно тому, как должно быть. Удивление рецензента, являясь способом импликации и снижения категоричности отрицательной оценки, часто сопровождается использованием различных средств для смягчения выражения этого состояния: **Приятно отметить**, что в диссертации активно использованы исследования зарубежных авторов из журнала «Политическая лингвистика». Однако **несколько удивляет тот факт**, что автор не использовал публикации на иностранных языках (А. П. Чудинов). – Используется прием противопоставления: **приятно отметить, но несколько удивляет**; при этом наречие **несколько** смягчает и без того мяг-

кую, некатегоричную имплицитно выраженную отрицательную оценку; **Кажется неожиданным**, что остались без внимания такие особенности данного класса лексем, как... (Н. А. Кузьмина). – Модальный глагол *кажется* снижает названный «эффект неожиданности»: это не категорично неожиданно, а лишь *кажется* автору рецензии таковым;

- выражение непонимания при помощи наречий, прилагательных или глагольных словосочетаний соответствующей семантики: *В этом случае не вполне ясна цель создания семантической модели идеального политика: чем и кому она может быть полезна? Для чего необходимо её создавать в дальнейшем?* (Е. В. Кобец); *Сам процесс выявления «смысла» в тексте работы не совсем прояснен* (Н. Б. Кошкарева); **Остается непонятным**, почему автор настаивает на комплексности своего исследования (Л. Б. Никитина). Ср.: *не ясна – не вполне ясна, не прояснен – не совсем прояснен, непонятен – остается непонятным*, где вторые члены оппозиций по сравнению с первыми способствуют смягчению отрицательной оценки и снижению ее категоричности;

- выражение несогласия с точкой зрения автора рецензируемой работы при помощи сочетания формы модального глагола *мочь* с отрицательной частицей НЕ и инфинитивной формы глагола *согласиться*, а также при помощи союзов *вместе с тем, тогда как, а ведь, между тем* в конструкциях с семантикой противопоставления: **Не могу согласиться** с однозначностью вывода о том, что данная словообразовательная модель преобладает (Н. Н. Щербакова); *Многообразны выявленные автором показатели качества и интенсивности оценки homo sapiens – от лексических до дискурсивных средств «перекодирования» языкового смысла. Вместе с тем в отдельных случаях в интерпретации направлений характеристики прослеживается буквализм – подход от первоначальных значений соответствующей лексики – без учета того, что символизирует новое, метафорическое употребление. См., например, на с. 167: «Мысль рассматривается с точки зрения объема, степени глубины и ширины, высоты, веса и т.д. <...> Между тем за видимостью количественно-параметрических оценок, связанных с прямым значением соответствующих лексем, чаще всего скрывается синкретичность оценок* (Е. С. Скобликова);

- выражение сожаления по поводу того, что в рецензируемом произведении чего-

либо недостает, осуществляемое при помощи вводных слов и словосочетаний соответствующей семантики: **К сожалению**, открытым остается вопрос о том, какие формы обращения тяготеют к тому или иному императивному речевому жанру (Л. Б. Никитина); **Остается сожалеть**, что объем автореферата не позволил автору диссертации описать результаты проведенного эксперимента (Н. Н. Щербакова); **К сожалению**, представленная автором во вводном разделе формулировка не в полной мере отражает теоретическую значимость исследования и отличается недостаточной конкретностью (А. П. Чудинов). Выражение сожаления о недостающем чаще осуществляется через отрицание: *объем НЕ позволил, формулировка НЕ в полной мере отражает*; ср. словосочетания *остается открытым, остается неисследованным, замалчивается вопрос, уходит от ответа на вопрос* и др. с семантикой «несделанного», «недостающего». Наречия меры и степени *не в полной мере, не совсем, недостаточно* и т.д. в сочетании с глаголами с семантикой результативности смягчают категоричность суждения о недостатках (данные конструкции используются регулярно и могут не сопровождаться языковым выражением сожаления). Ср.: *В целом эта часть диссертации отличается стройностью, лаконизмом, аргументированностью и содержит важную информацию об эстетической оценке человека. Правда вызывает досаду* скупость в предоставлении иллюстративного материала, некоторая фрагментарность описания конструкций (Л. Б. Никитина). – Лексема *правда* выступает в роли противительного союза, организующего смысловую картину противопоставления положительного и отрицательного; словосочетание *вызывает досаду* обозначает сожаление рецензента по поводу недостаточности иллюстративного материала и фрагментарности описания; определительное местоимение *некоторая* сужает степень проявления признака – в целом создается некатегоричная на фоне положительной картины отрицательная оценка недоработок диссертанта.

Такие атрибуты научных рецензий, как вопросы и рекомендации (пожелания), могут становиться средствами выражения отрицательных оценок и в то же время работать на снижение их категоричности. Вопросы и рекомендации располагаются в любой части рецензии: они могут сопровождать собственно описание и анализ научного произведения и возникать «попутно», не выделяясь в отдельную рубрику, а могут и состав-

лять относительно автономную часть текста. При этом рецензии на монографии редко содержат вопросы (если они есть, то носят риторический характер), поскольку процедура публичных ответов не предусматривается, в то время как рецензии на диссертации и авторефераты диссертаций в силу процедуры их оглашения и ориентации на публичную защиту вполне закономерны. Рекомендации же в равной степени признаются уместными в рецензиях на монографические сочинения и диссертационные работы.

Приведем примеры вкрапления вопросов и рекомендаций в текст рецензии.

(1) *Диссертант часто отмечает так называемые градационные процессы внутри того или иного императивного речевого жанра. <...> Практически все исследуемые диссертантом императивные речевые жанры имеют свойство в пределах одного высказывания вступать в смысловые отношения с другими речевыми жанрами. В связи с этим интересно было бы узнать следующее: существует ли социально-ролевая обусловленность выбора говорящим сопутствующего побуждению речевого жанра или взаимодействие императивных жанров с другими жанрами в рамках одного высказывания не детерминировано социально-ролевыми отношениями коммуникантов, а в большей степени зависит от иных ситуативных факторов?* (Л. Б. Никитина).

Вопрос встраивается в рассуждения рецензента, навеянные прочитанным, и воспринимается как «попутный», не существенный в контексте общей оценки работы: рецензенту *интересно было бы узнать*, что думает по этому поводу диссертант, при этом за *интересом* скрывается замечание по поводу отсутствия в работе соответствующих выводов.

(2) *По известным причинам высказывания-порицания занимают в этой картине основное место. Им по преимуществу и посвящена глава четвертая. Но всегда ли оправдана «дискриминация» высказываний-похвал? Конечно, говорящие хвалят редко, но, к счастью, совсем не отказались от этого приятного для адресата дела. При этом похвала может укладываться в те же формы, что и порицание. Она может маскироваться, как справедливо отмечает диссертант. Но стоит ли, как в случае с комплиментом, подозревать автора замаскированной похвалы в наличии у него корыстных интересов? По мнению диссертанта, если похвала маскируется, это уже лесть. Скорее это, наоборот, нежелание показаться льстивым. Очевидно,*

здесь мы затрагиваем важную речеведческую проблему, которую можно было бы обсудить в диссертации не столь бегло (Л. Б. Никитина).

Вопросы «по поводу» носят риторический характер: за ними скрывается несогласие рецензента с позицией автора. Добавим, что в придаточной части последнего предложения имплицирована отрицательная оценка (*можно было бы обсудить не столь бегло = этот вопрос не обсужден должным образом*).

(3) *У каждого времени свои критерии человеческой красоты. Эстетическая оценка в гораздо большей степени субъективна, чем любая другая, да к тому же сильнее реагирует на моду. Вот и возникает вопрос: о каких стереотипах идет речь – о тех, что безвозвратно ушли; о тех, что возникли относительно недавно; или о собственно стереотипах – не всегда мотивированных, устойчивых представлениях, которые носят для русских людей характер предубеждения? А может быть, анализа интернет-ресурсов недостаточно, чтобы выявить стереотипы, выдержавшие в нашем национально-культурном сообществе проверку временем? Предпринятое диссертантом исследование отчасти снимает остроту последнего вопроса* (Л. Б. Никитина).

В вопросах рецензента содержится подсказка-ответ; при помощи вводной конструкции *может быть* ненавязчиво указывается на неза заслуженное сужение иллюстративного поля, исследованного автором работы.

Отдельно нужно сказать о вопросительных и вопросительно-отрицательных предложениях, в которых за вопросом скрывается несогласие рецензента с автором, выдвижение рецензентом противоположной точки зрения: *Цель исследования сформулирована как «описание способов конструирования политической реальности в дискурсе СМИ Украины» и одна из задач ориентирована на «описание способов представления политической действительности Украины». Не одно ли и то же?* (Л. Б. Никитина). – Вопрос равнозначен утверждению «Это одно и то же»; *Разве данных словарей достаточно, чтобы делать выводы о функциональном потенциале диалектной лексики?* (Н. Г. Нестерова). – Вопрос равнозначен отрицанию «Этих данных недостаточно»; *Можно ли на основе столь различающихся по своим характеристикам СМИ построить некоторый общий, усредненный образ политика?* (О. М. Исаченко). – Вопрос равнозначен отрицанию

такой возможности. Во всех случаях мы имеем дело со смягчением несогласия и отрицательной оценки.

Типичными средствами выражения рекомендаций (пожеланий) как способов импликации отрицательной оценки и ее некатегоричности являются формы глагольных и именных сказуемых с частицей *БЫ*, а также конструкции с семантикой пожелания и перспективности: *хотелось бы, следовало бы, было бы уместным* и т.д.; *хочется пожелать автору...*, *перспективным является...* и др. Такие рекомендации коррелируют с сожалением о том, что в настоящей работе чего-то недостает. Например: *Более широкое привлечение зарубежного материала, то или иное сопоставление российских и зарубежных реалий позволило бы полнее понять особенности отечественного политического дискурса и отечественную специфику создания медийных портретов политических лидеров* (А. П. Чудинов); *Как известно, в истории науки было множество попыток сформулировать требования к идеальному политику и множество попыток понять, почему во многих случаях успеха добивались забывающие о моде инвалиды весьма пожилого возраста. Возможно, автору следовало бы обратить внимание на существующие различия между образами идеальных политиков и реальными политическими лидерами* (А. П. Чудинов); *В жанрах одобрения или порицания автор констатирует выражение «причинно-следственных» отношений между оценкой интеллектуальных качеств субъекта и его поведением в определенной ситуации. На наш взгляд, корректнее было бы говорить в этих случаях об отношениях соответствия-несоответствия* (Е. С. Скобликова).

Ср.: *В качестве дальнейших перспектив исследования, возможно, имеет смысл рассмотреть моделирование образа не идеального политика, а востребованного на данном этапе потенциальным избирателем* (Е. В. Кобец); *Предлагаю автору рассмотреть возможность использования вместо формулировки «идеальный политик» более корректную и соответствующую запросам времени, например, «востребованный избирателем». Разработка такой семантической модели имела бы как теоретическую значимость, так и практическую ценность* (Е. В. Кобец); *Остается сожалеть, что функциональный аспект исследования ориентирован только на российскую газетную публицистику. Перспективно обращение и к зарубежной прессе* (Л. Б. Никитина). – В данных

примерах авторы рецензий предлагают исследователям продолжить научные поиски и подсказывают направления их продолжения – это косвенная некатегоричная оценка уже сделанного, в котором не все полно и безупречно. Впрочем, указания на перспективы исследования могут выступать исключительно как пожелания автору, т.е. выполнять свою прямую функцию.

Одним из частотных оборотов, используемых рецензентами в высказываниях рекомендательного характера, является оборот *было бы интересно: Интересно было бы выявить передвижения по шкале с учетом значений, формируемых взаимным действием грамматических и лексических средств выражения эстетической оценки* (Л. Б. Никитина); *В перспективе было бы интересно проанализировать отношение к молодости и старости в разных социальных группах российского общества* (В. И. Карасик); *Было бы интересно вместе с автором диссертации «почитать» и польские газеты. Хорошая перспектива – выявить специфику функционирования языковых сакральных образов через сравнение текстов, повествующих, например, о политической жизни двух стран* (Л. Б. Никитина). За выражением заинтересованности в продолжении и расширении работы чаще скрывается одобрение уже проделанной работы: «Работа хорошая, поэтому она нуждается в продолжении».

Важным средством ухода от категоричности отрицательной оценки в научной рецензии является противопоставление плюсов и минусов: положительное обычно выдвигается на первый план, а отрицательное следует за ним и вводится при участии маркеров снижения категоричности. Например: *Если со второй частью дефиниции можно согласиться, то с первой хочется поспорить. На мой взгляд, достаточно трудно описать содержащуюся в языке информацию о мире, не реконструируя знания и представления о нем* (Н. А. Кузьмина). – Рецензент одобряет одно, но не соглашается с другим, подчеркивая то, что это его собственное мнение (*на мой взгляд*), оставляя в подтексте следующий смысл: «Возможно и другое мнение»; *Отмечая основательность этой части исследования и интересные авторские находки, нельзя не заметить, что некоторые частные суждения диссертанта требуют уточнений* (Л. Б. Никитина). – Рецензент в целом оценивает определенную часть работы положительно, но при этом отмечает имеющиеся в ней частные недостатки, маскируя свою отрицательную оценку косвенно выраженной

просьбой внести некоторые уточнения.

Категоричнее выглядит косвенная оценка недостатков работы при вынесении вопросов и замечаний в отдельную рубрику (отдельную часть рецензии) в силу акцентирования внимания читателя на этом участке композиции текста. В этом случае обычно используются специальные вводящие в данную тематическую рубрику предложения. Например: *Несколько частных вопросов и замечаний по этим главам...* (Н. А. Кузьмина); *Вместе с тем оппонент предлагает автору диссертации конкретизировать в ходе ее защиты следующие позиции...* (Е. В. Кобец); *Как и всякое серьезное исследование, рассматриваемая диссертация вызывает стремление продолжить обсуждение поднятых проблем, не все в работе принимается безоговорочно. В связи с этим необходимо выделить следующие дискуссионные аспекты рассматриваемого исследования...* (А. П. Чудинов). Все приведенные выше предложения, предваряющие серию вопросов и замечаний, включают языковые средства снижения категоричности: вопросы *частные*; оппонент не спрашивает и не настаивает на ответе, а *предлагает* автору конкретизировать свои позиции; оппонент «оправдывает» свои вопросы и замечания тем, что имеет дело с *серьезным исследованием*, говорит не о категорическом неприятии, а о необходимости прояснить позиции диссертанта, подчеркивая дискуссионный характер своих вопросов и замечаний.

Приглашение к дискуссии – это элемент научной этики, а сама дискуссия – это путь к познанию истины и рождению новых оригинальных идей, поэтому предложение обсудить спорные вопросы – это своего рода похвала автору: «Ваше произведение так интересно, что побуждает к обсуждению заявленных в нем проблем».

Следуя нормам научной этики, оппоненты регулярно прибегают к использованию смысловой модели «Отмеченные частные недостатки не умаляют общих достоинств», подчеркивая непринципиальность высказанных замечаний или их ориентированность на перспективу (продолжение) научного поиска: обороты *вопросы и замечания носят дискуссионный характер; не умаляет ценности рецензируемой работы, не снижают высокую оценку диссертации* и подобные стали своеобразными шаблонами некатегоричности: *Переходя к общей оценке исследования, следует отметить, что **высказанные замечания имеют дискуссионный характер** (в науке возможно сосуществование различных точек зрения) и не влияют на общую высокую оценку диссертации.*

*Показательно, что в данном отзыве нет замечаний, совершенно отвергающих саму концепцию автора или его методику анализа (А. П. Чудинов); В качестве дискуссионной реплики замечу, что больше внимания следовало бы уделить разной оценке категоричности в разных типах и сферах коммуникации <...> Подчеркну, что **это именно соображение на будущее и оно нисколько не подвергает сомнению ценность того, что сделано** (В. В. Дементьев); **Высказанные здесь замечания, как и поставленные вопросы, носят дискуссионный характер и не касаются общей концепции исследования.** Возникновение вопросов и замечаний свидетельствует о неразработанности поставленной и успешно решаемой диссертантом проблемы и еще раз подчеркивает актуальность и значимость предпринятого исследования, на богатом языковой (речевом) материале (И. В. Пекарская).*

Итак, речевой жанр научной рецензии регулируется нормами научной этики: он ориентирован на некатегоричность суждений, представлен репертуаром лексических и синтаксических средств ухода от безапелляционности отрицательных оценок и в целом тяготеет к косвенности их выражения.

В то же время невысокое качество рецензируемого научного труда и стремление не погрешить против истины заставляет рецензентов проявлять твердость своей позиции и выражать оценку прямо, отказываясь от разного рода импликаций: *Но уже в этом перечне проявляется весьма заметное и в других частях работы отсутствие собственно лингвистической ориентированности <...> С помощью этого нечеткого понятия автор считает продуктивным объединение в одной модели разнородные характеристики процесса коммуникации (косвенные речевые акты, языковая игра, языковая манипуляция), которое, однако, остается декларативной перспективой исследования <...> Приводимые иллюстрации практически не несут лингвистической составляющей <...> в работе, вообще говоря, нет ни нового, ни даже просто полезного (анонимный рецензент); Поступая комплексность своего исследования, диссертант очень общо (и не без речевых недочетов) формулирует суть разных направлений изучения политического дискурса <...> В целом сформулированные цель и задачи исследования не находятся в отношениях «общее – частное», а их представление не отличается четкостью изложения, что вызывает многочисленные вопросы <...> За этими словесными по-*

строениями стоит, на мой взгляд, то, что не требуется защищать в силу очевидности, общепризнанности и что в общем укладывается в формулу «лингвистическое определяется экстралингвистическим» (Л. Б. Никитина).

В заключение отметим, что выбор средств создания некатегоричности оценки в научной рецензии, несмотря на их заметную шаблонность, не в последнюю очередь навязанную формальными предписаниями, в конечном счете зависит от оценивающего субъекта: каждый рецензент не лишен возможности проявить свою речетворческую индивидуальность, что не останется незамеченным проponentом, адресатом, читателем. Индивидуальность авторского стиля в таком стандартизованном речевом жанре, как научная рецензия, может стать предметом специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришечкина Г. Ю. Коммуникативный аспект научной рецензии // Образование. Коммуникация. Ценности (Проблемы, дискуссии, перспективы). По материалам круглого стола «Коммуникативные практики в образовании», 19 ноября 2004 года / под ред. С. И. Дудника. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 22–25.
2. Кобзеева О. В. Стилежанрообразующая роль аксиологических значений и средств их выражения во вторичных жанрах современной русской речи : научной рецензии, театральной рецензии, отзыве // Лингвистика человека : антология / под ред. Л. Б. Никитиной, Н. Д. Федяевой. Омск : Вариант-Омск, 2012. С. 236–249.
3. Прибыткова С. А. Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 183 с.
4. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (Русский научный академический текст): дисс. ... д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 343 с.

5. Малышкин К. Ю. Категоричность как семантико-прагматическая категория высказывания (на материале современного русского языка) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2015. 21 с.

REFERENCES

1. Grishechkina G. U. Kommunikativnyj aspekt nauchnoj recenzii [The communicative aspect of scientific review]. *Obrazovanie. Kommunikaciya. Cennosti (Problemy, diskussii, perspektivy). Po materialam kruglogostola «Kommunikativnyepraktiki v obrazovanii», 19 noyabrya 2004 goda* [Education. Communication. Values (Problems, discussions, prospects). Based on materials from the roundtable «Communication Practices in Education», November 19, 2004. Ed. by S. I. Dudnik]. St.-Petersburg, 2004, pp. 22–25.
2. Kobzeeva O. V. Stilezhanroobrazuyushhaya rol aksiologicheskix znachenij i sredstv ix vyrazheniya vo vtorichnyx zhanrax sovremennoj russkoj rechi: nauchnoj recenzii, teatralnoj recenzii, otzyve [Style-genre-generating role of axiological values and means of their expression in secondary genres of modern Russian language: the scientific reviews, theater reviews, reference]. *Lingvistika cheloveka: antologiya* [Linguistics of the person: anthology. Ed. by L. B. Nikitina, N. D. Fedyaeva]. Omsk, 2012, pp. 236–249.
3. Pribytkova S. A. *Semantiko-pragmaticheskie osobennosti elektronnoj recenzii kak vtorichnogo teksta (na material anglijskogo yazyka)* [The semantic and pragmatic features of the electronic review as a secondary text (on a material of English language). Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2004. 183 p.
4. Salimovsky V. A. *Zhanry rechi v funkcionalno-stilisticheskom osveshhenii (Russkij nauchnyj akademicheskij tekst)* [Genres of speech in the functional-stylistic interpretation (Russian scientific academic text). Dr. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2002. 343 p.
5. Malyshekin K. U. *Kategorichnost kak semantiko-pragmaticheskaya kategoriya vyskazyvaniya (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [The categoricity as the semantic-pragmatic category of statement (on a material of modern Russian language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Omsk, 2015. 21 p.

Статья поступила в редакцию 27.11.2015.

УДК 811.161.1'27
ББК 81.2Рус-5

Е. В. Осетрова
Красноярск, Россия

E. V. Osetrova
Krasnoyarsk, Russia

СЛУХИ В ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕНРИСТИКИ

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ слухов как информативного речевого жанра. Его главная цель состоит в массовом, изначально устном распространении актуальной для людей новости, авторство и достоверность которой не установлены и ответственность за которую никто не несет. Автор 1) анализирует механизм распространения слухов по устному каналу коммуникации, выявляя несколько параметров этого механизма: «момент ввода», «способ» и «периодичность» трансляции, а также «пространственный» и «временной» параметры; 2) рассматривает тексты медиа-слухов, определяя их функции и типичные семантические пространства / аспекты неавторизованной новости: военные действия, политика, экономика, здоровье, межличностные отношения и др.; 3) описывает языковую модель слухов в художественной картине мира, реконструируя «естественный» и «искусственный» сценарии обращения слухов через фазы Восприятия – Трансляции – Существования. В результате слухи охарактеризованы как важный способ массового взаимодействия, тонко реагирующий на состав коллектива, серьезность темы, стилевые, временные и пространственные параметры диалога.

Ключевые слова: слухи, коммуникация, текст, массмедиа, механизм трансляции, правила речевого поведения, языковая модель, речевой жанр.

RUMORS IN THE PARADIGM OF LINGUISTIC GENRISTICS

Abstract. The present article provides a comprehensive analysis of rumors as an informative genre transmitting unauthorized news. The goal of this genre is mass distribution of initially oral current news, the authorship and reliability (veracity) of which are uncertain and for which no one is liable.

The author 1) analyzes the mechanism of rumors transmission via Oral Channel of communication, identifying the main parameters of that mechanism – “the moment of introduction”, “the method of transmission”, “the frequency of transmission”, as well as “the space” and “time” parameters. Each of these can operate in two modes – normal and intensified; 2) examines the texts of media-rumors, defining their functions and typical semantic space / aspects of unauthorized news – war, politics, economics, health, personal relationships; 3) describes the rumor model in the linguistic picture of the world, reconstructing “natural” and “artificial” scripts of the rumor cycle through the phases of Transmission → Perception → Existence, etc.

As a result, rumors are presented as one of the modes of mass interaction that subtly responds to the structure of the speech collective, significance of the theme, as well as to time and space parameters of the dialogue.

Key words: rumours, communication, text, mass-media, mechanism of transmission, rules of language behavior, language model, speech genre.

Сведения об авторе: Осетрова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. E-mail: osetrova@yandex.ru

About the author: Osetrova Elena Valeryevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of modern Russian language and Teaching methods Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev.

ВВЕДЕНИЕ

Участвуя в организации современной коммуникативной среды, слухи имеют богатую социальную и научную историю. Более чем сто лет они изучаются в социологии и философии, семиотике, теории и практике коммуникации, в сфере политических технологий, теории рекламы и менеджмента. Список библиографии, собранный автором по данной теме и смежным с ней предметным областям – «Молва», «Сплетни», «Городские легенды», – включает более 450 источников [1 : 381–411].

В российской филологии на слухи как на научный объект в конце 70-х гг. XX века

опосредованно указал Ю. В. Рождественский, говоривший о них в широком контексте молвы [2]. Спустя два десятилетия В. В. Прозоров вновь вернулся к теме, назвав ее перспективной для социолингвистики, психолингвистики, фольклористики и литературоведения [3 : 167]. С этого момента слухи исследуются в двух направлениях: как феномен коммуникации и как особый фрагмент русской языковой картины мира [4].

В научной литературе нельзя найти устоявшегося определения слухов: исследователи видят в них режим существования современного общества и фрагмент массо-

вой актуальной информации (В. И. Андриянов, В. К. Левашов, А. Т. Хлопьев), специфический вид межличностной коммуникации и психологического влияния (В. П. Шейнов), субдискурс мелкой обывательской сенсации (И. В. Силантьев), циркулирующую форму коммуникации (Т. Шибутани), определяют слухи как коммуникативный канал (А. Ю. Панасюк, Н. Пиков, А. Н. Сперанская), наконец, как единицу массового общения и «кусочек» текста, сознательно утерянного официальной культурой (Г. Г. Почепцов) [1 : 125].

Автор не отказывается до конца ни от одной из перечисленных точек зрения, поскольку каждая из них помогает раскрыть многомерность выделенного объекта. Однако представляет и ту позицию, на которой в данном случае расположился сам, – собственно лингвистическую.

Она состоит в том, что слух – прежде всего высказывание, имеющее особую композицию, стилистические особенности и типичное содержание, то есть хорошо узнаваемое.

Исходя из этого, определяется главная цель речевого жанра слуха: массовое, изначально устное распространение актуальной для людей информации, авторство и достоверность которой не установлены и ответственность за которую никто не несет.

Обсудим вопрос о методах анализа слухов.

Если иметь в виду кардинальный интерес современной лингвистики к «жизни» языка (к его использованию и функционированию), то логично рассматривать всякий языковой объект с трех сторон: его языковую природу, его текстовую принадлежность, а также его использование в речи. Рабочей, таким образом, по Т. В. Шмелевой, становится триада «язык – текст – речь (и шире – коммуникация)» [5 : 72].

Войдя внутрь этого условного треугольника, «посмотрим» из него на слухи.

КОММУНИКАТИВНЫЙ КАНАЛ

Существование слухов в современной коммуникативной ситуации интересует нас прежде всего в динамическом аспекте. Именно поэтому основное внимание сосредоточено здесь на канале коммуникации, по которому двигаются и распространяются слухи.

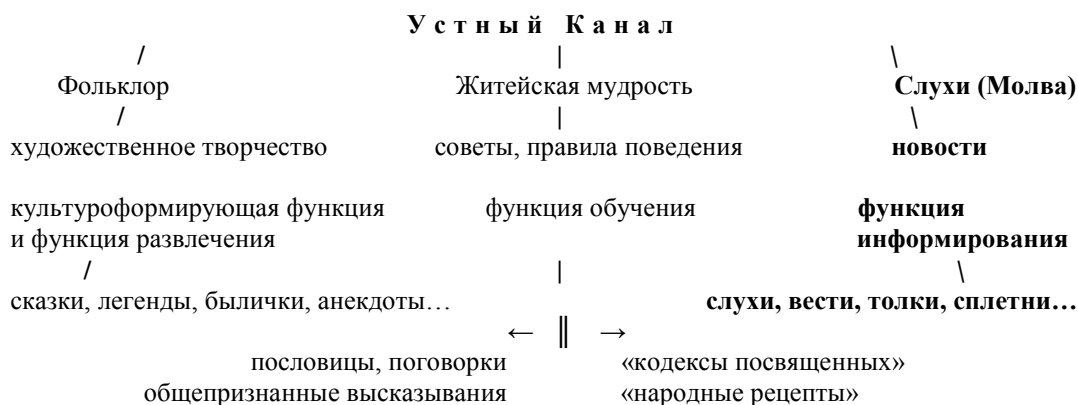
Начнем с того, что канал слухов – это устный канал, один из каналов массовой коммуникации. Наряду со СМИ и Интернетом он используется для коллективной трансляции социально значимой информации и работает путем передачи устных текстов от человека к человеку по речевой цепи либо сети.

Кроме слухов (или молвы), по устному каналу циркулируют еще два информационных потока: фольклор и тексты «житейской мудрости»; см. схему.

Слухи берут на себя функцию оперативного новостного ресурса устного сообщества, помогая человеку ориентироваться в сиюминутной ситуации, прогнозировать будущие события и планировать собственное поведение. Передача таких сообщений: *слухов, разговоров, ходячих вестей, толков, пересудов, рассказней, сплетен, криво толков, наговоров, наветов, болтовни, говора и славы* – происходит относительно быстро и длится до тех пор, пока необходимость и заинтересованность в них ощущают члены языкового коллектива.

Здесь не стоит задача подробно рассмотреть феномены фольклора и «житейской мудрости». Скажем только, что каждый из них обладает специфическим содержанием и назначением, своим типичным режимом существования. Но все вместе, как устные тексты, они анонимны, циркулируют по одному каналу, имеют качество коллективной «надобности» и схожи в своей вариативности и интертекстуальности. Кроме того, нет непреодолимых границ между жанрами внутри канала: наблюдения исто-

Схема

риков, в частности, свидетельствуют о регулярной трансформации слухов в жанры фольклора – городские легенды и анекдоты [6–8].

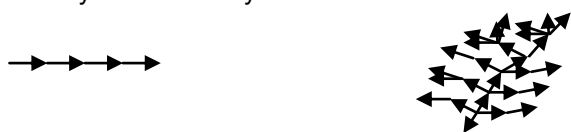
Главное формальное сходство слухов, фольклора и «житейской мудрости» мы находим в способе их существования. Передача и хранение подобных текстов, по С. Неклюдову, возможны только при непосредственном общении людей: «Передавать и хранить устный текст без его периодического воспроизведения нельзя» [9]. Последнее замечание подводит к необходимости проанализировать **механизм** устного канала.

Гипотеза состоит в том, что на его работу влияет состояние пяти главных параметров. Назовем их «момент ввода», «способ» трансляции, «периодичность» трансляции, а также «пространственный» и «временной» параметры. Каждый из них может работать в двух основных режимах – обычном и усиленном.

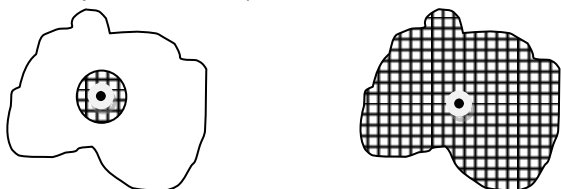
1. Так, на этапе ввода информации в ситуацию общения используются индивидуальный и групповой режим коммуникации, когда она обеспечивает личное общение tête-à-tête либо одновременно направляется сразу м н о ж е с т в у адресатов.

2. Последующая трансляция естественно идет как по простой цепи от субъекта к субъекту, так и по сети, расходясь и сходясь речевым веером во множестве коммуникативных узлов.

3. Уровень пространственного покрытия канала также предполагает два варианта. канал очень хорошо работает в границах небольшого локального участка, обеспечивая интересы одной группы людей (деревня, офис, дружеская компания). Но в ряде случаев он охватывает обширную коммуникативную зону по причине интереса к информации большей части национального коллектива (катастрофа, выборы, сенсация).

4. Кроме того, трансляция может характеризоваться разной степенью периодичности. В этом случае текст может находиться в состоянии перманентной циркуляции. А может обращаться дискретно, лишь по случаю или по необходимости «вынимаясь» заинтересованным лицом из запасов коллективного знания и передаваясь адресату.

5. Наконец, период существования сообщения может быть долговременным или кратковременным в зависимости от устойчивости интереса социума к его содержанию.

Понятно, что если в усиленном режиме активируются несколько параметров, достигается суммарный эффект – интенсивное функционирование канала.

Яркий образец работы устного канала на пределе возможного – это возбужденная, испытывающая дефицит информации толпа. Внутреннее напряжение людей, которых собрало вместе какое-либо важное событие, побуждает их к разговорам друг с другом. Тогда включаются сразу четыре усиленных режима распространения сообщений: вследствие высокой концентрации людей информация мгновенно выходит за пределы группы и расходуется по сети, сплошной волной накрывая людское скопление и достигая самых крайних его пределов.

Кроме общего механизма распространения слухов в устной коммуникативной среде, в фокус внимания попадают **правила речевого контакта**, обеспечивающие введение слухов в речь.

В своих работах Ю. В. Рождественский, на основании анализа восточных паремий создает универсальный свод предписаний к ведению речи [10]. Отдельный раздел свода фактически посвящен молве / слухам.

Ниже приведен список выбранных паремий с присовокупленным к ним комментарием самого исследователя.

1. *Добрую славу легко потерять, от дурной трудно избавиться.*

2. *Болезнь приходит через рот, беда выходит изо рта.*

3. *Блюдо, если его передают от одного к другому, пустеет, а слухи – множатся.*

4. *В доме еще ничего неизвестно, а на улице уже все знают.*

5. *У слова нет крыльев, а оно летает.*

6. *У мысли нет дна, у слова нет предела.*

Отрицательные свойства устного слова состоят в том, что можно принести дурную славу третьему лицу (1). Молва в силах нанести ущерб и собеседнику, и третьему лицу, и тем самым может иметь серьезные последствия для отдельных членов коллек-

тива (2). Эта возможность строится на «летучести» молвы (3–6).

Ряд паремий укладывается в систему характеристик и оценок молвы, которые сведены в три группы внутренне противопоставленных речений:

А.1. *Если ухо хоть день не слышит новости, оно глохнет.*

А.2. *За что купил, за то и продаю.*

Б.3. *Говорит чужим ртом; Чужим умом далеко не пойдешь.*

Б.4. *Нет дыма без огня; Без ветра трава не колыхнется; И пустельга попусту не кричит.*

В.5. *Большая собака залает, за ней маленькая; Одна собака залает впустую, другие подхватят всерьез.*

В.6. *Собака лает – караван идет; Что для луны лай собаки?!*

Каждая группа развивает предыдущую – как в диалоге. Соединяя высказывания текстовой скрепой *Да, но...*, можно обнаружить внутреннюю полемичность народной оценки услышанного. При переводе из пословичного иносказания подобный «диалог» проясняется группой неиносказательных суждений; ср. с предыдущим:

А.1. *'Новости ценны!'*

А.2. *'Данная новость известна многим, кроме вас, не уверен в ее достоверности, но передаю услышанную новость точно.'*

Б.3. *'Он не ручается за действия, вытекающие из этой речи, а только передает чужие слова, что малоценно.'*

Б.4. *'Но все же, не зная ценности данных слов, можно утверждать, что само их появление симптоматично и информативно для ситуации.'*

В.5. *'Как известно, ценность слов проверяется по тому, кто их сказал, так как от этого зависит действие, следующее за речью. Я не знаю, откуда эти слова, не была бы это клевета и сплетня.'*

В.6. *'Серьезному делу не может повредить клевета и сплетня, пусть будет проверена и доказана временем серьезность сказанного.'*

С этим «диалогом», дающим правила обращения с молвой, соединяется очередная группа правил. Она содержит серию запретов на репродукцию «вредных», неуместных суждений:

Г.1. *Если крикнешь в кувшин, то кувшин на тебя крикнет; Что в лесу крикнешь, то и в ответ услышишь.*

Г.2. *У лжеца дом загорелся – никто не поверил; Клеветник умрет от клеветы.*

Г.3. *Чем больше будешь копаться в помойной яме, тем больше от тебя будет вонять.*

Г.4. *И хорошее слово хорошо один раз.*

Данная группа суждений-паремий связана между собой отношениями дополнения и конкретизации предыдущих сентенций. Их можно объединить в текст с помощью слов *кроме этого, надо еще помнить, что...*:

Г.1. *'Надо помнить, что молва возвращается, и потому не следует распространять того, что не входит в молву.'*

Г.2. *'Кроме этого, нужно молву передавать точно.'*

Г.3. *'И, кроме этого, не распространять вредных и неперспективных сведений.'*

Г.4. *'И, кроме этого, надо помнить, что молва, будучи многократно повторенной одному лицу, теряет смысл.'*

Одни пословицы указывают на рекомендации к образованию молвы, другие – на запрещения в ходе ее образования. Если первый набор правил (А–В) допускает репродукцию чужой речи на определенных условиях, то второй (Г) призывает воздержаться от репродукции высказываний, чреватых ущербом для говорящего и потому непригодных для молвы [10 : 34–46].

Ложную молву Ю. В. Рождественский расценивает как ошибку в использовании устного речевого канала: «В молве общественное мнение воспрещает оперировать ложной информацией», поскольку она относится к видам речи, допускающим только диалектический пафос истины [11 : 190–193, 365, 372].

ТЕКСТЫ

Вспомним теперь тот условный методологический треугольник, который был представлен в начале статьи, и обратимся к его текстовой составляющей.

С конца 80-х годов XX века слухи активно используются в российских СМИ в качестве одного из информационных источников. Поэтому их текстовая «жизнь» рассмотрена на базе современной российской прессы, а сам анализ проведен с использованием термина «семантическая сфера».

Понятие сферы лежит в основе содержательного членения объективного мира, отражаемого языком. В зависимости от целей это членение проводится по разным принципам и с разной степенью подробности.

Один из опытов классификации семантических сфер представлен И. Е. Кимом, который предлагает оригинальную языковую модель, основанную на двойном делении семантического пространства на сферы-области (секторы) и сферы-слои (концентрические кольца). Поскольку определены они по отношению к человеку как цен-

тру модели, в число главных составляющих типологии входят личная и социальная сферы [12 : 12–23].

Событийное пространство текстов исследуемого типа стремится к полярности. Один полюс концентрирует вокруг себя сюжеты социального, а другой – личностного содержания.

В данном случае мы исходим из того, что эти сферы отличаются одна от другой по степени социальной масштабности, значимости составляющих их событий. Первая включает те, которые имеют коллективное значение и вписаны в глобальные общественные процессы, в то время как в центре событий личной сферы – конкретный человек, его частные проблемы, не выходящие за границы межличностных отношений. В последнем случае отметим придание событию статуса «микрокосма», когда оно мыслится происходящим не в пространстве «безграничного мира», «а в его более узкой сфере – сфере жизни личности» [13 : 171]. При этом не исключено пересечение и взаимовлияние сфер в действительности, когда, например, болезнь государственного лидера ощутимо отражается на политической жизни страны, что формирует комплексные (с позиций семантики) описания.

Понимая событийную универсальность «слухового» модуса, который в состоянии переработать в своих рамках фактически любой сюжет, хотя бы контурно наметим границы охваченного им семантического поля.

Внутри **социальной сферы** особо выделяется несколько содержательных пространств – конкретных областей человеческой деятельности:

- спорт,
- военные действия,
- правопорядок,
- экономика,
- политика.

Перечисленными семантическими типами представление социальной сферы в языке, конечно, не ограничивается, но количество материалов, отражающих другие пространства языковой картины мира, незначительно; ср. примеры:

Около года назад Розетти назвал арбитра Эдуарда Малога лучшим судьей. В дальнейшем <...> Его назначили виновным в поражении «Спартака» в Махачкале, а в начале года арбитр неожиданно завершил карьеру. Слухи ходили разные – от таинственной болезни до волчьего билета «от очень влиятельных людей» (Советский спорт, 30.08.2013) – пространство спорта;

Неофициально уже ходили слухи, что турки отдают предпочтение китайским HQ-9 <...> В результате Турция выбрала китайские копии С-300П (Военно-промышленный курьер, 09.10.2013) – пространство военных действий;

Есть такой список Fiche «S» – в него входят те, кто представляет потенциальную угрозу безопасности государства. На Лазурном берегу таких насчитывается около 2000 человек, как я слышала. И вот прошла информация, что некоторых из этого списка пока посадили под домашний арест (МК в Красноярске. 2015. № 48) – пространство правопорядка;

Вложения, сделанные в кризис, уже принесли легендарному инвестору [Уоррену Баффетту] 40% прибыли. В 2008–2009 гг. Баффетт предложил помощь четырем голубым фишкам – Mars, Swiss Re, Dow Chemical и General Electric, а в 2011 г. подержал Bank of America, про который тогда ходили слухи, что его придется спасти властям (Ведомости, 08.10.2013) – пространство экономики;

Есть мнение, что после выборов 1996 года Ельцин уже не принимал решений. Что всем рулило окружение, семья. – Полная ерунда. У семьи был лишь один момент взлета – момент формирования правительства после президентских выборов 1996 года. Ельцин тогда готовился к операции на сердце. <...> и в это время его действительно представляла семья <...> Но потом Ельцин полностью вернулся к активной жизни. – То есть слухи, как говорится, преувеличены? – Намного (МК в Красноярске. 2015. № 48) – пространство политики.

Каждое из выделенных пространств представлено спектром ситуаций, среди которых выделяются несколько типичных. Для экономической области это, к примеру, «финансовая операция» (описывается предикатами *скупать, приобретать, производить торги, затрачивать средства, «уводить» деньги*) и «финансовые взаимоотношения с работодателем» (*заплатить, получать зарплату, перечислять на личный счет, недовыплатить, оставаться должным, выдвигать требования по оплате труда*); для юридической области – «нарушение закона» (*обокрасть, ограбить, убить, совершить нападение*), «задержание нарушителя» (*устроить засаду, задержать, связать*) и «судопроизводство» (*подать иск, обратиться в суд, завести дело, провести судебное заседание*); для спортивной области – «карьерное перемещение» (*уйти, перейти, покинуть, пере-*

меститься, получить место, уехать, перебежать, стать (тренером, членом сборной, чемпионом); для политического пространства – «выборы» (рассчитывать квоты, встречаться с кандидатами, финансировать избирательную кампанию, проверять расходы кандидатов, вести борьбу / торговлю за место).

Группы предикатов, приведенные выше – яркая демонстрация того, какие семантические повороты удовлетворяют массовому успеху рассматриваемых сюжетов в периодике: финансовое, экономическое обеспечение проблемы, обнаружение некоей скрытой детали, динамичная природа события – ведь большинство проанализированных ситуаций описаны через пропозиции действия и движения.

Личная сфера текстов-слухов газетной и журнальной периодики составлена из описаний жизни огромных, средних и малых, мировых, столичных и провинциальных «звезд», большинство из которых «светят» на небосклоне шоу-бизнеса, кино и театра, светской жизни и спорта, но открываются также в области бизнеса и политики. В данном случае классификация проведена с использованием понятия «аспект».

Начнем с того, что в личной сфере выделяются аспекты

- здоровья,
- внешности,
- межличностных отношений.

Авторы текстов-слухов, отражающих аспект здоровья, заняты не описанием прекрасной формы знаменитого субъекта, но преимущественно затрагивают его физические проблемы: болезни, операции, в том числе пластические, диету, излишний либо недостаточный вес – и трудности, с которыми он сталкивается на тяжелом, иногда драматическом, поприще «личной-публичной» жизни; см. пример:

Слухи о смерти Людмилы Гурченко сильно преувеличены. Вечером в воскресенье, 27 февраля, в Сети поползла информация, что народная любимица скончалась. Учитывая возраст актрисы (минувшей осенью ей исполнилось 75 лет) и тот факт, что две недели назад она попала в больницу с диагнозом «перелом шейки бедра», многие восприняли эту новость как скорбный, но, увы, достоверный факт (Комсомольская правда, 28.02.2011)

Когда внимание журналиста обращено на внешность или социальный статус «героя», доля сенсационности тексту обеспечена, как и в предыдущем случае. Но от семантической роли пациента или «ущемленного» бенефицианта он уходит, пере-

мещаясь в позицию субъекта состояния либо объекта характеристики:

Если серьезно, то даже у маленьких девочек бывают большие трудности. Даже у самых знаменитых, которых мы вспомнили <...> Катя Лычёва. После приезда в СССР американской школьницы, «туда» решили отправить нашу. Ходили слухи, что Лычёва – родственница всех наших генсеков одновременно, отобрали ж из миллионов! (АиФ. Приложения, 09.10.2013).

Самыми востребованными со стороны массмедиа оказываются проверенные и непроверенные факты о межличностных отношениях известных личностей: их помолвках, браках и разводах, числе мужей, жен и детей, их скандалах, ссорах и примирениях. Рутинное благополучие и в этом случае никого не интересует и не может стать основой новости, а главный «герой» меняет ролевую маску в третий раз, становясь интенсивно, а лучше – агрессивно действующим субъектом – агентом. Текст же благодаря пропозициям действия и движения приобретает особую динамичность:

В прессе активно циркулируют слухи по поводу разрыва отношений Аллы Пугачевой и Максима Галкина. В окружении артистов говорят, что у них действительно ухудшились отношения в последнее время <...> Алла Пугачева привыкла жить, ни в чем себе не отказывая, и скромных доходов <...> Галкина не хватает на то, чтобы удовлетворить ее запросы и к тому же содержать столичную квартиру и замок, где живут супруги. Поэтому Примадонна попросту «выгоняет» молодого мужа на заработки (<http://livesmi.ru/show-business/8537-pugacheva-vygnala-galkina-iz-za-deneg.html>)

В общем, по результатам аспектного анализа к характеристикам текстов-слухов добавляются сенсационность, скандальность и интимность публикуемого события.

Наблюдения доказывают, что в рамках печатного текста слухи используются как средство для реализации ряда медийных функций собственно информационного толка. С их помощью СМИ удовлетворяют информационную необходимость либо информационный интерес коллективного адресата, что достигается благодаря активации сущностных свойств подобных высказываний – сенсационности и актуальности. Обсудим сказанное подробнее.

Неавторизованные медиатексты могут транслировать социальное содержание,

необходимое человеку для ориентации и адекватных реакций в повседневной жизни; это включает произвольное внимание адресата:

*Наблюдалась по беременности в частной клинике. Слышала, что в **роддом без родового сертификата** меня не пустят, а его выдают только в женской консультации. Неужели это так?* (АиФ – на Енисее. 2015. № 48).

Однако сведения, удовлетворяющие неискоренимое человеческое любопытство в отношении к «выделенным» в коллективе личностям, а также «жареным» фактам, поступают из медиаисточников едва ли не чаще. В последнем случае уже произвольное внимание читающего определяет функцию информационного интереса:

*Первые сюжеты [сериала «Каменская»] отбирали очень тщательно, а последние приходилось буквально высасывать из пальца. Говорили, что **Марининой** предлагали продать права на ее персонажей, чтобы кто-то другой придумывал с ними истории, но она на это не пошла* (Караван историй. Коллекция. 2015. № 11).

С функцией информационного интереса связано возникновение социально-психологического феномена «эмоций напрокат». Массовый адресат через СМИ знакомится со слухами и сплетнями об известных людях (celebrity gossip) – политических деятелях, спортсменах и актерах, – знаменитых в хорошем или плохом смысле. Эти новости преподносятся в том же ключе, что и новости о хороших знакомых, вызывая у обывателя выраженное чувство сопричастности и соучастия, близкого эмоционального отношения к героям опубликованной информации [14 : 70].

Обе выделенные выше функции слухов производны от генеральной информативной функции текстов СМИ, выведенной В. Г. Костомаровым [15], функция же информационного интереса, кроме того, самостоятельно коррелирует с развлекательной, или гедонистической, функцией СМИ, выделяемой в теории массовой коммуникации [16].

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ

Обращаясь к собственно языковой стороне нашего объекта, предлагаем рассмотреть модель слухов на художественном материале – историко-детективных романах Б. Акунина (цикл «Приключения Эраста Фандорина»), в качестве же рабочего инструментария использовать методы семантического и когнитивного анализа, обычные в отношении языковой картины мира.

Типичное отражение модели / процесса распространения слухов демонстрируют следующие примеры:

[Маса] вышел в коридор и встал спиной к двери в позе грозного бога Фудомё, повелителя пламени. Когда по коридору кто-то шел, Маса прикладывал палец к губам, укоризненно цыкал языком и показывал то на запертую дверь, то куда-то в область пупка. В результате по этажу мигом разнесся слух, что в двадцатом остановилась китайская принцесса на сносях и будто бы даже уже рождает (Смерть Ахиллеса).

Даже поверхностный взгляд на этот материал формирует впечатление о неэлементарности языковой модели слухов. Детальный же анализ почти 500 выделенных отрывков доказывает высокую степень ее сложности: для передачи исследуемого фрагмента в языковой картине мира в совокупности используются 13 элементов пропозитивной (процессной) и ряд элементов актантной (ролевой) природы.

Эта сложное образование четко структурировано в границах двух вариативных сценариев – «естественного» и «искусственного».

Естественный, или стихийный, сценарий задан 7 фазами-пропозициями:

Каузация → Трансляция → Восприятие → Существование / Обладание → Запрос экспертизы (на достоверность слуха) → Экспертиза (достоверности) → Последствие.

Развертывание его обеспечивают актантные роли Каузатора, Транслятора, Получателя, Носителя (слуха) и Эксперта; сравните, к примеру, одно- и трехпропозитивную версии сценария:

*<У Ксении Георгиевны уже и жених имелся > <...> **всем было известно** [Существование], что его старший брат, наследник престола, болен чахоткой* (Коронация);

*Говорили [Трансляция], что [адвокат] нанят неизвестным лицом в знаменитой петербургской фирме «Рубинштейн и Рубинштейн» и будто бы даже **слывет** [Существование] докой по уголовным делам. **Однако внешность защитника к себе не располагала** <...> **покупился подлый Момус на хорошего адвоката** [Экспертиза] (Пиковый валет);*

Искусственный сценарий включает 6 пропозиций:

Провокация / Блокирование → Сбор → Осведомление → Осведомленность → Рефлексия → Планируемый результат / Использование.

Таблица.

Естественный сценарий	Искусственный сценарий
Каузация – непроизвольное событие / действие	Провокация – <i>запустили слух</i>
Трансляция – <i>говорили, рассказывали</i>	Осведомление – <i>доложили</i>
Восприятие – <i>слыхали</i>	Сбор – <i>выяснили, узнали</i>
Существование / Обладание – <i>было всем известно, знали</i>	Осведомленность – <i>располагали сведениями</i>
Экспертиза (оценочная) – <i>чушь, ерунда</i>	Осмысление – <i>«бюргеры сообразили»</i>
Последствие (непроизвольное) – <i>«вся Москва к Дюссо хлынет»</i>	Использование (намеренное) – <i>«головы чиновников полетят»</i>

Семантические участники, которые осуществляют данный сценарий, – это Провокатор, фабрикующий повод для распространения слуха; Осведомитель, ответственный за их Сбор и Осведомление; Потребитель, заинтересованный быть Осведомленным и Осмысливающим информацию; а также Бенефициент, получающий конечную информационную либо социальную выгоду после использования полученных сведений.

Инициатором каждой из перечисленных фаз, как видно, является субъект, специаленно действующий для достижения поставленной цели. Провокатору и Осведомителю языковое сознание, кроме того, приписывает характеристики «профессионалов», готовых внедряться в стихийный ход коммуникации, демонстрируя контроль над общественным мнением и отводя нужную ему и / или его «заказчикам» информацию в частный канал для особого использования. Информация, собранная этим способом, в достаточной степени достоверна, но не перестает оставаться слухом, ведь действующие субъекты – типичные анонимы. Таковы они в действительности – такими их в абсолютном большинстве случаев представляет и воспринимает языковое сознание; ниже даны иллюстрации двух-, трех- и четырехпозитивных версий сценария:

Слух [о дуэли] **пущен**. Место для подглядывания удобное [Провокация]. **Свидетели будут**, можете не сомневаться [Планируемый результат] (Алмазная колесница-2);

Ноги <...> вынесли его на Хитровскую площадь, где Сеньке мозолиться по нынешним временам было незачем. || Увидят [Сбор]. Князю свистанут [Осведомление], и адье, Семен Трифоныч, наказывайте долго жить [Планируемый результат] (Любовник Смерти);

*Кабатчик Митрий Кузьмич, отряженный обществом в Белоцерковск [Сбор], приехал с подтверждением, что слух был верный: царя-императора убили евреи [Экспертиза]. Значит, можно бить, и ничего за это не будет [Рефлексия] <...> Все вышло, как положено: **пожгли синагогу, пошарили по хатам, кому ребра намяли, кого за пейсы оттаскали** [Использование] (Статский советник).*

Таким образом, каждой фазе-пропозиции, нейтральной в отношении качества намеренности, соответствует ее инициированный тип; см. таблицу.

Проделанный анализ свидетельствует о богатой семантике «слуховой» модели, что позволяет языковому сознанию легко и эффективно оперировать ее потенциалом. В зависимости от цели либо со вкусом развивать этот потенциал, создавая подробные, даже детализированные, не лишённые художественности описания. Либо, выбрав только одну из всего спектра фаз, использовать ее как маркер, мгновенно задающий «слуховой» ключ в ситуации диалога: *говорили..., мне доводилось слышать..., в городе знали, что...*

Не менее важно разрешить здесь проблему взаимосвязи языковой модели распространения слухов с действительностью. При внимательном ее (модели) изучении мы находим в ней и описание канала распространения слухов (Восприятие – Трансляция – Существование), и один из моментов введения их в конкретную речевую ситуацию (Экспертиза достоверности), и, в конце концов, отображение самого текста слухов, являющего их новостийную суть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пожалуй, наиболее существенным результатом проведенного исследования можно считать подтверждение сложной, внутренне противоречивой природы слухов.

Их квалифицируют как устойчивый тип высказывания и как коммуникативный канал. Они рассказывают о «чужих» и о «своих», вмещают сенсационное и обыденное,

развлекательную и практическую информацию, потешную и трагическую новость. Их тексты достоверны и ложны, им доверяют и их отвергают в качестве источника, они бурно «расцветают» в ситуации социального катаклизма и спокойно «произрастают» в обстоятельствах ежедневной рутины. Они могут не выходить за пределы офиса и объедают тысячекilометровые пространства, вялотекущи и стремительны... «Слухи были и будут атрибутом любого общества, поскольку ни одно общество <...> не согласовано до абсолютного единства и всегда обладает измерениями «здорового смысла», «неофициальной культуры»» [17 : 20].

Являясь по природе устным информационным жанром, вместе с тем слухи так зависимы от обстоятельств трансляции, что начинают сливаться с этими обстоятельствами, даже идентифицироваться с ними, провоцируя подмену понятий и терминов. Вот почему в научной литературе находится не один десяток определений слухов, где на первый план выдвигаются то их коммуникативно-речевые, то жанровые, то функционально-технические характеристики. Порождая большее или меньшее смещение понятий и, как следствие, затруднение для интерпретаций, данный факт одновременно свидетельствует о значимости слухов в современной жизни. Еще конкретнее – о том, что они представляют важный механизм массового взаимодействия, для которого являются значимыми такие коммуникативные параметры, как состав коллектива, тема (особенно ее серьезность), стилевые, временные и / или пространственные характеристики диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Осетрова Е. В.* Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде : речеведческий аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 413 с.
2. *Рождественский Ю. В.* О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремнологический сборник : Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). М. : Наука, 1978. С. 211–229.
3. *Прозоров В. В.* Молва как филологическая проблема // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 162–167.
4. *Osetrova E.* Rumours as a Subject of Scientific Analysis: Social Psychology, History, Philology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. Vol. 6. Iss. 9. P. 1265–1280. URL: <http://journal.sfu-kras.ru/series/humanities/2013/9> (дата обращения: 30.11.2015).
5. *Шмелева Т. В.* Словесность в свете интеграции и дифференциации // Педагогика, психоло-

гия, словесность : сб. ст. Великий Новгород : Изд-во Новгород. гос. ун-та, 2005. С. 70–96.

6. *Аеева О. Г.* Петербургские слухи (К вопросу о настроениях петербургского общества в эпоху петровских реформ) // Феномен Петербурга : сб. ст. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2000. С. 299–313.

7. *Колоницкий Б. И.* К изучению механизмов десакрализации монархии (Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция : сб. ст. к 70-летию О. Н. Знаменского. СПб., 1999. С. 72–86.

8. *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами» : Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб. : Владимир Даль, 2014. 479 с.

9. *Неклюдов С. Ю.* Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm> (дата обращения: 30.11.2015).

10. *Рождественский Ю. В.* Общая филология. М. : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.

11. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М. : Флинта ; Наука, 2004. 512 с.

12. *Ким И. Е.* Личная сфера человека : структура и языковое воплощение. Красноярск : Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2009. 325 с.

13. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

14. *Демьянков В. З.* Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 2004. Ч. 2. С. 68–83.

15. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе : Некоторые особенности языка современной публицистики. М. : Изд-во МГУ, 1971. 268 с.

16. *Желтухина М. Р.* Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса. М. ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.

17. *Дубин Б. В., Толстых А. В.* Феноменальный мир слухов // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 17–20.

REFERENCES

1. *Osetrova E. V.* *Neavtorizovannaia informatsiia v sovremennoi kommunikativnoi srede: rechevedcheskii aspect* [Unauthorized information in modern communications environment: aspect of verbal interaction. Dr. philol. sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2010. 413 p.
2. *Rozhdestvenskii Y. V.* *O pravilakh vedeniia rechi po dannym poslovits i pogovorok* [On the rules of dialogue according to proverbs and sayings]. *Paremiologicheskii sbornik: Poslovitsa. Zagadka (struktura, smysl, tekst)* [Paremiological collection. Proverbs. Riddles (structure, meaning, text)]. Moscow, 1978, pp. 211–229.
3. *Prozorov V. V.* *Molva kak ailologicheskai problema* [Rumour as a philological problem]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 162–167.

4. Osetrova E. Rumours as a Subject of Scientific Analysis: Social Psychology, History, Philology. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 6, iss. 9, pp. 1265–1280, available at: <http://journal.sfu-kras.ru/series/humanities/2013/9> (accessed 30 November 2015).
5. Shmeleva T. V. Slovesnost' v svete integratsii i differentsiatsii [Texts in aspects of integration and differentiation]. *Pedagogika, psikhologiya, slovesnost': sb. st.* [Pedagogics, psychology, texts: collection of articles]. Velikii Novgorod, 2005, pp. 70–96.
6. Ageeva O. G. Peterburgskie sluhi (K voprosu o nastroeniakh peterburgskogo obshchestva v epokhu petrovskikh reform) [Petersburg rumours (Public opinion of Petersburg society in the era of Peter the Great's reforms)]. *Fenomen Peterburga: sb. st.* [Phenomenon of Petersburg: collection of articles]. St.-Petersburg, 2000, pp. 299–313.
7. Kolonitskii B. I. K izucheniiu mekhanizmov desakralizatsii monarkhii (Sluhi i «politicheskaia pornografiia» v gody Pervoi mirovoi voyny) [Studying desacralization mechanisms of the monarchy (Rumors and «political pornography» during the First World War)]. *Istoriik i revoliutsiia: sb. st. k 70-letiiu O. N. Znamenskogo* [Historian and Revolution: collection of articles for the 70th anniversary of O. N. Znamensky]. St.-Petersburg, 1999, pp. 72–86.
8. Piankevich V. L. «Ludi zhili slukhami»: *Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* [«People had been living by rumors»: informal communication in besieged Leningrad]. St.-Petersburg, 2014. 479 p.
9. Nekhludov S. U. *Fol'klor: tipologicheskii i kommunikativnyi aspekty* (Folklore in typological and communicative aspects). Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm> (accessed 30 November 2015).
10. Rozhdestvenskii Y. V. *Obshchaia filologiya* [Overall Philology]. Moscow, 1996. 326 p.
11. Rozhdestvenskii Y. V. *Teoriia ritoriki* [On theory of rhetoric]. Moscow, 2004. 512 p.
12. Kim I. E. *Lichnaia sfera cheloveka: struktura i iazykovoie voploshchenie* [Private sphere of the person: the structure and linguistic forms]. Krasnoyarsk, 2009. 325 p.
13. Arut'unova N. D. *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment. Happening. Facts]. Moscow, 1988. 341 p.
14. Demyankov V. Z. *Semiotika sobytinosti v SMI* [The semiotics of media eventness]. *Iasyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia: ucheb. posobie* [Media discourse as an object of interdisciplinary research: tutorial]. Moscow, 2004. Pt. 2, pp. 68–83.
15. Kostomarov V. G. *Russkii iazyk na gazetnoi polose: Nekotorye osobennosti iazyka gazety* [Russian language in newspapers: Some features of press language]. Moscow, 1971. 268 p.
16. Zheltukhina M. R. *Tropologicheskaiia suggestivnost' massmedial'nogo diskursa* [Tropological suggestibility in mass-media discourse]. Moscow; Volgograd, 2003. 656 p.
17. Dubin B. V., Tolstykh A. V. *Fenomenal'nyi mir slukhov* [The phenomenal world of rumors]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological researches]. 1995, no. 1, pp. 17–20.

Статья поступила в редакцию 1.12.2015.

В. И. Жельвис
Ярославль, Россия

V. I. Zhelvis
Yaroslavl, Russia

БОГОХУЛЬСТВО КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР

BLASPHEMY AS A SPEECH GENRE

Аннотация. В настоящее время проблемы генристики привлекают значительное число исследователей. Помимо всего прочего, возникает и дополнительная проблема расширения или сужения концепта «жанр». В статье предлагается включить в это поле понятие богохульства, так как само действие в данном случае предполагает определённое намерение, стремление заявить собственную позицию и одновременно опорочить позицию оппонента. Под богохульством в статье понимается любое поношение религиозных символов в виде вербальной атаки, нарушения религиозных норм и правил, физического осквернения святынь, равно как и в виде антиклерикальной деятельности. Приводится классификация соответствующей активности. Проведён анализ богохульных надписей на стенах нью-йоркского метрополитена. Делается общий вывод о снижении роли христианства в странах Запада и, как следствие, снижение агрессивной силы богохульства. Проводится сравнение результатов активной государственной антирелигиозной пропаганды в СССР и полного отсутствия в этом отношении роли государства в западноевропейских странах, при практически одинаковом исходе. Подобное отношение к богохульству противопоставляется резко враждебному отношению в исламских странах.

Ключевые слова: жанры речи, богохульство, атеизм, государственная политика

Abstract. At present the problem of genristics attracts attention of a considerable number of philologists. Among other things, a separate problem arises, that of widening or narrowing of the notion of genre as a concept. The author considers it advisable to include blasphemy in the wider field of a genre, as blasphemy presumes an intention to declare the atheist stand of the speaker and, simultaneously, to discredit the position of the opponent. In the article blasphemy is defined as any kind of defamation of religious symbols, be it a verbal attack, violation of religious norms and regulations, physical destruction of holy objects as well as anticlerical activities. A classification of such activities is offered. An analysis of blasphemous inscriptions on the walls of New York subway is carried out. The author concludes that as the role of Christianity in the Western world is on the decline, the aggressiveness of blasphemous activities is proportionally decreasing too. The article compares the results of the atheist policy of the authorities in the Soviet Union to theneutral policies of the Western world and points out that the effect was virtually the same. The policy of non-involvement of the state is contrasted to the clearly hostile attitude to blasphemy in Islamic countries.

Key words: speech genres, blasphemy, atheism, state policy

Сведения об авторе: Жельвис Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков.

Место работы: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com

About the author: Zhelvis Vladimir Ilich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Literatures and Languages.

Place of employment: K.D. Ushinsky State Pedagogical University.

Проблема богохульства объемна, сложна и многообразна. Даже его определение достаточно запутанно. Совершенно неверно считать, что под богохульством подразумевается чисто вербальное поношение Божественных сил, например, русский или венгерский мат типа ...в бога-душу-крест мать! Богохульство – это любое событие, оскорбляющее чувства верующих – ср., например, известный евангельский эпизод: «И видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои. При том некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует» (Матф.9, 2–3). Богохульно сомнение в истинности Святого Писания, бо-

гохульно сомнение в чудесах, творимых Христом, и т.д. и т.п.

Аспект нашего анализа коммуникативно-прагматический и речевжанровый: с нашей точки зрения, для адекватного понимания богохульства следует учитывать не только собственно семантику вербальной формулы, но и прагматическую семантику (кому, в связи с каким контекстом, фоном и в расчете на какую реакцию это произносится), при этом и произносимая форма, и ситуация, и реакция общества в определенном смысле типичны.

Богохульными считаются любые карикатуры, в смешном виде изображающие Бога и святых, богохульны сатирические произведе-

дения на религиозные темы. Совершенно необязательно, чтобы в таких произведениях использовались неприличные слова. В «Настольной книге священнослужителя» (1983) можно прочесть: «Особенно распространены обычаи божбы и поминовения всуе имени Божия или Пресвятой Богородицы <...>, которые используются для придания фразе большей эмоциональной выразительности: «Бог с ним!», «Ах ты, Господи!» и т.д. Ещё хуже – произносить имя Божие в шутках, и уж совсем страшный грех совершает тот, кто употребляет священные слова в гневе, во время ссоры, то есть наряду с ругательствами и оскорблениями <...>. Призывание нечистой силы (чертыхания) в гневе или в простом разговоре также греховно» [1 : 267–268].

Матерные идиомы с упоминанием имени Бога считаются и вовсе чудовищным оскорблением. И это несмотря на то, что по правилам современной русской орфографии слово бог в подобных случаях следует писать со строчной буквы как утратившее первоначальное сакральное значение.

В этом отношении можно говорить о нескольких тенденциях в различных ветвях христианства. С одной стороны, считается, что на богохульства следует просто не обращать внимание, ибо «Бог поругаем не бывает»: Бог так велик, а человек слишком ничтожен, чтобы его хула на Бога могла иметь хоть какой-нибудь вес. Бог не нуждается в защите от человека.

В протестантизме, особенно в пуританизме, распространено мнение, что самое важное – это *Christ within* «Христос внутри» в человеческом сознании, отчего отвергается всякое посягательство на веру отдельного человека со стороны церковных или светских властей. Даже авторитет Библии в этом плане подвергался сомнению – учиться следует не по Библии, а непосредственно обращаясь к Богу. В нашем сознании, в сердце должны найти место и Христос, и Библия, т.е. *within*, в нашем я, а не вне, в виде книги, даже Священном Писании. Явное богохульство, с точки зрения других ветвей христианства.

Соответствующее русскому богохульству английское *blasphemy* предельно общий термин. Он восходит к латинскому и греческому значениям «(любое) поношение», «клевета», «обзывание», то есть понимается гораздо шире, чем религиозная инвектива «хула на Бога». В онлайн-словаре *Merriam Webster Dictionary and Thesaurus* в статье *Blasphemy* выделяются:

1. а) оскорбительное действие или выражение презрения или отсутствие по-

чтения по отношению к Богу; б) претензия на наличие у человека Божественных качеств;

2. Непочтительность по отношению к чему-либо, считающемуся священным или непоколебимым.

В соответствии со вторым значением, отмеченным в словаре, Р. Вебстер (R. Webster), автор монографии *A Brief History of Blasphemy* [2], склонен считать *blasphemous* даже антисоветские действия русских диссидентов и вообще любые посягательства на государственную идеологию. Если рассматривать эпоху СССР, то хорошо просматриваются параллели между Великим Вождем Всех Народов и Богом, между святыми апостолами и членами Политбюро, Библией и «Кратким курсом истории ВКП (б)». Соответственно критику той и другой стороны можно рассматривать как *blasphemous*. Назвать ее богохульством, по понятным причинам, невозможно, ни при советской власти, ни сегодня.

Вербальные оскорбления в адрес любого сакрализованного понятия Webster называет *blasphemous profanity* [2].

По своему характеру вербальные богохульства можно подразделить на несколько групп:

1. Прежде всего, это «простое» название имени Бога, святых и т.д., когда только контекст, место коммуникации и соответствующая интонация позволяют отличить богохульство от употребления слова в священном смысле, например, в церкви, в тексте молитвы и т.п. Ср. рус. «Боже!», «Святые угодники!», «Мать Божия!»; англ. *God Almighty!*, *Jesus Christ!* *Holy Virgin!*; нем. *Herr Gott!* *Himmel!* *Kruzufux!*; фр. *Bon Dieu!* *Nom de Dieu!*; итал. *Madonna!* *Ostia!* *Vergine Sante!*; исп. *Cuerpo de Dios!* *Ostia sagradas!*; чеш. *Hergot!* *Sakra!* *K sakru!*; лит. *O dangau!* *Dievas!* *Yeso christo!*; польск. *Jesusmaria!* *Sakra!*

2. Называние дьявола, ада, вообще любых «сил зла». Ср. рус. «Чёрт!», «Дьявол!», «Чёрта с два!»; англ. *Damnation!*; нем. *Teufel!*; итал. *Diavolo!*; финн. *(Voi) saatana!* *(Voi) piru!*; эст. *Kurat!*; швед. *Faan ockse!* *Javlar!* *Helvete!*; голл. *Verduiveld!* *Duivelin!*

3. Всевозможные «отсылания». Ср. рус. «Иди ты к богу (в рай)!», «Пошёл к чёрту!»; англ. *Go to hell!*; нем. *Zum Teufel (zum Satan, zum Holle)*; ит. *Vai al diavolo!* В шведском языке кроме обычных «отсыланий» возможны и весьма неординарные: *Du kan dra åt skogen!* «Пошёл ты в лес!»; в шведском лесу водятся черти-тролли, так что смысл здесь тот же – «Пошёл к чертям!» Ещё экзотичнее *Du kan dra dit pepparn växer!* –

«Иди туда, где перец растёт!» Перец растёт на юге, в климате, который северянам-шведам кажется отвратительным, так что и здесь адрес прежний.

Приблизительно то же – у норвежцев: *Dra til Bloksberg!* – «Пошёл ты в Блоксберг!», то есть туда, где, по преданию, обитают ведьмы.

По-видимому, эстонское отсылание «в лес» – *Mine metsa!* имеет аналогичное значение. Правда, у эстонцев есть и другие, более загадочные адреса, где они хотели бы видеть своих оппонентов: *Sõida seenele!* – «Езжай на гриб!», *Minbe kuu peale!* – «Иди на Луну!», *Tõmba uttu!* – «Тяни в туман!» Впрочем, они все отсылают подозрительно далеко и вряд ли сильно отличаются от отсылания к чертям.

4. Проклятия. Ср. рус. «Будь ты проклят!», «Гореть тебе в аду!»; англ. *God damn you!*; нем. *Verdammt er Kerl!*; швед. *Ta mig fan!* – «Чёрт меня поберет!»

5. Всевозможные сочетания священных наименований с наиболее сниженными, непристойными, табуированными, обязательно содержащими табу-семы: таковы, например, рус. «Ё* твою в бога (душу, господу душу, христа-спасителя и т.п.) мать!»; ит. *Porca Madonna!*, *Porco Dio!* *Madonna di bordello!* *Madonna fututa!* *Dio mrd!*; фр. *Bon Dieu de putain de grace!* *Bon Dieu de merde!*; исп. *Con Dios y con la Virgen!* *Me cago en toda la Virgen!*

Иногда табуированное слово выглядит как часть священного, но содержащего нечто вроде табу-суффикса: ср. нем. *Kruzifix!* вместо *Kruzifix!* или *Hurement* вместо *Sakrament!*

6. Простое наименование священных сил может быть превращено в божбу путем обращения к традиционной форме любой клятвы. При этом слово «Клянусь» может опускаться как само собой разумеющееся. Ср. англ. *By our Lady!*; исп. *Por vida de Dio!* *Por los clawos de Cristo!*

7. Можно отметить традиции использования в инвективном смысле имен древних языческих божеств, явлений природы, ассоциируемых с этими божествами и т.д. Значительная часть идиом этой группы ведет происхождение из глубокой древности, другая часть представляет собой прозрачные эвфемизмы. Ср. англ. *By Jove!*, фр. *Tonnere de Dieu!*, нем. *Donnerwetter!*, финн. *Perkele!*, лит. *Po perkunais!*, польск. *Perunja!*

Естественно, что роль богохульства в национальной культуре прямо пропорциональна религиозности общества, ибо нарушение слабого табу не в состоянии вызвать

резкий шок, а значит, соответствующая идиома не может быть достаточно сильной.

В этом отношении интересно сравнить языки шведский, голландский и африкаанс. Отношение шведов к богохульству довольно легкомысленное, чего никак нельзя сказать о голландцах, у которых есть даже активно действующее «Общество борьбы с бранью» («Bond regen het vloeken»). Естественно поэтому, что самое грубое голландское ругательство – *Godverdomme!*, то есть нечто весьма близкое англ. *Goddam(n)!* Голландская инвектива всегда пишется с заглавной буквы – свидетельство того, что слово *God* воспринимается и сегодня как имя Бога. Представление о грубости этого выражения в Голландии можно составить по тому, что англоязычные народы ассоциируют его с чудовищным английским *Jesus fucking Christ!*

Но и такое положение с богохульствами – еще не предел. Исторически сложилось так, что в Южной Африке, стране языка африкаанс, генетически восходящего прежде всего к голландскому, гораздо сильнее, чем в Голландии, влияние жесткого, ригоричного кальвинизма, откуда и еще более резкое восприятие богохульств. Аналогичные богохульные инвективы воспринимаются в Южной Африке намного резче. Самое сильное ругательство на африкаанс – *Goeie God!* 'Добрый Боже!'. В голландском языке оно тоже распространено, но воспринимается довольно спокойно. В шведской же культуре к такому восклицанию могут прибегнуть даже священники, и такое их поведение останется не замеченным окружающими¹.

Борьба с богохульством восходит к древним временам и эпохам. Объем статьи не позволяет подробно описывать отдельные этапы этой борьбы, среди которых были сравнительно толерантные периоды и периоды жестокие и кровавые. Для дальнейшего изложения целесообразно отметить сравнительно недавние времена, например, яростную борьбу с инакомыслием католиков и протестантов, особенно кальвинистов; стоит вспомнить филиппики Лютера, знаменитые споры христиан и иудеев, остроумно и зло описанные в стихотворении Г. Гейне «Диспут», где на вопрос короля, кто прав, королева отвечает: *Welcher Rech hat, weiß ich nicht – Doch es will mich schier bedünken, Daß der Rabbi und der Münch, Daß sie alle beide stinken* (В поэтическом переводе: «Я не знаю, кто тут

¹ Более подробно о богохульствах см. [2: 221–237].

прав, – пусть другие то решают, но раввин и капуцин одинаково воняют»).

Для российского читателя очень существенно вспомнить, что советский период нашей истории отмечен воинствующим атеизмом на государственном уровне. Опуская общеизвестные преследования церкви, уничтожение храмов, расстрелы священников и т.п., которые уже не укладываются в понятие «просто богохульства», укажем на существование в течение многих десятилетий антирелигиозной литературы типа газеты и журнала «Безбожник». Рассчитанная на рядового или даже не вполне грамотного читателя, эта литература изобиловала грубыми антирелигиозными насмешками и издевательствами. Правда, что характерно, авторы обоих «Безбожников» прежде всего поносили не столько христианскую религию, сколько служителей церкви, физически близких крестьянству и рабочему классу. То есть борьба носила характер прежде всего антиклерикальный, власти боролись с «чуждым пролетариату» классом, а уж потом с религией.

В капиталистических странах, разумеется, ничего подобного не происходило, государство не тратилось на антирелигиозную пропаганду. Более того, отношение к религиозным святыням оставалось всегда или подчёркнуто уважительным, или, как минимум, нейтральным.

Тем интереснее, что в результате такой разной политики процент верующих в СССР и на Западе, в конечном счете, стал приблизительно одинаковым, упав до нескольких процентов от всего населения.

Однако позже в России все пошло по иному пути. Постсоветские власти попытались найти в церкви союзника и, соответственно, дали всем религиозным течениям «зеленую улицу». Ни о какой антирелигиозной пропаганде нынче нет и речи. Недавняя скандальная история с «кошунницами» из панк-группы «Пусси Райот» показала, что власти ударились в другую крайность, преследуя даже незначительные покушения на религиозные традиции.

И совершенно другая ситуация наблюдается сегодня в странах западной цивилизации. Гражданские власти остаются сочувствующими или нейтральными, зато активно поднимают голову атеистические силы. В американском журнале *Maledicta*, посвященном изучению всех возможных вариантов вербальной агрессии, напечатано исследование надписей-граффити на плакатах различных религиозных организаций, расклеенных на станциях нью-йоркского метрополитена. Ниже предлагается клас-

сификация этих надписей, наглядно демонстрирующая отношение западного общества (разумеется, не самых «высоких» его слоёв) к основным постулатам христианства. Всех их, хоть и в разной степени, можно отнести к группе *blasphemous profanity*, то есть вербальному богохульству.

Оскорбления непосредственно религии. На плакате *Religion in America* («Религия в Америке») дописано: ... *is a farce* («является фарсом»).

Вот несколько характеристик Бога, ограничивающихся прямыми оскорблениями:

God is a 6,000 foot tall red jellybean! (Приблизительно: «Бог – это длинная красная карамелька в 600 тысяч футов величиной»). На этом же плакате якобы от имени Бога написан ответ: *No, I'm not!* («Нет, а не такой!»).

Надпись *God was a Commie* трудно перевести, так как *Commie* – непочтительное наименование коммуниста. Ближе всего «Бог был коммунякой».

На киноафише было написано *Christ was a homosexual* («Христос был гомосексуалистом»). На плакате *Christ the Lord* («Господь Христос») дописано *The First Antisemite* («Первый антисемит»).

Мало отличается от них надпись, пародирующая традиционное *Christ died for our sins* («Христос умер за наши грехи») – *King Kong died for our sins*, где имя Господа кощунственно заменяется на имя знаменитой гигантской кинематографической обезьяны.

Издевательски звучит надпись, пародирующая плакат, афиширующий какой-нибудь ресторан: *God is omnivorous. Chitlin's, bagels, pizza, even enchiladas* («Бог всеяден»). Далее перечисляются съестные продукты американского, мексиканского и еврейского происхождения).

Сходным образом следующая надпись напоминает о частных объявлениях, расклеиваемых на углу улицы или внутри какого-нибудь небольшого местного магазина. На призыв *Call on Jesus now* («Обратись ко Христу прямо сейчас») граффитчик откликается, обыгрывая слово *call*, которое может означать также и «позвони по телефону»: *If no one answers, leave a message at the candy store* («Если трубку никто не берёт, оставьте объявление в кондитерской лавочке»).

Плакаты, возвещающие о пришествии Христа, могут сопровождаться надписями вроде *Why so late?* («Отчего так поздно?») или *Jesus Christ has been delayed* («Иисус Христос задерживается»).

Несколько подробнее стоит рассмотреть граффити *Jesus is always here! That's why*

it's so special when Kilroy shows up! («Иисус всегда с нами! Вот почему так прикольно, когда нам является Килрой!»). Дело в том, что выражение *Kilroy was here* приблизительно соответствует русскому граффити типа «Здесь был Вася», с той разницей, что эту надпись всюду, где можно, оставляли преимущественно американские солдаты. Богохульная надпись подразумевает, таким образом, что мифический Килрой в чем-то интереснее Христа, так как последний с нами всегда, а чтобы встретить Килроя, иногда приходится потрудиться...

Авторы граффити обвиняют Бога в некомпетентности: *God is a dreamer* («Бог – бесплодный мечтатель»). В другом случае явно звучит сарказм: *The Creator made the world – come and see it* («Создатель сотворил мир – придите и полюбуйте!»).

Бог обвиняется в том, что он не заботится о судьбах национальных меньшинств в США: *God is not Irish* («Бог – не ирландец!»). На постере, гласящем *I am thy God. I will help you. I will uphold you* («Я твой Господь. Я помогу тебе, Я поддержу тебя»), красуется добавление: *If you're white and middle-class* («Если ты белый и принадлежишь к среднему классу»).

Иногда авторы пускаются в полемику с известными библейскими изречениями. На постере Нью-йоркского Библейского Общества печатный текст *Man shall not live by bread alone, but by every word of God* («Не хлебом единым жив человек, но словом Божиим») сопровождается комментарием: *But bread comes first, and if it doesn't the word of God is not worth an empty shell* («Но на первом месте – хлеб, а если это не так, слово Божье не стоит выеденного яйца» букв. «пустой ракушки»).

В некоторых надписях угадывается политический дискурс: *Is God on your side of the barbed wire?* («По твою ли сторону колючей проволоки находится Бог?»). Другим почерком добавлено: *No – but he's not on your side, either* («Нет, но и не по твою»).

Оскорбления могут относиться к религии ковенно, через ее адептов: *Christians have a fat head* (приблиз. «Христиане придурки»). На пасхальном постере появилась надпись *For morons* («Для дураков»).

В ряде надписей заявляется, что Бог нужен только слабакам: *Weaklings use Religion as a crutch* (Религия нужна слабым людям в качестве костыля»). *Man created God in his image* («Человек сотворил Бога по своему подобию»).

Граффитчики не щадят и Божию Матерь: Наряду со сравнительно безобидным в силу своей очевидности *Virgin Mary was a*

Jewess («Дева Мария была еврейкой») встречается и *God is dead, but don't worry, the Virgin Mary is pregnant again* («Бог умер, но не переживайте: Дева Мария опять беременна»).

Остается рассмотреть вопрос о разительной разнице распространения богохульства в странах Запада и в России. Можно предположить, что подобная критика за рубежом не базируется на желании серьезно рассмотреть и оспорить христианские догмы. Скорее причина здесь кроется в глубокой социальной неудовлетворенности низших классов общества, остром ощущении ими социальной несправедливости и, как следствие, в стремлении «разрушить весь мир насилья». Авторам граффити ненавистна не религия как таковая, а включающий ее в себя весь буржуазный мир.

Одновременно не стоит игнорировать и острые противоречия между различными ветвями западного христианства, где ортодоксальные постулаты подвергаются левацкой критике. Как пишет Р. Вебстер, «*Мы фактически возвели богохульство (blasphemy) на трон как ортодоксальную часть современной христианской теологии*». *Blasphemy* здесь рассматривается как средство борьбы с религиозным экстремизмом.

Как выглядит в этом свете положение в русской культуре? Выше уже отмечалось крайне негативное отношение русского духовенства к матерной ругани. Считается, что мат оскорбляет сразу трех матерей: Божию Матерь, мать-сыру-землю (в нынешнем понимании – землю своей родины) и собственную мать сквернословя. (Подробно о сквернословии в языках мира см. [3 : 221–237]). Однако совершенно очевидно, что в своем современном состоянии русский мат – всего лишь вульгарная эксплетива, и матерящийся меньше всего думает о том, что оскорбляет религиозные символы и святыни.

Таким образом, можно, казалось бы, констатировать, что современные русские практически не богохульствуют. Что очень странно, если помнить, что, несмотря на малый процент «настоящих» верующих, этика русского народа густо замешана именно на христианских ценностях и, казалось бы, сквернословие с включением оскорблений в адрес церкви и религии должно выглядеть как нарушение очень сильного табу и, как следствие, считаться поистине устрашающей бранью. Но чего нет, того нет.

В качестве возможных объяснений этого феномена можно предложить две противоположные гипотезы. Первая – это предпо-

ложение, что многовековые религиозные традиции русского народа настолько живучи, что даже после семидесяти лет атеизма табу на оскорбление Высших Сил остается очень стойким. Протест же против социальных несправедливостей идет по иному, нежели на Западе, пути и не затрагивает религиозные чувства народа.

Вторая гипотеза, наоборот, исходит из того, что, осознают матерщинники это или нет, но русский мат продолжает сохранять свою «взрывчатую силу», в том числе направленную и на ниспровержение христианских святынь. В таком случае русское богохульное сквернословие отличается от западного только тем, что оно не осознается (или не вполне осознаётся) как таковое.

В задачи данной статьи не входило подробное рассмотрение богохульства за пределами христианского мира. Укажем лишь, что в исламских странах богохульство понимается еще шире, чем в странах, испытавших влияние римского права. Мусульмане считают, что поругание пророка Мухаммеда – более страшный грех, чем даже поругание Аллаха, ибо, согрешив, Аллаха можно просить о прощении, в то время как Пророк мертв и прощения здесь ждать неоткуда. Широко известны волнения в мусульманских странах, вызванные появлением в христианском мире карикатур на Пророка, книги Салмана Рушди *Satanic Verses*, попытки осквернения Корана и т.п. Часто подобные акты кончаются осуждением виновных на смерть. Арабская пословица гласит: «Убей меня, но не смей издеваться над моей верой».

Ввиду того что влияние христианской религии идёт на убыль, гнев властей держащих в адрес богохульников невелик и нередко носит характер мягкого порицания. Времена, когда за богохульства, даже только вербальные, вырывали языки или сжигали на кострах, миновали, надо полагать, навсегда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Настольная книга священнослужителя : в 8 т. Т. 4. М. : Изд-во Московской патриархии, 1983. 5685 с.
2. Webster R. *A Brief History of Blasphemy*. Southwold : The Orwell Press, 1990. 152 p.
3. Жельвис В. И. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира : 2-е изд., перераб. и доп. М. : Ладомир, 2001. 352 с.
4. Read A. W. Folk Criticism of Religiosity in the Graffiti of New York City // *Maledicta. The International Journal of Verbal Aggression*. Vol. X. Waukesha, WI, 1989. P. 15–30.

REFERENCES

1. *Nastol'naya kniga svyashhennosluzhitelya: v 8 t.* [Handbook cleric: 8 V.]. Iss. 4. Moscow, 1983. 5685 p.
2. Webster R. *A Brief History of Blasphemy*. Southwold, 1990. 152 p.
3. Zhelvis V. I *Skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Swearing as a social problem in the languages and cultures of the world]. 2nd. ed., revised and add. Moscow, 2001. 352 p.
4. Read A. W. Folk Criticism of Religiosity in the Graffiti of New York City. *Maledicta. The International Journal of Verbal Aggression*. Vol. X. Waukesha, WI, 1989, pp. 15–30.

Статья поступила в редакцию 12.05.2014.

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 808.51+82-15
ББК 83.7

В. П. Москвин
Волгоград, Россия

V. P. Moskvin
Volgograd, Russia

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ХРИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ТИПОЛОГИЯ

THE SPEECH GENRE OF CHREIA: HISTORICAL BACKGROUND AND TYPOLOGY

Аннотация. Рассмотрены и систематизированы виды хрии как дидактического жанра (декларативная, ответная, классическая и др.), в том числе и те её типы (хриод, этология, двойная хрия и др.), описания которых отсутствуют в отечественной научной литературе; уточнено место хрии в системе смежных категорий: а) жанров – таких, как гнома, притча, басня и поговорка; б) фигур речи, прежде всего дескрипции и аллегории. По античным (греческим и латинским) источникам изучена и дополнена история вопроса.

Ключевые слова: риторика, хрия, нарратив, цитирование, интертекстуальность.

Abstract. The paper explores various types of chreia (declarative, responsive, scholastic, etc.) as a didactic genre. These various types include those that are still unresearched in the Russian linguistic literature, e.g., chriod, ethology, double chreia, and others. This language phenomenon is analyzed and systematized and its correlation with a system of adjacent categories is specified. Chreia is juxtaposed to a) genres, such as gnome, parable, fable, and proverb; b) figures of speech, primarily to description and allegory. The historical background of chreia is studied and clarified on the basis of antique (Greek and Latin) sources.

Key words: rhetoric, chreia, narration, citation, intertextuality.

Сведения об авторе: Москвин Василий Павлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ).

E-mail: vasmoskvin@yandex.ru, vasily-ms@yandex.ru

About the author: Moskvin Vasily Pavlovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Methods of Teaching.

Place of employment: Volgograd State Social Pedagogical University (VGSPU)

Научный анализ объекта принято начинать с рассмотрения истории вопроса; при пропуске данного шага анализ не может претендовать на достаточную степень адекватности. История изучения хрии, одного из традиционных понятий риторики, начинается с целого ряда античных текстов, к сожалению, не переведённых на русский язык, чем, видимо, объясняется очевидная неполнота описания в отечественной специальной, в частности учебной литературе: а) истории вопроса; б) видов хрии. Следствиями данного обстоятельства являются: а) отсутствие современной типологии видов хрии как немаловажной части общей типологии дидактически релевантных жанров; б) неопределённость места хрии в системе смежных категорий. Цель настоящей статьи состоит в восполнении данного пробела; актуальность исследования определяется, как следует из сказанного выше, потребностями практической риторики.

Хрия обычно трактуется как краткий рассказ о каком-либо происшествии, использу-

емый с целью дидактического разъяснения, т.е. «суть хрии есть наставление (διδασκαλία)» [1 : 585]. Из этой дефиниции следует, что в функциональном отношении хрия является жанром назидательной речи. Этимологию термина хрия принято связывать с понятием пользы: «Названа так хрия прежде всего потому, что она, помимо всего прочего, полезна для жизни (χρειώδης ἐστὶ τῷ βίῳ)» [2 : 67], ср. греч. *χρειώδης* 'полезное', *χρεία* 'использование'. Отсюда один из вариантов перевода термина хрия на латынь, который встречаем, в частности, в грамматике Присциана (V / VI вв. н.э.): «usus» [3 : 429]. Вместе с тем, хрия демонстрирует возможные последствия неверных действий и учит, как их избежать, отсюда, на наш взгляд, не менее актуальная для прояснения как сути, так и генезиса данного жанра этимологическая связь с понятиями предсказания и совета [*χρέως* 'дело, польза', 'долг; долг перед природой, смерть, судьба', 'предсказание судьбы', *χράωμαι* 'советовать с оракулом'].

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов».

© Москвин В. П., 2015

Как рассказ о происшествии хрия представляет собой разновидность прагматографии [греч. *πράγμα* 'действие', *γράφω* 'описываю'] – типа описания события, т.е. хрия есть форма повествования. В античной риторике хрия рассматривается после нарратива и басни, от которых ее отличает лишь то, что хрия «требует более изощренного членения (ποικιλωτέραν διαίρεσιν)» [4 : 458–459]. Поскольку описания является приемом, хрия ex definitio относится к разряду фигуративных жанров.

Вслед за филологами поздней античности, прежде всего Гермогеном, Теоном и Авсонием, принято различать три типа хрий: практические (πρακτικά), вербальные (λογικά) и смешанные (μικτά) [2 : 67–68; 1 : 585]. Противопоставим данные типы семиотически, т.е. по характеру знака-носителя, который может быть: а) невербальным; б) вербальным.

Практическая хрия представляет собою дидактически значимый *невербальный* акт: «Однажды Диоген, увидев мальчика, который вел себя дурно, побил его воспитателя». Назидательное действие здесь, по мнению Гермогена из Тарса (ок. 160–230), – «побил воспитателя (παῖδα ὠυόν)» [6 : 19]. М. В. Ломоносов приводит такой пример: спартанцы, «стараясь детей своих научить трезвости..., приводили их к пьяным рабам, чтобы смотря на толь гнусное позорище, от вина отвращение имели» [5 : 296]. Здесь назидательное деяние – «приводили детей к пьяным рабам». Как видим, практическая хрия не предполагает обязательного словесного сопровождения.

Смешанной хрией именуют *вербальное* описание дидактически значимого *невербального* акта: «Когда философа Пифагора спросили, насколько продолжительна жизнь человеческая, тот влез на крышу и выглянул оттуда, показавшись на мгновение; знаменовало сие деяние жизни краткость» [2 : 70–71]. На этом же виде хрии основано стихотворение А. С. Пушкина «Движение», описывающее спор Зенона Элейского с Антисфеном (V в. до н. э.):

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.

Другой смолчал и стал пред ним ходить.

Вербальная хрия представляет собой исключительно *словесное* поучение, не предполагающее использования дидактически значимых невербальных действий. Среди вербальных хрий авторы разных лет и эпох различают три основных типа, которые можно противопоставить тематически:

1. Хриод. Квинтилиан, отмечая, что «даже в действиях людей, как некоторые полагают, может содержаться хрия», рассматривает хрию и, в частности, хриоды («χρηϊώδες») в одном разделе с басней и повествованием¹. Судя по примеру, который он приводит, под хриодом следует понимать «рассказец (narratiuncula)», рекомендуемый либо порицающий тот или иной поступок либо поведенческий образец: «Геракл, привыкнув носить на себе каждый день теленка, кончил тем, что стал таскать быка» [7 : 100]. Подобные «рассказцы» известны нам: а) по некоторым пословицам: *Начал за здравие, а свел за упокой; Авоськал, авоськал да и до авоськался; Метил в ворону, а попал в корову; Ладил мужичок челночок, а свел на ухвертку*; б) по отдельным басням Эзопа:

Один богатый афинянин вместе с другими плыл по морю. Поднялась страшная буря, и корабль перевернулся. Все остальные пустились вплавь, и только афинянин без конца взывал к Афине, обещая ей бесчисленные жертвы за свое спасение. Тогда один из товарищей по несчастью, проплывая мимо, сказал ему: «Афине молись, да сам шевелись».

Так и нам следует не только молиться богам, но и самим о себе заботиться.

2. Этологию [греч. *ἠθολογία* 'изображение характера' < *ἦθος* 'нрав', ср. *ἠθολόγος* 'мим, исполняющий характерные роли'], которую Квинтилиан ставит в один ряд с басней и хрией и трактует как характеристику лица («ethologia personis continentur»), а его комментатор – как вид хрии («nam Ethologia species est chriae») [8 : 99], т.е. считает этологию назидательным жанром, – видимо, вслед за Сенекой, который определяет ее как наставление, состоящее в «описании... добродетели и порока (descriptio... cuiusque virtutis ac vitii)», указывая на то, что именуют данный тип описания и характеристикой², например: «Воздержан тот, кто делает это, а того сторонится (abstinet)» [10 : 98]. Краткие «рассказцы», содержащие дидактически значимые описания (или, по Сенеке, «примеры» и «образцы») характеров, также находим: а) среди пословиц: *Скупой платит дважды; Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет*; без номинации этоса: *У Фили пили, да Филю и побили; Девушка Гагула села пряхь да и заснула*;

¹ Отсюда традиция рассмотрения хрии как части учения о повествовании и периоде.

² Ср.: «Χαρακτηρισμός. Подобно тому как художник красками образы живописует, так и оратор чрез сию фигуру изображает либо недостатки, либо достоинства того, о ком речь ведёт» [9 : 16].

Глазами плачет, а сердцем смеется; б) среди басен Эзопа:

Была у человека жена, нрава которой никто вынести не мог. Решил он проверить, будет ли она так же вести себя и в отцовском доме, и под благовидным предлогом отослал ее к отцу. Через несколько дней она вернулась, и муж спросил, как ее там приняли. «Пастухи и подпаски, – отвечала она, – смотрели на меня очень сердито». – «Ну, жена, – сказал супруг, – уж если на тебя сердились те, кого с их стадами и дома не бывает с утра до вечера, то что скажут другие, от кого ты целый день не отходила?»

Примерами развернутых этологий являются литературные дескрипции положительных и отрицательных героев (Чацкого, Молчалина, Плюшкина, Ноздрева и др.), выполняющие функцию социально значимых морально-поведенческих ориентиров.

3. Сентенциальная хрия – рассказ о сентенции (гноме, афоризме). Хрии данного типа различаются по способу предъяснения сентенции:

А. Декларативная хрия [греч. *ἀποφαντικὸν*, англ. *sayings chreia*, букв. 'пословичная'] описывает обстоятельства и причины, вызвавшие появление ставшего «необходимым» [ср. лат. *sententia necessaria*], крылатым, т.е. вошедшим в поговорку высказывания известного лица:

Однажды авва Макарий застал в своей келии вора, который грузил его вещи на стоявшего у келии осла. Не подав вида, что он хозяин этих вещей, преподобный стал молча помогать увязывать поклажу. Отпустив его с миром, блаженный сказал себе:

– Мы ничего не внесли в этот мир, ясно, что ничего не можем и унести отсюда. Да будет благословен Господь во всем! (Библейская притча «Авва и вор»).

Б. Ответная хрия [греч. *ἀποκριτικὸν*, ср. англ. *responsive chreia*] предъясняет сентенцию как ответ известного лица (греч. *ἀποφώνημα*, лат. *sententia responsiva*), обретший статус крылатых слов, афоризма [cf. 12 : 43]:

На вопрос, как изжить преступления среди людей, Солон ответил:

– Нужно, чтобы пострадавшим и не пострадавшим было одинаково тяжело.

Можно ли считать «рассказ о гноме» [4 : 460], т.е. «рассказец» о речевом событии, видом нарратива в современном понимании этого термина? Считается, что нарратив возникает, если как минимум между двумя событиями «обнаруживается темпоральная связь (temporal juncture)» [11 : 28]. Если счи-

тать вопрос и ответ темпорально связанными событиями, то ответная хрия вполне соответствует формуле нарратива « $E_{T1} \rightarrow E_{T2}$ ($\rightarrow E_{T3} \dots$)», где «E» – событие, «T» – время, « $E_{T1} \rightarrow E_{T2}$ » – нарративный минимум. Заметим, что при описании действий и деталей, сопровождавших повествуемое речевое событие, ответная хрия может принимать пространственный характер, обретая более видимые признаки нарративного текста. Распространение такой хрии происходит:

а) за счет описания обстоятельств, сопровождавших речевое событие:

Когда к Приене, родному городу греческого мудреца Бианта, приблизились войска персидского царя Кира, жители стали убегать, захватив самое ценное из своего имущества. Один лишь Биант ничего не взял с собой. На вопрос удивленных сограждан, где его вещи, Биант ответил: «Все свое я ношу с собой».

б) за счет ответной части:

Когда император Адриан спорил с философом Фаворином о значении некоторых слов, тот очень скоро с ним во всем согласился. Друзья его вознегодовали по этому поводу, но он ответил: «Смеетесь вы надо мной, что ли? Как может он, начальствуя над тридцатью легионами, не быть учнее меня?» Август писал эпитаграммы на Поллиона: «А я, – сказал Поллион – буду молчать. Неблагодарно писать против того, кто может предписать мне отправиться в ссылку». И оба они были правы. Ибо Дионисий, не будучи в состоянии сравняться в искусстве поэзии с Филоксеном и в красноречии с Платоном, одного приговорил к работам в каменоломнях, а другого велел продать в рабство (М. Монтень. Опыты).

Так называемая «двойная хрия» основана на использовании двух сентенций. В качестве примера Элий Теон, александрийский ритор и софист III в. н. э., приводит такой диалог [2 : 70], имеющий явно центонный характер:

Александр Македонский, стоя над спящим Диононом, спросил:

– Ночи во сне проводить подобает ли мужу совета? <Илиада, 2:24>

Тот, проснувшись, ответил:

– Судьбы народа – в тебе, и подумать бы надо о многом. <Илиада, 2:25>

Мудрое изречение, содержащее зачастую скрытое, не выраженное явно поучение, в греческой риторике именовалось гномой [*γνώμη*, букв. 'суждение', ср. *γνῶσις* 'знание']. Каково различие между гномой (т.е. сентенцией, афоризмом) и хрией? В литературе разных лет эти понятия нередко отождеств-

ляются – либо *de facto*, либо *explicite*, cf.: «*chria scilicet sententia*» ‘хрия, т.е. сентенция’ [13 : 16]; «*chria, sive sententia*» ‘хрия, или сентенция’ [14 : 573], etc. Элий Теон разводит эти понятия: «Хрия всегда связана с определенным лицом, гнома – не всегда; хрия утверждает то всеобщее, то частное, гнома – только всеобщее; далее, хрия иногда есть лишь бесполезное для жизни развлечение, гнома же выражает полезное; наконец, хрия есть действие [имеется в виду практическая хрия. – В. М.] или высказывание, гнома же – только высказывание» [2 : 67]. Точнее было бы считать, что *высказывание* «Все свое ношу с собой» <Биант> является гномой, а краткий *рассказ*, описывающий произнесение этого высказывания (в тех или иных обстоятельствах), – хрией. По отношению к гноме хрия играет роль прецедентного текста; с этой точки зрения гному следует рассматривать как интертекстуальный жанр.

Поскольку хрия регулярно расширяется за счет описания событий и обстоятельств, сопровождавших повествуемое высказывание либо факт (i.e., «ἐκ περὶ τὰς ἑως σύγκειται» [4 : 464]), данный жанр определяется как «амплификация какого-либо факта или изречения» [15 : 99].

Итак, хрия «содержит пример мудрой речи или поступка, достойного подражания» [16 : 35]. Римский поэт и ритор Децим Магн Авсоний (ок. 310–394) определяет хрию как «краткую историю» [1 : 585], Гермоген Тарский – как «историю, связанную с высказыванием или поступком либо с тем и другим, – краткую, но наибольшей пользы ради употребляемую» [6 : 19]. Идентификатор «история (ἱστορικόν γένος, букв. ‘воспоминание, реминисценция’)», на котором построены приведенные определения, этимологически сближает хрию с фигурой анамнесиса [греч. ἀνάμνησις ‘припоминание’] – описания пережитых и запечатлѐнных в памяти событий. При рассказе о вербальном или невербальном действии известного лица хрия усиливается аргументом к авторитету¹.

Как следует из сказанного выше, вербальная хрия бывает: а) простой [англ. *abbreviated chreia*]; б) развернутой [англ. *expanded chreia*], которая «представляет собой амплификацию простой» [17 : XII; cf. : 2 :

67]. Вербальная хрия, развертываемая по следующей жесткой схеме, именуется классической, или строгой. Она, согласно учению Гермогена, включает: 0) название, роль которого играет основной тезис хрии, например: «Корень учения горек, но плод его сладок» (этот пункт ни у Гермогена, ни у поздних авторов не был пронумерован); 1) похвалу (ἐγκώμιον), адресованную автору тезиса: «Это сказал Исократ, мудрый философ» (данный пункт, играющий роль вступления, представляет автора и усиливает его значимость, в результате тезис обращается в афоризм, а значит в довод к авторитету); 2) парафраз (παράφρασις) – популярное истолкование тезиса: «Означает сие, что учеба трудна, однако человек, владеющий знаниями, более успешен в жизни, чем невежда»; 3) указание причин (αἰτίαι) необходимости принятия тезиса: «Ибо лишь чрез упорный труд можно прийти к великим свершениям, а успех приносит удовольствие»; 4) противопоставление возможному антитезису (довод «κατὰ τὸ ἐναντίον», создающий элемент двусторонней аргументации): «Простые дела, в отличие от важных, конечно же, не требуют труда, но они не дают удовлетворения»; 5) сравнение с чем-либо подобным (довод «ἐκ παραβολῆς»): «Подобно тому, как крестьянин должен вырастить плоды, прилагая труд рук своих, так же и во всем остальном, включая и речи»; 6) приведение примеров (довод «ἐκ παραδείγματος»): «Так, Демосфен, закрывшись дома и тяжкому предавшись труду, позже собрал его плоды в виде наград и признания» (как видим, роль примера играет хриод); 7) аргументация к авторитету (довод «ἐκ χρήσεως ἐπιχειρήσει», «свидетельство»): «Гесиод сказал: ««Но добродетель от нас отделили бессмертные боги тягостным потом»»; 8) заключение в виде наставления, например призыва следовать данному тезису [6 : 21–23]. Данную схему, без видимых изменений, позже активно использовали многие другие авторы, в том числе Авсоний [cf. : 1 : 585 ; 18 : 23–25], которому нередко приписывается изобретение классической хрии, отсюда ещё одно её название: *chria Aphthoniana* ‘Авсониева хрия’. Пункты 3–7 представляют собой, по учению византийского ритора Иоанна Доксапатра (XI в.), обоснование тезиса («ἀγών»); некоторые риторы по традиции, восходящей к этому же учению, членят схему Гермогена иначе: а) протасис, или пропозиция (= пункт 0, содержащий сентенцию); б) этиология², «ἐπιχειρήσει» (= пункт 3); в) амплифика-

¹ Рус. термин *аргумент к авторитету* восходит к лат. *argumentum ad auctoritatem*; иная схема терминологического образования применяется в англо-американской традиции: англ. *appeal to authority (to mob, etc.)* является полукалькой лат. *provocatio* [букв. ‘призыв, апелляция’] *ad auctoritatem (ad populum, etc.)*.

² Этиология [греч. αἰτιολογία ‘приведение при-

ция, «ἐρύσσις» (пункты 4–7); г) заключение [19 : 248, 266]. Такая хрия «учит сентенцию доказывать, распространять, применять; первое в этиологии, второе в источниках амплификации, третье в заключении, кои иногда вступлением предварять должно, которое в Авсониевой хрии похвалу автору или сентенции содержит» [20 : 515]. Классическая хрия строится: а) по дедуктивной модели (от тезиса к обоснованию); б) по индуктивной модели (от обоснования к тезису). Первую называют прямой [лат. *chria recta*], вторую – обратной [*chria inversa*], ср.:

Будем же следовать наставлениям мудрых! Гесиод в поэме «Труды и дни» пишет:

Путь не тяжелый ко злу, обитает оно недалеко.
Но добродетель от нас отделили бессмертные боги

Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога,

И трудновата вначале. Но если достигнешь вершины,

Легкой и ровною станет дорога, тяжелая прежде.

Демосфен, закрывшись дома и предавшись тяжкому труду, позже собрал его плоды в виде наград и признания: ибо подобно тому, как крестьянин должен вырастить плоды, прилагая труд рук своих, так же происходит и во всем остальном, включая и произнесение речей. Простые дела, в отличие от важных, как известно, не требуют труда, но они не дают удовлетворения. И лишь упорный труд может привести к великим свершениям, а ведь большой успех приносит немалое удовольствие. Воистину мудро сказал философ Исократ: «Корень учения горек, но плод его сладок».

Развертывание и усиление хрии может происходить: а) вне строгой последовательности элементов, такая хрия называется свободной; б) вне заданного состава элементов (неполная хрия). Пример неполной свободной хрии:

Исократ, мудрый философ седой древности, сказал: «Корень учения горек, но плод его сладок». Так, Демосфен, закрывшись дома и предавшись тяжелой работе, позже, когда стал великим оратором, собрал плоды своего учения в виде наград и признания. Учеба, конечно же, – это огромный труд, однако человек, владеющий знаниями, гораздо более успешен в жизни, чем невежда.

чин'] трактуется как фигура (согласно указаниям некоторых авторов – кратко) указания на причину в целях доказательства или разъяснения, ср.: «*Αἰτιολογία*. Hoc schema efficitur ratione brevi et sententiosa» [9 : 21]. В риториках разных лет данный раздел хрии зачастую именуется неточно: *этиология, этимология, аксиология* и проч.

В отличие от неполной и свободной, полная классическая хрия существует прежде всего как школьное упражнение, т.е. как схема, развивающая определённые риторические навыки, но за пределами школы лишённая жизненной силы, отсюда одно из латинских ее названий: *chria scholastica*, т.е. *школьная хрия*, «названная так, ибо со школы ее использование началось» [20 : 522]. Излюбленным предметом школьной хрии были сентенции Цицерона, отсюда наименование: *chria Ciceroniana* 'Цицеронова хрия'.

Прислушаемся к мнению М. В. Ломоносова: «Хотя у древних учителей красноречия о хрии правил не находим, однако немало есть оных примеров в их сочинениях. Правда, что они по большей части неполны и непорядочны [т.е. имеют свободный характер. – В. М.], однако мне рассудилось, что для образца лучше предложить оные, нежели по предписанным от Автония-софисты правилам, строго от новых авторов сочиненные, из которых почти ни единой путной [курсив наш. – В. М.] видать мне не случилось» [5 : 299–300]. И действительно: в реальной речевой *практике* используется неполная свободная хрия, состав и последовательность частей которой определяется, в зависимости от актуальной коммуникативной ситуации, «по усмотрению оратора» [20 : 521], отсюда ее название: *практическая хрия*.

История классической хрии восходит к рассмотренной выше схеме Гермогена Тарсского. Известны попытки найти ее истоки в более ранних текстах, в частности в «Риторике к Александру» (IV в. до н. э.), приписываемой Анаксимену из Лампсака, а также в анонимной «Риторике к Гереннию» (I в. н. э.) [см., например: 21 : 85–89], однако сопоставление указанных трех концепций приводит к убеждению, что между ними нет ничего общего. Так, Р. Хок и Э. О'Нейл утверждают идентичность пунктов классической хрии и пунктов описанной автором «Риторики к Гереннию» техники экспозиции («отделки» речи). Данная техника, однако: а) предполагает не убеждение и назидание, а украшение и («дабы не наскучить слушателю») варьирование речи; б) рекомендует «активно использовать возможно большее число фигур», в частности: 1) диалогизм (*sermocinatio*); 2) повтор; 3) антитезу; 4) различные типы сравнений; 5) примеры; 6) этопею; 7) просопопею; 8) намек (*significatio*); 9) «демонстрацию», т.е. указание на «то, что предшествовало действию, сопутствовало ему и следовало за ним» [22 : 363–400]. Р. Хок и Э. О'Нейл «превращают» антитезу в довод от противного, пункты (1), (2), (6), (7),

(8) и (9) предусмотрительно пропускают, т.е. в основе их доводов лежат: а) софизм ложного основания; б) софизм изъятия.

Любой жанр строится по набору специфических для него правил, нарушения которых обозначают границы, в пределах которых он может существовать и варьироваться. Исчислив характерные для данного жанра типовые нарушения, мы тем самым выявим требования (т.е. законы жанра), которым должен подчиняться его составитель.

Правило 1. Хрия должна представлять собой интересный рассказ, ибо условие коммуникативной успешности прагматографии – ее занимательность. Вместе с тем, хрия нередко трактуется не как рассказ, а просто как схема доказательства. Например: 1. Протасис: «Детям должно повиноваться родителям». 2. Этиология: «Ибо Господь обещает послушным счастье». 3. Амплификация посредством примера: «Иосиф Египетский повиновался во всем отцу своему Иакову, и впоследствии получил воздаяние». 4. Заключение: «Следовательно, юношество обязано подчиняться родителям». Неполную обратную хрию данного типа рекомендуется строить по двум схемам: а) «этиология + протасис»: 1. Этиология: «Господь обещает послушным счастье». 2. Протасис: «Детям должно повиноваться родителям»; б) «амплификация + протасис»: 1. Амплификация: «Иосиф Египетский повиновался во всем отцу своему Иакову, и впоследствии получил воздаяние». 2. Протасис: «Детям должно повиноваться родителям» [23 : 80–82]. Как видим, в этом типе хрии тезис не обладает статусом афоризма (а значит и силой аргумента к авторитету), сама же хрия полностью лишена признаков рассказа о сентенции, а значит и интереса, который призван возбудить у адресата такой «рассказец», лишенное же занимательности нравоучение не достигнет своей цели.

Правило 2. Нравоучение не должно носить прямой характер, поэтому хрия нередко подразумевает некий тезис или «мораль», о выведении которых должен позаботиться сам адресат (по эвристической формуле «Имеющий уши да услышит»). Давно замечено, что «иные хрии бывают построены как силлогизм, а иные – в форме энтимемы» [2 : 72], имея во втором случае характер косвенного поучения, что бывает отражено в определении хрии как «содержащей намек (ἐπιτό συμβουλευτικόν ἀνάγεται)» [1 : 569]:

– Где все твое богатство и все твои владения? – спросил у Диогена некий правитель.

– У них, – ответил Диоген, показывая на своих многочисленных учеников.

Хрия зачастую имеет затемненный, нарочито неясный характер, что, впрочем, соответствует этимологии термина (греч. *χρέως* ‘оракул, предсказание’). Если автор не уверен, что смысл хрии будет понятен адресату, он может снабдить ее пояснением (в классической хрии эту роль играет парафраза), ср.:

– Где все твое богатство и все твои владения? – спросил у Диогена некий правитель.

– У них, – ответил Диоген, показывая на своих многочисленных учеников и последователей. *Он имел в виду знания, которыми их обогатил.*

Правило 3. Хрия («*σύντομος ἀπόφασις*», «*brevitas commemoratio*», «*narratiuncula*» ‘повествовательница’) представляет собой краткий жанр, ибо: а) не в меру пространное наставление не достигнет своей цели; б) хрия адресована прежде всего детям. Приведем мнение Сенеки: «Легче запоминается <не-что> отдельное, краткое и подобно стихотворной строке сжатое, поэтому мы и задаем мальчикам заучивать сентенции и то, что греки хриями называют, ведь более сложное детская душа еще не может объять» [24 : 236]. В качестве одного из примеров нарушения требования краткости укажем классическую хрию Т. Ф. Марсаля «*In via virtuti nulla est via*» ‘Для доблести нет непроходимых путей’ [25], объем которой, за счет нагнетания причин, доводов от противного, примеров, сравнений и «свидетельств», составил ок. 130 страниц.

Суть понятия проясняется путем определения его места в системе смежных категорий, т.е. путем сравнения с последними. С этой целью рассмотрим:

1. Соотношение хрии (в частности, хриода и этопеи), притчи, басни и пословицы. Выражая через нарратив высокую философскую мысль, религиозную максиму, хрия сближается с притчей, которой не чужд торжественный библейский слог, высокий профетический стиль. Если же хрия выражает бытовую мораль, житейскую мудрость, она может приобрести очертания: а) басни, «коих сюжеты как раз после рассказов кормилицы следуют, а язык повествования прозрачен и над средним стилем не поднимается» [7 : 99] – в случае развернутости и (факкультативно) использования парной рифмы (сближающей басню с народным стихом, в частности раёшником), а также вольного стиха и ямба, соответствующих, как известно, ритмике разговорно-бытовой речи, ср.:

«Я лягу на полоч, а ты потри мне спину, –
Кряхтя, сказал толстяк худому гражданину. –

Да хорошенько веничком попарь.
 Вот так-то я, глядишь, чуток и в весе скину.
 Ты только, братец, не ошпарь!»
 Трёт Тонкий Толстого. Одно пыхтит лежачий:
 «Еще разок пройдишь!.. Еще наддай!..
 А ну еще разок! Смелей – я не заплачу!
 А ну еще разок!..» – «Готово, друг! Вставай!
 Теперь я для себя парку подкину.
 Мочалку мылить твой черед!» –
 «Нет, братец, уж уволь! Тереть чужую спину
 Мне не положено по чину.
 Кто трет другим, тот сам себе потрет!»
 * * *
 Смеялся от души народ,
 Смотря в предбаннике, как Тонкий одевался
 И как в сторонке Толстый волновался:
 Он чином ниже оказался!
 С. Михалков. Толстый и тонкий

б) пословицы – в случае сжатости до одного речевого акта, одной фразы, нередко ритмически организованной и зарифмованной: *Ехал в Казань, да заехал в Рязань* (хриод); *У злой Натальи все люди каналы* (этопья). С этой точки зрения трудно принять мнение о том, что «вербальная хрия излагается высоким стилем» [26 : 44].

2. Соотношение хрии и аллегии. Считается, что такие «формы поэзии, как пословица, басня, притча», являются аллегорическими жанрами [27 : 195]. Однако, как показано выше, форму пословицы, басни и притчи вполне может принять и хрия. Хрия используется в той же функции, что и аллегория, но в отличие от нее однопланова в содержательном отношении.

* * *

Итак, основными параметрами систематизации видов хрии представляются:

1. Семиотический, дифференцирующий виды хрии по характеру знака-носителя: а) практическая хрия, носителем которой является невербальное действие; б) вербальная хрия, носителем которой является вербальное действие; в) смешанная хрия, носителем которой является невербальное действие, получившее вербальное описание.

2. Тематический. По объектам описания различается три типа вербальных хрий: а) хриод – рассказ, рекомендуемый либо порицающий определенный поступок либо поведенческий образец; б) этопья – рассказ, содержащий дидактически значимое описание и оценку характера; в) сентенциальная хрия – рассказ об авторе и обстоятельствах появления сентенции (гномы, афоризма).

3. Способ предъявления сентенции. По данному критерию выделяется два типа сентенциальной хрии: а) декларативная хрия, предъявляющая сентенцию как высказыва-

ние известного лица, вызванное теми или иными обстоятельствами и причинами; б) ответная хрия, предъявляющая сентенцию как ответ известного лица, т.е. как фрагмент диалога.

4. Количественный. По данному критерию противопоставлены: 1) простая хрия; 2) развернутая, в частности классическая хрия. Последняя образуется путем распространения простой декларативной хрии: 1) по жесткой схеме из девяти пунктов: а) дедуктивно (прямая хрия); б) индуктивно (обратная хрия); 2) с ситуативно уместным: а) пропуском отдельных пунктов (неполная хрия); б) вольным изменением порядка следования пунктов (свободная хрия). Схема классической хрии восходит к учению Гермодена Тарсского, попытки обнаружить иные ее источники неубедительны. Учитывая тот факт, что творческая активность ученого охватывала конец 70-х – начало 80-х годов II в. н. э., появление классической хрии следует отнести именно к этому времени.

5. Стилистический. При возвышении стиля хрия сближается с притчей, при снижении – с басней или (в случае свернутости до одной фразы) пословицей.

Законами для хрии как жанра наставления являются: а) занимательность; б) косвенный характер (например, изложение в виде энтимемы); в) краткость. Поскольку хрия адресована прежде всего детям, смысл ее должен быть прозрачен. Если хрия и содержит метафору, то обязательно замкнутую, что обеспечивает однозначность ее дешифровки: *Корень учения горек, а плод его сладок*. В отличие от аллегии, представляющей собой развернутую незамкнутую пояснительную метафору [см. 28 : 45–56], хрия всегда однопланова. Сила хрии и аллегии состоит в том, что поучение в них представлено в виде определенной истории, т.е. наглядно. Хрия опредмечивает абстрактную дидактическую формулу, именно это делает данный жанр эффективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Σχόλια εἰς τὰ τοῦ Ἀφθόντιου προγυμνάσματα // *Rhetores graeci, ex codicibus Florentinis, Mediolanensibus, Monacensibus, Neapolitanis, Parisiensibus, Romanis, Venetis, Taurinensibus et Vindobonensibus* / Ad. Ch. Walz. Vol. II. Stuttgartiae et Tubingae, 1835. P. 565–684.
2. *Theonis Sophistae Progymnasmata*. Lugduni Batavorum, 1626. 144 p.
3. *Prisciani Caesariensis grammatici opera* / Ad. Avg. Krehl. Vol. II. Lipsiae, 1820. 638 p.
4. Νικόλαου Σοφιστοῦ προγυμνάσματα // *Rhetores graeci* / Ex rec. L. von Spengel. Vol. III. Lipsiae, 1854. P. 449–498.

5. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. в 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 89–378.

6. Ερμολόγους προγυμνάσματα // *Rhetores graeci, ex codicibus Florentinis, Mediolanensibus, Monacensibus, Neapolitanis, Parisiensibus, Romanis, Venetis, Taurinensibus et Vindobonensibus* / Ad. Ch. Walz. Vol. I. Stuttgartiae et Tubingae, 1835. P. 7–54.

7. M. Fabii Quintilianii De institutione oratoriae libri duodecim. Lugduni Batavorum, 1720. 1178 p.

8. Burmann P. Nota «Sententiae» // M. Fabii Quintilianii De institutione oratoriae libri duodecim. Lugduni Batavorum, 1720. P. 99.

9. P. Rutilii Lupi Schemata lexeos // *Rhetores latini minores* / Em. C. Halm. Lipsiae, 1863. P. 3–21.

10. Seneca ad Lucilium epistulae morales. Vol. III. L., 1925. 464 p.

11. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience // *Essays on the verbal and visual arts: Proceedings of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society* / Ed. J. Helm. Seattle, 1967. P. 12–44.

12. Iulii Rufiniani De figuris sententiarum et elocutionis liber // *Rhetores latini minores* / Ed. C. Halm. Lipsiae, 1863. P. 38–47.

13. Pet. Iohan. Nunnesii Valentini Institutionum rhetoricarum libri quinque. Barcinone, 1593. 448 p.

14. Huldrici Zuinglii opera. Vol. III. Latinorum scriptorum pars 1. Didactica et apologetica pro evincendo transitu in evangelicam veritatem et libertatam ab anno 1521 ad 1526. Turici, 1832. 677 p.

15. Moine P. J. Tyrocinium Artis Oratoriae Sacrae et Profanae. Solodori, 1714. 397 p.

16. Mack P. Elizabethan rhetoric : theory & practice. Cambridge Univ. Press, 2002. 326 p.

17. Robbins V. K. Introduction : Using Rhetorical Discussions of the Chreia to Interpret Pronouncement Stories // *The Rhetoric of Pronouncement*. Atlanta, 1994. P. VII–XVII.

18. Αφθόνιου σοφιστοῦ προγυμνάσματα // *Rhetores graeci* / Ex rec. L. von Spengel. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 21–56.

19. Δοξοπάτρου ὀμιλίας εἰς Ἀφθόνιον // *Rhetores graeci* / Ad. Ch. Walz. Vol. II. Stuttgartiae et Tubingae, 1835. P. 81–564.

20. Weinhold G. A. Periodi et chriae Ciceronianae. Dresdae, 1706. 1186 p.

21. Hock R. F., O'Neil E. N. The Chreia and Ancient Rhetoric : classroom exercises. Vol. 2. Leiden, 2002. 411 p.

22. M. T. Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium libri quattuor, eiusdem de inventione rhetorica libri duo. Lipsiae, 1828. 704 p.

23. Schmidt J. N. Exercitationes oratoriae et poëticae. Viennae, 1827. 144 p.

24. Seneca ad Lucilium epistulae morales. Vol. I. London, 1925. 467 p.

25. Marsal T. F. Inuia virtuti nulla est via: chria verbalis rhetorico illustrata stylo, historico comprobata exemplo. Barcinone, 1707. 132 p.

26. Dominique de Colonia. De arte rhetorica libri quinque lectissimis veterum auctorum aetatis aureae perpetuisque exemplis illustrate. Hagæ, 1739. 538 p.

27. Харциев В. Элементарные формы поэзии // *Вопросы теории и психологии творчества*. Т. 1. Харьков, 1907. С. 161–199.

28. Москвин В. П. К определению понятия «аллегория» // *Русская речь*. 2006. № 2. С. 45–56.

REFERENCES

1. Σχόλια εἰς τὰ τοῦ Ἀφθόνιου προγυμνάσματα. *Rhetores graeci, ex codicibus Florentinis, Mediolanensibus, Monacensibus, Neapolitanis, Parisiensibus, Romanis, Venetis, Taurinensibus et Vindobonensibus*. Ad. Ch. Walz. Vol. II. Stuttgartiae et Tubingae, 1835, pp. 565–684.

2. *Theonis Sophistae Progymnasmata*. Lugduni Batavorum, 1626. 144 p.

3. *Prisciani Caesariensis grammatici opera*. Ad. Avg. Krehl. Vol. II. Lipsiae, 1820. 638 p.

4. Νικολάου Σοφιστοῦ προγυμνάσματα. *Rhetores graeci*. Ex rec. L. von Spengel. Vol. III. Lipsiae, 1854. pp. 449–498.

5. Lomonosov M. V. Concise guide to eloquence [Kratkoje rukovodstvo k krasnorechiju]. *Polnoje sobranije sochinenij: v 11 t.* [Complete works: in 11 vol.]. Vol. 7. Moscow; Leningrad, 1952, pp. 89–378.

6. Ερμολόγους προγυμνάσματα. *Rhetores graeci, ex codicibus Florentinis, Mediolanensibus, Monacensibus, Neapolitanis, Parisiensibus, Romanis, Venetis, Taurinensibus et Vindobonensibus*. Ad. Ch. Walz. Vol. I. Stuttgartiae et Tubingae, 1835, pp. 7–54.

7. M. Fabii Quintilianii De institutione oratoriae libri duodecim. Lugduni Batavorum, 1720. 1178 p.

8. Burmann P. Nota «Sententiae». *M. Fabii Quintilianii De institutione oratoriae libri duodecim*. Lugduni Batavorum, 1720. 99 p.

9. P. Rutilii Lupi Schemata lexeos. *Rhetores latini minores*. Em. C. Halm. Lipsiae, 1863, pp. 3–21.

10. Seneca ad Lucilium epistulae morales. Vol. III. London, 1925. 464 p.

11. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience. *Essays on the verbal and visual arts: Proceedings of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society*. Ed. J. Helm. Seattle, 1967, pp. 12–44.

12. Iulii Rufiniani De figuris sententiarum et elocutionis liber. *Rhetores latini minores*. Ed. C. Halm. Lipsiae, 1863, pp. 38–47.

13. Pet. Iohan. Nunnesii Valentini Institutionum rhetoricarum libri quinque. Barcinone, 1593. 448 p.

14. Huldrici Zuinglii opera. Vol. III. Latinorum scriptorum pars 1. Didactica et apologetica pro evincendo transitu in evangelicam veritatem et libertatam ab anno 1521 ad 1526. Turici, 1832. 677 p.

15. Moine P. J. *Tyrocinium Artis Oratoriae Sacrae et Profanae*. Solodori, 1714. 397 p.

16. Mack P. *Elizabethan rhetoric: theory & practice*. Cambridge, 2002. 326 p.

17. Robbins V. K. Introduction: Using Rhetorical Discussions of the Chreia to Interpret Pronouncement Stories. *The Rhetoric of Pronouncement*. Atlanta, 1994, pp. VII – XVII.

18. Αφθόνιου σοφιστοῦ προγυμνάσματα. *Rhetores graeci*. Ex rec. L. von Spengel. Vol. II. Lipsiae, 1854, pp. 21 – 56.

19. Δοξοπάτρου ὁμιλίαι εἰς Ἀφθόνιον. *Rhetores graeci*. Ad. Ch. Walz. Vol. II. Stuttgartiae et Tubingae, 1835, pp. 81–564.

20. Weinhold G. A. *Periodi et chriae Ciceronianaе*. Dresdae, 1706. 1186 p.

21. Hock R. F., O'Neil E. N. *The Chreia and Ancient Rhetoric: classroom exercises*. Vol. 2. Leiden, 2002. 411 p.

22. M. T. Ciceronis, ut ferunt, *Rhetoricorum ad Herennium libri quattuor, eiusdem de inventionе rhetorica libri duo*. Lipsiae, 1828. 704 p.

23. Schmidt J. N. *Exercitationes oratoriae et poeticae*. Viennae, 1827. 144 p.

24. *Seneca ad Lucilium epistulae morales*. Vol. I. London, 1925. 467 p.

25. Marsal T. F. *Inuia virtuti nulla est via: chria verbalis rhetorico illustrata stylo, historico comprobata exemplo*. Barcinone, 1707. 132 p.

26. Dominique de Colonia. *De arte rhetorica libri quinque lectissimis veterum auctorum aetatis aureae perpetuisque exemplis illustrate*. Hagæ, 1739. 538 p.

27. Hartsijev V. Elementarnyje formy poezii [The elementary forms of poetry]. *The questions of theory and psychology of creativity* [Voprosy teorii i psihologii tvorčestva]. Vol. 1. Har'kov, 1907, pp. 161–199.

28. Moskvин V. P. K opredeleniju poniatija «allegorila» [Toward the definition of the concept «allegory»]. *Russian speech* [Russkaja rech']. 2006, no. 2, pp. 45–56.

Статья поступила в редакцию 17.01.2014.

УДК82-84: 81'27
ББК 83

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

S. G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

АКСИОЛОГИЯ ДЕФИЦИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ
В АФОРИСТИКЕ

THE AXIOLOGY
OF INTELLECTUAL CAPACITY DEFICIT
IN APHORISTIC UTTERANCES

Аннотация. Описывается вербализация дефицита познавательной способности в афористических высказываниях, исследуются возрастные, гендерные и аксиологические характеристики глупости. Устанавливается, что интеллект распадается на четыре базовых модуса: ум как «нормальная» степень обладания познавательной способностью противопоставит его дефициту как низкой степени обладания такой способностью, а этическая оценка познавательной способности позволяет противопоставить мудрость хитрости, что в корпусе афористических единиц, посвященных глупости, в полной мере реализуются такие специфические признаки этих универсальных высказываний, как антонимичность, метафоричность и парадоксальность.

Ключевые слова: афоризм, познавательная способность, глупость, вербализация.

Abstract. This paper is devoted to the verbalization of the deficit of cognitive abilities in aphoristic sentences. Age, gender and axiological characteristics of stupidity are studied. The paper shows that intelligence can be subdivided into four basic modes.: Intelligence as a "normal" degree of cognitive abilities as opposed to stupidity which indicated a low degree of these abilities. Ethical evaluation of cognitive abilities allows for the opposition of wisdom to cunning. The corpus of aphoristic utterances dedicated to stupidity shows high frequency of antonyms, metaphors and paradoxes that distinguish these universal utterances.

Key words: aphorism, cognitive capacity, stupidity, verbalization.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры научно-технического перевода.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

E-mail: svork@mail.ru; svork@kubstu.ru

About the author: Vorkachev Sergey Grigorievich, Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of Science-tech Translation Department.

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

Афоризмы¹ как литературный жанр на фоне древности паремий – относительно недавнее явление, сформировавшееся «официально» в 1647 году с появлением «Карманного оракула» Бальтасара Грасиана (см.: [5 : 8]) и восходящее к изречениям, от которых они отличаются, прежде всего, обязательной авторизованностью, даже если последняя анонимна – автор неизвестен, но он, безусловно, есть, в то время как изречение необязательно предполагает индивидуальное авторство.

Этимологически «афоризм» восходит к

древне-греческому ἀφορισμός – «определение» (см.: [7 : 60]), однако в настоящее время – это высказывания, практически прямо противоположные логическим дефинициям: они отмечены метафорической образностью, присутствием различных стилистических фигур и тропов, эмоциональной насыщенностью и представляют собой «уникальный синтез смысла и эстетической формы» [8 : 7].

Кроме того, «афоризм» – это родовое название, номинирующее такие афористические разновидности, как максимы, сентенции, апофтегмы, хрии, гномы (см.: [4 : V]).

Обобщение достаточно противоречивых описаний афоризма в литературоведении позволяет все-таки заключить, что афоризм представляет собой авторизованное высказывание, отличающееся от всех прочих лаконичностью и выразительностью формы, законченностью и обобщенностью содержания, оригинальностью и даже парадоксальностью смысла, раскрывающих относительность общеизвестных истин.

¹ В качестве источников использовались: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М., 1998; Векшин Н. Л. Антология афоризмов. М., 1999; Высказывания знаменитых людей. М., 1995; Ничипорович Т. Г. Афоризмы. Минск, 1998; Душенко К. В. Большая книга афоризмов. М., 1999; Душенко К. В. Мастера афоризма. М., 2002; Энциклопедия афоризмов. Античность. Древняя Индия. Древний Китай. Библия. М., 1999, а также соответствующие сайты Интернета.

Размышления же самих афористов относительно сути предмета своего творчества в общем подтверждают присутствие выделенных специфических признаков в афористических высказываниях: «Что такое афоризм? Нет ничего проще: это фраза, которая должна сразу поражать своей ясностью, краткостью, поучительностью и новизной» (Декурсель); «Афоризм – последнее звено длинной цепи мыслей» (Эбнер-Эшенбах); «Афоризм никогда не содержит всей правды: в нем либо полправды, либо полторы» (Краус); «Афоризм ценен уже потому, что содержит полправды. А это необычайно высокий процент» (Лауб); «Афоризмы – это мудрость в портативной форме, концентрированный экстракт мыслей и чувств» (Олджер); «Почти каждому мудрому изречению соответствует противоположное по смыслу – и при этом не менее мудрое» (Сантаяна). И, наконец, «афоризм – это все то, что в конце концов остается от мыслителя, если от него – что-нибудь остается» (Ландау).

Сокровищница «мудрых мыслей великих людей» пополняется в основном тремя путями: 1) за счет создания сборников именно афоризмов, как это делали Паскаль, Ларошфуко, Лабрюйер, Грасиан, Лец, Козьма Прутков и др.; 2) за счет цитат из художественных и научных произведений, превратившихся в «прецедентные фразы»; 3) за счет выборки из заметок и подготовительных наблюдений, зафиксированных в дневниках и записных книжках писателей (Чехов, Ильф и Петров, Паустовский и др.).

Создатели афористических высказываний принадлежат к интеллектуальной элите: «максимы, сентенции, краткие нравоучения создаются людьми острого ума» (Шамфор), которые, естественно, не могли не проявить соответствующей рефлексии относительно способности познания и ее дефицита.

Исследование специфики вербализации глупости в афоризмах российских авторов – тема отдельной статьи. Настоящая работа выполнена на материале афористики в целом – недифференцированно как собственно русской, так и переводной иноязычной.

Интеллект как способность живого существа к пониманию, обучению и решению практических и теоретических задач (см.: [6 : 269]) при параметризации по количественному и качественному признакам распадается на четыре базовых модуса: с одной стороны, ум как «нормальная» степень обладания познавательной способностью, оцениваемая положительно, противостоит глупости как низкой степени обладания такой способностью, а также отрицательно оцениваемому безумию как полному отсутствию по-

знавательной способности, с другой – этическая оценка познавательной способности позволяет противопоставить мудрость хитрости.

В обыденном сознании и в обыденной речи разделительная линия между низкой, но все еще в границах нормы, и «нулевой», патологической степенями интеллекта достаточно неясна и прерывиста: человека, совершившего глупость, в целях выразительности с легкостью назовут сумасшедшим, идиотом, ненормальным и пр., тем более что легкая степень слабоумия (дебилизм) практически не отличается от нижней границы нормы – глупости (см.: [2 : 26 ; 3 : 21]).

Корпус афористических единиц, посвященных глупости и безумству, превосходит корпус единиц, посвященных уму, чуть ли не в два раза, что вполне объяснимо, принимая во внимание отмеченный еще Аристотелем факт, что «совершать проступок можно по-разному... между тем поступать правильно можно только одним-единственным способом» [1 : 72], где «правильно» может означать «по уму», а «по-разному», соответственно, – «глупо» – «Мудрость существует в единственном числе и имеет точные границы, а глупостей тысячи, и все они безграничны» (Гейне).

Вокабуляр «реперных» лексических единиц, при помощи которых формировался корпус афоризмов о глупости, включает лексемы *глупость, глупец, дурь, дурак / дура, (о)дурачить, неразумие, неразумный, безрассудство, простота, простой, болван, тупость, тупица, тупой, тупоголовый, идиот, идиотизм, кретин, осел, безумие, безумец, безумный, сумасшедший, помешанный, душевнобольной, слабоумие, наивность, наивный, неумный, бестолковый, бессмысленный, безмозглый, легкомысленный, сумасброд* и образует тематический ряд, насчитывающий 34 единицы: У гения есть свои пределы, глупость же беспредельна (Хаббард); Только глупец слышит все, что он слышит (О'Мэлли); Чем отличается умный абитуриент от глупого? Тем, что глупый платит репетиторам, а умный – экзаменаторам (Мелихан); Сделанное и дурак поймет (Гомер); Тот, кто не боится показаться дураком, одурачит кого угодно (Зорич); Боярам в Думе говорить по ненаписанному, дабы дурь каждого видна была (Петр Первый); Дружба одного разумного человека дороже дружбы всех неразумных (Демокрит); Невежество – мать всех преступлений. Преступление прежде всего – неразумие (Бальзак); Тупой ничего не прощает и не забывает; наивный прощает и забывает; ум-

ный прощает, но не забывает (Сас); Святого легче сделать из развратника, чем из самодовольного тупицы (Сантаяна) Увы, так уж устроен свет: тупоголовые твердо уверены в себе, а умные полны сомнений (Рассел); Слабоумие страшнее всякого увечья (Неизвестный автор); Сначала Бог создал идиотов – просто для практики. Потом он создал школьных наставников (Марк Твен); Добровольного идиотизма я не понимаю (Дали); Только душевнобольные принимают друг друга совершенно всерьез (Бирбом); Три четверти безумств на поверку оказываются просто глупостями (Шамфор); СУМАСШЕДШИЙ: человек, страдающий исключительно сильной интеллектуальной независимостью (Бирс); Но, если поразмыслить, окажется, что предпочитать разум счастью – значит быть безрассудным (Вольтер); Как я завидую безмозглым! (Раневская); Начитанный болван – самая докучливая разновидность дурака (Тейлор); ЮНЕСКО следует разработать программу сохранения кретинов – это вымирающий вид (Дали); Осел, побывавший в Мекке, все же останется ослом (Саади); Наивность и простота суть признаки детства (Бальзак); НАИВНОСТЬ – родная сестра невинности и двоюродная – глупости (Декурсель); Наивных мужчин больше, чем наивных женщин (Эбнер-Эшенбах); Легкомысленные люди склонны к двоедущию (Вовенарг); Здравомыслящему человеку легче подчиняться сумасбродам, чем управлять ими (Ларошфуко).

Доминанту тематического ряда лексических единиц для обозначения нижней границы нормы обладания интеллектом образуют, безусловно, производные от основы *глуп-* (*глупый, глупец, глупость*), появляющиеся в корпусе 360 раз и вместе с производными от основы *дур-* (*дурак, дурь*) (160 появлений) образующие ядро этого ряда. За ними с большим отставанием в порядке убывания идут производные от основ *безум-* (16 появлений), *неразум-* (13 появлений), *идиот-* (11 появлений), *туп-* (8 появлений), *безрассуд-* (5 появлений), *наивн-* (4 появления), *болван* и *сумасшедш-*, осел (по 3 появления), *прост-*, *легкомыслен-* (по 2 появления) и все прочие по 1 появлению.

Производные от основ *глуп-* и *дур-*, составляющие ядерную часть тематического ряда показателей глупости, в афористике функционируют как синонимы, отличаясь единственно своим стилистическим регистром: глупость носит более книжный характер, чем дурость, что, кстати, подтверждается наблюдениями над паремическим корпусом, где производные от *глуп-* и *дур-* встречаются приблизительно с одинаковой частотой.

Если ум – это нормальная средняя степень обладания интеллектуальными способностями, то глупость образуется его внутрипарадигмальным отрицанием – это опять же нормальная низкая степень обладания этими способностями. Интеллект как общая способность к познанию формируется совокупностью частных познавательных способностей (к пониманию, обучению и решению жизненных задач) и познавательных факторов, связанных с получением, хранением и переработкой информации (скорость, глубина, гибкость, объем памяти и пр.). Соответственно, обращение предикативного знака (замена плюса на минус) у какой-либо одной из этих частных способностей или какого-либо одного фактора либо у всех их разом дает глупость.

Наиболее часто в афористике (20 появлений) обсуждается такая частная способность интеллекта, как обучаемость, напрямую связанная с представлениями о его врожденном или приобретенном характере. В подавляющем большинстве случаев утверждается, что глупость, как и ум, свойство врожденное, исправить которое невозможно: Глупость – это недостаток, и против него нет лекарства (Кант); Глупость, хотя и не самый страшный недостаток, то абсолютно неисправимый (Калинин); Больной выздоровеет, пьяный протрезвится, черноволосый – поседеет, но глупец останется глупцом (Шолом-Алейхем); Мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь (Даниил Заточник); Можно излечить от безрассудства, но нельзя исправить кривой ум (Ларошфуко); Образование может превратить дурака в ученого, но оно никогда не изгладит первородного отпечатка (Бошен); Он родился глупцом и удачно развил свои врожденные способности (Батлер); Глупа та рыба, что попадает дважды на одну и ту же приманку (Фуллер); Все человек теряет с годами юность, красоту, здоровье, порывы честолюбия. И только одна глупость никогда не покидает людей (Ариосто).

Особо отмечается вредоносность образования для глупцов: Образованный дурак еще более несносен, чем необразованный (Лембке); Учение, точно так же, как путешествие и всякое другое вспомогательное средство образования, совершенствующее человека со здоровыми умственными способностями, делает дурака в десять тысяч раз невыносимее, так как снабжает его глупость разнообразным материалом и дает ему возможность проявлять свое безвкушие (Эдисон); Ученые глупцы – это хуже всего (Неизвестный автор); От книжной мудрости глупец тупее вдвое (Мольер); Ученый дурак

пишет свою бессмыслицу лучшим стилем, чем неученый, но от этого она не перестает быть бессмыслицей (Франклин); Начитанный болван – самая докучливая разновидность дурака (Тейлор).

Изредка отмечается весьма проблематичная возможность для глупца поумнеть (Умные большему учатся у дураков, чем дураки у умных – Катон Старший; Гораздо легче стать умным, чем перестать быть дураком – Ключевский) и непригодность слова для обучения дураков (Не слово, а несчастье есть учитель глупцов – Демокрит). И только раз с глупостью связывается отсутствие знаний: Полное невежество приводит к полному тупоумию (Гельвеций).

Со способностями к пониманию и решению теоретических и практических задач в афоризмах о глупости связана не менее частотная группа таких факторов, как прогнозирование, логика, адекватность действий и оценок: Глупцы губят себя тем, что не размышляют; неспособные понять и половины дела, не умея предвидеть ни вреда, ни выгоды, не могут они надлежаще действовать; они придают много веса вещам маловажным и мало веса – весьма важным, оценивая все наоборот (Грасиан); Глупец, у которого большая память, исполнен мыслей и фактов, но он не умеет делать выводов и заключений, – а в этом вся суть (Вовенарг); Для глупости особенно характерно несоответствие между целями и средствами (Наполеон Бонапарт); Чем человек глупей – тем чаще подменяет главное второстепенным (Апшерони); Лучший способ доказать глупому, что он неправ – предоставить ему свободу действий (Биллингс); Глупец познает только то, что свершилось (Гомер); Умный человек видит перед собой неизмеримую область возможного, глупец же считает возможным только то, что есть (Дидро).

Безусловным признаком глупости служит отсутствие способности к адаптации к изменениям ситуации, гибкости и адекватной реакции на происходящее: Все глупцы упрямы, и все упрямы глупы (Грасиан); Каждый человек может заблуждаться, но упорствовать в заблуждении может только глупец (Цицерон); Только глупцы могут быть непоколебимы в своей уверенности (Монтень); У дураков больше принципов (Вампилов); Только идиоты и мертвецы не меняют своих убеждений, мы разумные люди и мы их меняем (Муссолини); Только глупцы и покойники никогда не меняют мнений (Лоуэлл); Человек умный делает сразу то, что глупец делает с опозданием (Грасиан).

Глупцам также свойственно социальное недомыслие – чрезмерная доверчивость,

внушаемость, неадекватность речей и поступков, отсутствие рефлексии: Доверить другому чужую тайну – предательство, доверить свою – глупость (Вольтер); Мера ума человека – его умение сомневаться, мера его глупости – легковерие (Э. и Ж. Гонкур); Подле дурака всегда найдется жулик (Бальзак); На свете дураков больше, чем мошенников, иначе мошенникам нечем было бы жить (Батлер); Глупость одного человека – удача для другого (Ф. Бэкон); Для министра опаснее сказать глупость, нежели сделать (Рец); Если бы дураки не ходили на рынок, негодные товары лежали бы непроданными (Котгрейв); Глупости свойственно видеть чужие пороки, а о своих забывать (Цицерон).

Особое внимание в афористике уделяется онтогендерным характеристикам интеллекта.

Глупость связывается с возрастом (Нет дурака хуже, чем старый дурак – Лайли; Зрелость часто глупее юности и еще чаще крайне несправедлива к ней – Эдисон Глупый думал, что мудрость придет к нему с годами – Крайнов-Рытов), иногда эта связь отрицается (Могут быть умные юноши и глупые старики. Ибо научает мыслить не время, но раннее воспитание и природа – Демокрит), мнение о глупости ставится в зависимость от возраста (Вы, молодые, думаете, что старики глупы; а мы, старики, знаем, что молодые глупы – Свифт; Молодые люди думают, что старики – глупцы; но старики знают, что молодые люди – глупцы – Чапмен; Нет дурака хуже, чем старый дурак. Это вам скажет любой молодой дурак – Неизвестный автор).

С одной стороны, глупость признается достоинством женщины (Откровенная глупость может быть неотразима в женщинах – Мердок; Глупость составляет особенную прелесть хорошенькой женщины – Гоголь; Женщина должна выглядеть настолько умной, чтобы ее глупость оказалась приятным сюрпризом – Краус), с другой же, утверждается преимущество женского ума перед мужским (Самая глупая женщина может сладить с умным мужчиной, но с дураком сладит лишь самая умная – Киплинг; В девятности девяти случаях женщины ведут себя как дуры, но на сотый оказываются хитрее мужчин – Кристи).

Афористическим высказываниям о глупости, в принципе, свойственны те же специфические характеристики, что и высказываниям об уме: как антонимичность, метафоричность и парадоксальность.

Антитезу глупости при антонимическом противопоставлении, прежде всего, образуют ум и мудрость: Глупее быть умным среди

дураков, чем дураком среди умных (Эррио); Как умные люди бывают часто глупы, так дураки бывают иногда очень умны (Гейне); Страсти придают ума самым глупым людям и делают глупыми самых умных (Сенека); Русский ум ярче всего сказывается в глупостях (Ключевский); Только умный чувствует себя время от времени полным дураком (Крайнов-Рытов); Новые мысли придумывают мудрецы, а распространяют их глупцы (Гейне); Все философы – мудрецы в своих сентенциях и глупцы в своем поведении (Франклин); Человеку свойственно рассуждать мудро, а поступать глупо (Франс); Удовольствие – это счастье глупцов, счастье – это удовольствие мудрецов (Буффит).

В метафорике афоризмов о глупости преобладает зоометафора, где она уподобляется какому-либо животному: Бичи умных людей, глупцы, играют в нравственном мире ту же роль, какую играют насекомые в мире физическом (Дюбе); Глупость, попадающая в стадо, имеет шанс быть растоптанной такими же глупостями (Миропольцева); Дурак, которого вдруг осенила умная мысль, удивляет и озадачивает, как извозчикья кляча, несущаяся галопом (Шамфор). Реже встречается патологическая метафора (Глупость и мудрость с такой же легкостью схватываются, как и разные болезни – Шекспир; Никто не бывает глупым в одиночку: один заражает своей глупостью других, да и сам он восприимчив к чужим глупостям – Младший) и реификация (Напрасно стараться стать между дураком и его глупостью – Джек Лондон; У глупости свой особый запах. Даже если человек молчит – Ренар; Чтобы дойти до дна мудрости, надо исчерпать всю людскую глупость – Берне).

Афористические высказывания о глупости отмечены парадоксальностью: неожиданностью, неординарностью выводов из вполне заурядных посылок.

Как и можно было ожидать, в этих высказываниях глупость рассматривается как неизбежный спутник или условие ума, констатируется, что ум при известных условиях превращается в свою противоположность – глупость: Я называю умным того, кто осознал, что он такой же дурак, как и все (Векшин); Человек умнеет по мере того, как все больше убеждается в том, что он глуп (Севрус); Самые лучшие мысли приходят по глупости (Чапек); Русский ум ярче всего сказывается в глупостях (Ключевский); Количество глупостей, совершаемых по велению рассудка, гораздо больше, чем количество глупостей, совершаемых по глупости (Чаплин); Глупые поступки – это единственное, что отличает умных людей (Монтгомери);

Покажите мне смысл – и я совершу какую угодно глупость (Ягодзинский).

Ставится под сомнение зависимость интеллекта от способности к мышлению: Вера в то, что глупцы не думают, – самая опасная форма оптимизма (Рудый); Всегда полезно подумать перед тем, как сделать глупость (Малкин); Прежде чем сказать глупость – подумайте! (Альтов); Никто не огражден от возможности сказать глупость. Беда, когда ее высказывают обдуманно (Монтень).

Глупость противопоставляется уму в самых разнообразных контекстах, но всегда неожиданно: Усердие нужно лишь умным, но встречается оно обычно у дураков (Фуллер); Глупцы говорят глупости, люди разумные их совершают (Эшенбах); Более умный всегда уступает – какая великая мысль! Она объясняет, почему в мире господствует глупость (Эшенбах); Спор уравнивает умных и дураков – и дураки это знают (Холмс); За человека большого ума слывет тот, кто был бы лишь глупцом, если бы не был министром (Гельвеций); Дураков плодят умные профессии (Круглов); Дурак – это человек, считающий себя умнее меня (Лец); Дурак – это просто инакомыслящий (А. и Б. Стругацкие).

Парадоксальность суждений относительно глупости может реализовываться и вне контекста противопоставления уму: Человек в своей жизни делает две глупости, из которых потом вытекают другие; рождается и женится (Жиляков); Первое, что узнаешь в жизни, – это что ты дурак. Последнее, что узнаешь, – это что ты все тот же дурак (Бредбери); ОПЫТ: школа, в которой человек узнает, каким же он был дураком (Г. Шоу); Нельзя правдиво описать дурака, не потратив достаточно времени на терпеливое изучение самого себя (Колби); Когда дураки объединяются в большие коллективы, глупость становится законом (Калинин); Есть две бесконечные вещи – Вселенная и человеческая глупость. Впрочем, насчет Вселенной я не уверен (Эйнштейн); Дураков меньше, чем думают: люди просто не понимают друг друга (Вовенарг); Глупость самая дорогая роскошь, которую могут позволить себе только богатые люди (Ключевский); Бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только глупость (Ларошфуко); Глупость в прошлом редко раскрывает глаза на глупость в настоящем (Гельвеций); При демократии дураки имеют право голосовать, при диктатуре – править (Рассел); Чтобы прослыть дураком, не обязательно кем-то руководить (Малкин).

Глупость, безусловно, категория аксиологическая – в афористике в двух из трех случаев эксплицитной оценки она оценивается

отрицательно: Если бы необходимо было сделать выбор на всю жизнь между обществом дурака и обществом убийцы, пришлось бы не на шутку задуматься (Крачковский); Я не пожелал бы счастья, если бы ради него надо было стать дураком (Вольтер); Лучше от дураков погибнуть, чем принять от них похвалу (Чехов); Преимущество глупости в том, что ей никогда не завидуют (Гарин-Михайловский).

Множественно отмечается вредоносность глупости и опасность глупцов, от которых следует держаться подальше: Глуп, кто глупцов не узнает, и еще глупее тот, кто, распознав, от них не уйдет. Опасные при поверхностном общении, они губительны при доверчивой близости (Грасиан); Из всех воров дураки самые вредные: они одновременно похищают у нас и время, и настроение (Гете); Даже у дурака хватает всегда ума, чтобы вредить (Шекспир): Люди глупые не всегда безопасны: у них хватает ума сказать ровно столько, сколько нужно для того, чтобы оскорбить или оклеветать ближнего (Филдинг); Надо остерегаться двух вещей: собственной глупости и чужой мудрости (Геогиев); Плутство и вероломство – приемы дураков, у которых не хватает ума на то, чтобы жить честно (Франклин). Особенно же опасны претенциозные дураки: Нет ничего опаснее дурака, который пытается изобразить умного (Гете); Страшнее всего дурак, который в какой-то микроскопической доле прав (Ижиковский).

Глупость – источник страданий человечества (Человечество существует благодаря мудрости немногих; из-за глупости большинства – оно страдает и бедствует – Севрус; Будь дураки способны понять, какие страдания мы из-за них претерпеваем, даже они бы прониклись к нам жалостью – Ривароль), осознание собственной глупости угнетает человека (Нет ничего тягостнее сознания только что сделанной глупости – Тургенев; Я не только досаую на свою глупость, но и стыжусь ее – Цицерон).

Тем не менее, в одном из трех случаев оценки глупости творцы афоризмов находят в ней определенную привлекательность и даже очарование: Дурак имеет великое преимущество перед человеком образованным: он всегда доволен собой (Наполеон Бонапарт); Глупость и хорошее пищеварение – незаменимые качества для борьбы с лишениями (Карлейль); Дуракам везет? Не такие уж они дураки (Ягодзинский); Только глупец побеждает в жизни, умник видит слишком много препятствий и теряет уверенность, не успев еще ничего начать (Ремарк); Глупость чаще бывает полезна, чем вредна. Потому

то самые хитрые выставляют себя дураками (Граф); В свете встречаешь людей четырех разрядов: влюбленных, честолюбивых, наблюдателей и дураков... Самые счастливые – дураки (Тэн); Бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только глупость (Ларошфуко); Умный человек нередко попадал бы в затруднительное положение, не будь он окружен дураками (Ларошфуко).

Таким образом, наблюдения над корпусом афористических высказываний, посвященных дефициту обладания познавательной способности, показывают следующее.

Интеллект как способность живого существа к пониманию, обучению и решению практических и теоретических задач при параметризации по количественному и качественному признакам распадается на четыре базовых модуса: с одной стороны ум как нормальная степень обладания познавательной способностью, оцениваемая положительно, противостоит глупости как низкой степени обладания такой способностью и безумию как ее полному отсутствию, оцениваемым отрицательно, с другой же, этическая оценка познавательной способности позволяет противопоставить мудрость хитрости.

В корпусе афористических единиц, посвященных глупости, в полной мере реализуются такие специфические признаки этих универсальных высказываний, как антонимичность, метафоричность и парадоксальность.

Доминанту тематического ряда глупости образуют производные от основы глуп-, которые вместе с производными от основы дур- образуют ядро этого ряда.

Глупость образуется обращением предикативного знака какой-либо частной способности или какого-либо одного фактора, совокупность которых образует познавательную способность, либо всех их разом.

Наиболее часто в афористике обсуждается такая частная способность интеллекта, как обучаемость, напрямую связанная с представлениями о его врожденном или благоприобретенном характере. В подавляющем большинстве случаев утверждается, что глупость, как и ум, свойство врожденное, исправить которое невозможно; особо отмечается вредоносность образования для глупцов и лишь изредка отмечается весьма проблематичная возможность для глупца поумнеть. Со способностями к пониманию и решению теоретических и практических задач в афоризмах о глупости связана не менее частотная группа таких факторов, как прогнозирование, логика, адекватность действий и оценок. Безусловным признаком глупости служит отсутствие способности к

адаптации к изменениям ситуации, гибкости и адекватной реакции на происходящее; глупцам также свойственно социальное недомыслие – чрезмерная доверчивость, внушаемость, неадекватность речей и поступков, отсутствие рефлексии

Особое внимание в афористике уделяется онтогендерным характеристикам интеллекта: глупость связывается с возрастом, признается достоинством женщины, но в то же время утверждается преимущество женского ума перед мужским.

Антитезу глупости при антонимическом противопоставлении, прежде всего, образуют ум и мудрость.

Афористические высказывания о глупости отмечены парадоксальностью как неожиданностью, неординарностью выводов из вполне заурядных посылок чуть ли не в пять раз чаще, чем соответствующие высказывания об уме; в этих высказываниях глупость рассматривается как неизбежный спутник или условие ума, констатируется, что ум при известных условиях превращается в свою противоположность – глупость.

Глупость, безусловно, категория аксиологическая – в афористике в двух из трех случаев эксплицитной оценки она оценивается отрицательно, но в одном из трех случаев оценки глупости творцы афоризмов находят в ней определенную привлекательность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Этика. М. : АСТ, 2004. 492 с.
2. *Воркачев С. Г.* Познавательная способность в лексикографическом представлении // *Лингвокультурология*. Екатеринбург : УрГПУ, 2014. Вып. 8. С. 25–35.
3. *Воркачев С. Г.* Аксиология интеллекта в библейском тексте // *Герменевтический круг : текст – смысл – интерпретация*. Армавир : АГПА, 2015. Вып. 4. С. 21–46.
4. *Королькова А. В., Ломов А. Г., Тихонов А. Н.* Природа афоризмов // *Словарь афоризмов русских*

писателей. М. : Русский язык-Медия, 2004. С. IV–XIII.

5. *Ничипорович Т. Г.* Введение // *Афоризмы*. Минск : Литература, 1998. С. 3–14.

6. *Новейший философский словарь*. Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. 996 с.

7. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1999.

8. *Энциклопедия афоризмов. Античность. Древняя Индия. Древний Китай. Библия*. Минск : Современный литератор, 1999. 832 с.

REFERENCES

1. Aristotel. *Etika* [Ethics]. Moscow, 2004. 492 p.
2. Vorkachev S. G. Poznavatel'naya sposobnost v leksikograficheskom predstavlenii [Cognitive ability in the lexicographical representation]. *Lingvokulturologiya* [Cultural linguistics]. Ekaterinburg, 2014, iss. 8, pp. 25–35.
3. Vorkachev S. G. Aksiologiya intellekta v bibleyskom tekste [Axiology of intelligence in the biblical text]. *Germevnticheskiy krug: tekst – smysl – interpretatsiya* [Hermeneutic circle: text – meaning – interpretation]. Armavir, 2015, iss. 4, pp. 21–46.
4. Korolkova A. V., Lomov A. G., Tihonov A. N. Priroda aforizmov [The nature of aphorisms]. *Slovar aforizmov russkih pisateley* [Dictionary of aphorisms of Russian writers] Moscow, 2004. pp. IV–XIII.
5. Nichiporovich T. G. Vvedenie [Introduction]. *Aforizmy* [Aphorisms]. Minsk, 1998. pp. 3–14.
6. Noveyshiyy filosofskiy slovar [The newest philosophical dictionary]. Minsk, 1998. 996 p.
7. Chernyih P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyika: v 2 t.* [Historical-etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vol.]. Moscow, 1999.
8. *Entsiklopediya aforizmov. Antichnost. Drevnyaya Indiya. Drevniy Kitay. Bibliya* [Encyclopedia of aphorisms. Antiquity. Ancient India. Ancient China. The Bible]. Minsk, 1999. 832 p.

Статья поступила в редакцию 02.10.2015.

УДК 821.161.2.09-2+929 Ирванц
ББК 83.3 (4 Укр.) – 8 Ирванц А.

О. В. Сахарова
Киев, Украина

O. V. Sakharova
Kiev, Ukraine

**ЖАНРЫ И РОЛИ
(К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

**GENRES AND ROLES
(THE GENRE STRUCTURE
OF DRAMA DISCOURSE REVISITED)**

Аннотация. В статье анализируются особенности и жанровая организация драматургического дискурса. Текст драматического произведения представляется как гипержанр, определяющий концептуальное, эстетическое, коммуникативное пространство, в котором действующие лица выступают как языковые личности. Речевой жанровой компетенцией персонажей или же языковых личностей, выполняющих жизненные (в частности, профессиональные) роли, предопределяется возможность или невозможность их включения в определенный новый гипержанр. Невладение коммуникативной ситуацией и доминирующим жанром общения обуславливают преобладание и сложное взаимодействие иных личностных жанров или же появление некоей жанровой лакуны. Материалом исследования послужили пьеса современного украинского поэта и драматурга Александра Ирванца *Прямой эфир*.

Ключевые слова: драматургический дискурс, речевые жанры, гипержанр, языковая личность, современная украинская драматургия.

Abstract. This study analyzes the peculiarities and genre organization of the drama discourse. The text of drama is viewed as a hyper-genre determining conceptual, aesthetic and communicative space in which all the characters act as language personalities. Speech-genre competence of characters or language personalities performing life-like roles (among them professional ones) determines their inclusion in some new hyper-genre. If someone is left out of a communicative situation or is incompetent in the use of a dominant genre of communication, some other personal genre or an intricate combination of several genres prevails. This can also lead to genre lacunas. The research is based on the play "Live Broadcast" by the modern Ukrainian poet and playwright Aleksandr Ivanets.

Key words: drama discourse, speech genre, hyper-genre, language personality, modern Ukrainian drama.

Сведения об авторе: Сахарова Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков.

Место работы: Национальная музыкальная академия Украины им. П. И. Чайковского.

E-mail: olsakh@ukr.net

About the author: Sakharova Olga Viktorovna, PhD in Philology, Associate professor of the Language Department at NMAU.

Place of employment: P. I. Chaikovsky National Music Academy of Ukraine.

I
Драматургический дискурс представляет многоплановым и многомерным феноменом, объединяющим не только литературу и театральное искусство, но и различные коммуникативные, семиотические системы. Отражая многообразные экзистенциальные ситуации с помощью воссоздания процесса коммуникации, драматическое произведение существует и как жанр литературы, и как текстовый материал для театральной постановки. Трансформируя размышления Р. Барта о смерти автора, отметим, что третий компонент триады автор – текст – читатель выступает не только потенциальным носителем множественности интерпретаций смысла, но и активным создателем театрального действия, спектакля, открывающего, в свою очередь, новые возможности для переосмысления содержания произведения. Обращение к драматическому тексту представляется, на наш взгляд, перспективным как с позиций театроведения и литературоведения,

так и с лингвистической точки зрения, в частности, в плане воспроизведения коммуникативного процесса, его жанровой организации, с выстраивания речевых портретов персонажей как языковых личностей, моделирования их речевых стратегий и тактик и т.д.

В освещении проблем драматургического дискурса, тенденций моделирования языковых личностей персонажей, воссоздания коммуникативного процесса необходимо, на наш взгляд, остановиться на нескольких смыслообразующих понятиях – оппозициях: искусство и жизнь; текст и спектакль; действующие лица и роли.

Искусство и жизнь. Безусловно, апелляция к данным концептам предполагает глубокое философское осмысление, для чего понадобилась бы не одна монография. Однако в данном случае в наши задачи входит лишь очерчивание ключевых теоретических положений, существенных для предложенного исследования.

В наиболее общем определении искусства – творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах [1 : 11080] – прослеживается грань между самим произведением и реальностью. Вопрос о соответствии / несоответствии образного отражения бытия и самой жизни достаточно противоречив: от представлений о полном несовпадении до понимания глубинной связи образной модели мира и самой сути бытия. Мы склонны ко второй интерпретации, определяющей искусство как образное воспроизведение и осмысление жизни.

Театр является не просто искусством, а символическим воссозданием той или иной реальности, что порождает новые противоречивые смыслы. По мнению Е. С. Кубряковой, драматические произведения должны рассматриваться прежде всего по тому, как рисуется в них опыт человека по познанию мира и какой именно фрагмент этого опыта – реальный или вымышленный – в них воссоздается и интерпретируется [2 : 133]. В наивной картине мира доминирует негативное представление о переносе театральности в действительность, предполагающее неискренность, наигранность (*театральный жест, театральный голос*). Подобная интерпретация имеет глубокие корни. Этимологический экскурс в содержание семантики игры в древнегреческом языке позволили С. А. Ромашко декодировать значение слова (<ηυροκίπωμα), что переводится как ‘актерская игра, притворство, лицемерие’, соответственно, в одном синонимическом ряду [3 : 86]. В процессе анализа метафорических значений театрально-игровой лексики Г. И. Кустова дифференцирует понятия театрального дискурса как относящиеся к специфическому и неспецифическому употреблению: неспецифическое использование распространяется преимущественно на обозначения жанра (*жизненная драма, произошла трагедия*), где нет прямой аналогии с театром; игровой же компонент искусства (представление, зрелища, спектакль, фарс и т.д.) служит преимущественно для критической оценки поведения человека в жизни (*Не устраивай сцен!; Не актерствуй! Устроили спектакль!*) [4 : 180–182].

В профессиональном дискурсе преобладает установка на перенос жизненности в театральное действие как знак истинности, искренности. Н. Г. Брагина отмечает, что о блестящей актерской игре говорят *Он (она) живет на сцене, а не играет*. Существует мнение: *На сцене надо жить, а не играть*. Данное утверждение имплицитно содержит установку на естественность, спонтанность, инстинктивность актерской игры [5 : 133].

Соответственно, оппозиция искусство (театр) / жизнь многопланово соотносится с дихотомией истинное / ложное. В одном измерении истинным признается жизнь, а ложным – искусство. В свою очередь, в искусстве возможно истинное, т.е. приближенное к жизни, и ложное воспроизведение, что соотносится с представлениями о мастерстве художника (= актера). В жизни условно фальшь (ложное) соотносят с театром.

Таким образом, соотношение дихотомий истинное / ложное и жизнь / театр представляет собой сложную, многогранную этическую и экзистенциальную взаимосвязь. Коммуникативный процесс – интеракция между людьми – выступает своеобразным катализатором смыслов, соединяющим дихотомии, позволяющим различать истинное и ложное, преобразовывать театр в жизнь, а не жизнь в театр.

Текст и спектакль. Несмотря на тесную, органическую связь, глубинную преемственность, текст драматургии и театральный спектакль, как отмечалось, относятся не только к разным видам искусства, но и к различным семиотическим и семантическим системам. Так, текст, состоящий из (1) непосредственно воспроизведенных высказываний, реплик, рассуждений персонажей и (2) определенного набора авторских ремарок, моделируется автором-драматургом и является самостоятельным художественным произведением. Выход на другой уровень драматургического дискурса (спектакль предполагает творческую интерпретацию текста, воплощаемую в сценическое искусство).

И. П. Зайцева отмечает, что текст пьесы рассматривается как исходный вариант бытования произведения драматургии, своеобразная «точка отсчета» для всех последующих – преимущественно сценических – трансформаций данного изначально в текстовом виде драматургического содержания, у которого при функционировании обнаруживаются связи с различными коммуникативно-речевыми подсистемами национального языка (функциональными стилями и иными подъязыками, входящими в его состав); системами, в которых в социуме осуществляется культурное, политическое, экономическое и иного рода взаимодействие, и т.д.) [6 : 271].

Сам текст в театральном дискурсе осмысливается, по мнению А. Юберсфельд, как вопрос о положении речи: кто с кем говорит и в каких условиях можно говорить? [цит. по 7]. На наш взгляд, в сценическом воплощении пьесы актуализируется и вопрос: как (и кто) говорит? Представляемая коммуникация воплощает глубинный замысел дра-

матурга, связанный как с глобальным осмыслением бытия, так и с конкретными житейскими ситуациями. Воплощение художественного замысла через воспроизведение вербальной интеракции в коммуникативной повседневности людей представляется наиболее значимой тайной & проблемой & реальностью драматургического дискурса.

Действующие лица и роли. В начале текста каждого драматического произведения выписаны действующие лица. Любая пьеса как жанр литературы представляет собой экзистенциальную и эстетическую концепцию драматурга, воплощенную в коммуникативном взаимодействии действующих лиц = персонажей = языковых личностей. Их речевые характеристики выступают своеобразным инвариантом коммуникативного поведения в определенных бытовых / бытийных ситуациях. Персонажи (действующие лица) выписаны из ролей жизненных для их трансформации в роли сценические. Само толкование лексемы *роль* включает, в первую очередь, сценическое воплощение персонажа: Персонаж драматического произведения, изображаемый на сцене актером; играть роль кого-нибудь [1 : 30311]. Перенос из театрального мира в бытийную реальность понятия *роль* предопределяет включение семы (перен.) 'деятельность, образ действий, манера держать себя' [1 : 30311]. В данном случае актуализируется также сема 'манера говорить'. В семантической структуре лексемы *роль* значимой также является выделяемая сема 'значение, род и степень участия в каком-н. деле, предприятии, событии' [1 : 30311], обуславливающая определенным образом значимость того или иного персонажа в контексте пьесы, особенностей его (ее) поведения, мировоззрения, представлений о мире, что и воплощается в избираемых речевых жанрах и языковых средствах. Следовательно, инвариантная бытийная роль трансформируется в речевой портрет персонажа, дабы воплотиться в роль сценическую.

II

Драматическое произведение, в свою очередь, представляет собой своеобразный гипержанр, соединяющий гибкую систему речевых жанров, воссоздаваемых персонажами. Иными словами, отражение экзистенциальной и последующее формирование сценической роли основывается на жанровой презентации выписанного, созданного персонажа – определенной языковой личности.

Формирование дискурса, как в непосредственном общении, так и в процессе его вос-

создания в драматургии, осуществляется конкретными коммуникантами, т.е. языковыми личностями. Необходимость анализа процессов вербальной интеракции с учетом порождающих данный процесс языковых личностей предопределяет появление новых научных студий. Соединение лингвистической генологии и персонологической лингвистики позволило говорить о современной исследовательской парадигме – персонологической генриктике, которую В. В. Дементьев определяет как направление теории речевых жанров, которое естественным образом складывается на пересечении данной теории с теорией языковой личности / лингвоперсонологией [8 : 5]. Изучение набора используемых известных и предпочитаемых данной языковой личностью жанров [8 : 5]. позволяет моделировать психологические, социальные, социокультурные, различные другие значимые параметры личности. О показательности жанровой характеристики личности писал и К. Ф. Седов: В ходе своего социального становления личность «врастает» в систему жанровых норм. В свою очередь эта система «врастает» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной (жанровой) компетенции, влияя на характер речевого поведения личности [9 : 27].

Приоритет жанров, избираемых и воплощаемых человеком в определенной коммуникативной ситуации, представляется значимым как для самого процесса общения, так и для характеристики коммуникантов. Принимая во внимание значимость предлагаемых Т. В. Шмелевой компонентов паспорта жанра, в частности, концепции автора и адресата, коммуникативного прошлого и будущего, событийного содержания [10], предлагаем анализ коммуникативного настоящего в драматургическом дискурсе.

Мы исходим из предположения, что система персонажей – ролей создает жанровый континуум, объединенный гипержанром пьесы. Влияющие на речевое поведение особенности каждой языковой личности обуславливают определенное варьирование речевых жанров.

III

Пьеса современного украинского поэта и драматурга А. Ирванца Прямий ефір представляет собой пародию как на ток-шоу, так и на определенные социально-психологические типы людей. Абсурдность обсуждаемой темы, так называемого мультиплиондизма (порождаемого различные интерпретации) предопределяет воссоздание и созда-

ние колоритных ролей, воплощаемых в жанровых вариациях, речевых характеристиках. Гипержанром пьесы является обсуждение, обмен мнениями, индивидуально трансформируемые языковыми личностями.

Этикетные жанры, которые воспроизводят ведущие в передаче, относятся к профессиональной ритуальной речи, включают приветствие, темпоральные маркеры, называющие периодичность события, и интригующий компонент, привлекающий внимание к конкретной, данной передаче:

ВЕДУЧИЙ. Добрий вечір, дорогі наші глядачі!

ВЕДУЧА. Добрий вечір!

ВЕДУЧИЙ. Сьогодні, як і щотижня, ми знову в прямому ефірі, і знову говоримо з вами про важливе, про актуальне, про наболіле...

ВЕДУЧА. Та сьогодні наша передача – особлива.

Ритуал вхождения в жанр сменяется солирующими высказываниями гостей о явлении мультиплиондизма.

Высказывания учительницы едва ли соответствуют теме обсуждения. Растерянность и невладение ситуацией определяют сбивчивую, непоследовательную речь, в которой варьируются императивные и оценочные жанры.

ВЧИТЕЛЬКА. Я одразу мушу сказати, що я говоритиму те, що я думаю. І тому, можливо, комусь у студії або серед глядачів це може не сподобатися. Я хвилююся... перш ніж прийти на цю передачу, я довго собі думала. І вирішила – скажу все, як є. У теперішні часи... от ми, наприклад, наше покоління, ми зростали в зовсім інший час. Було так тяжко. Але ми дуже хотіли вчитися. І ось тепер, коли дивишся на сьогоднішню молодь... я нічого не хочу сказати, є серед молодих і старанні, ретельні, сумірні, але... от, наприклад, вихованки нашого спеціалістату...

Первоначальная категорическая конфронтация с аудиторией (возможно, комусь у студії або серед глядачів це може не сподобатися), со временем (наше покоління, ми зростали в зовсім інший час) сменяются намеками на жанр осуждения (І ось тепер, коли дивишся на сьогоднішню молодь...).

В последующих попытках обсудить проблему героиня снова отходит от жанра 'обсуждения', апеллируя к сетованию.

ВЧИТЕЛЬКА. Зараз-зараз, я скажу й про це. Але дайте мені закінчити. От учора на педраді в нашій школі вчительки, коли довідалися, що я запрошена сьогодні на телебачення, просили мене передовсім наголосити на малій, катастрофічно малій, просто жебрацькій платні наших педагогів. Ви розумієте, працівники освітянської ниви сьогодні поставлені в такі умови, що... вони просто...

Учительница так и не пытается дать ответ на странный вопрос, постоянно отвлекаясь на различные темы. Вариативность жанров свидетельствует о растерянности, негибкости языковой личности персонажа. Между тем героиня, привыкшая к жанру «разъяснение», постоянно использует вводные конструкции, обращения, императив, направленные на пояснение своей превалирующей позиции:

ВЧИТЕЛЬКА. Ні, я думаю... хоча, ви розумієте, наша школа – це заклад нетиповий, своєрідний. Але ми, увесь педколектив, ми робимо все, щоб дівчатка, наші вихованки, почувались у нас, як удома. Щоб вони не відчували ніякої різниці між іншою, звичайною школою, і нашою. А контингент у нас, як ви самі розумієте, дуже складний. Але щоб вони... ні, це неможливо. У нас же персонал весь час з ними, і вночі чергові вихователі теж. Ну там, може, хтось один, крадькома. Але в загальній масі колектив у нас здоровий і, я гадаю, здатен дати відсіч будь-яким проявам... Та якщо й надалі триватиме таке принижене становище педагогів, якщо уряд найближчим часом не збільшить платню вчителям, як мінімум, на...

Роль и жанровый континуум профессора политологии принципиально отличается от учительницы: последовательное изложение своей точки зрения тяготеет к жанру «лекция»:

До всякого явища у житті суспільства слід підходити виважено. <...> Мультиплиондизм – це складне слово, перша його частина від латинського мульті, що означає багато, безліч, а друга – від кореня плюндус, ну, це, я гадаю, перекладу не потребує... Про мультиплиондизм за кордоном вже чимало написано, ось і нещодавно теж вийшов з друку там, у них, збірник цілого колективу авторів (бере до рук якусь книгу, читає титул). Малтіпландізм е-е... фромзесстердей ту зетуморров. Тобто, перекладається ця назва, як... Мультиплиондизм не має майбутнього.

Дидактическая преемблa, представленная модальным предикатом, переходит в «разъяснение». Профессор апеллирует к толкованию слова, ведущему к объяснению понятия, освещает якобы историю разработки проблемы.

Дальнейшее коммуникативное представление профессора воплощает все нюансы научного стиля вообще и жанра «лекции», в частности. Показательным является употребление местоимения *мы*, позволяющим избежать категоричности собственных суждений:

Ну, тут ми, можливо, не всі такого погляду дотримуємося. Наш дослідний інститут вже отримав для своїх спеціалістів одного примірника цієї

книги, саме зараз фахівці її вивчають, можливо, ми навіть щось перекладемо і видамо тут, у нас, який-небудь скорочений варіант для обмеженого користування. Отож, як це усі ми сьогодні прекрасно розуміємо, мультиплюндизм існує і в нашому суспільстві, звичайно, на рівні обмеженому, локальному. Але існує.

Постепенно научный стиль изложения сменяется элементами публицистичности:

Я навіть відкрив невеличку таємницю: як мені стало відомо, нещодавно питання про мультиплюндизм навіть розглядалося на закритому засіданні спеціальної комісії сенату. Отже, як бачимо, навіть на рівні, так би мовити, державному існує увага до цієї проблеми. Ну, а що стосується мультиплюндизму, так би мовити, в побуті, ось стосовно переглянутого нами матеріалу, то моє особисте до цього ставлення таке – можливо, і це має право на існування, коли при цьому не входить у суперечності з інтересами інших людей, не заторкувати їх, розумієте! Тобто, тема ця дуже делікатна, і я наголошую, що це моя особиста думка... бо коли таке явище переростає свої рамки, виходить за них, – отут вже, очевидно, держава має право втрутитися, і навіть зобов'язана це зробити. Це що стосується мого погляду на ці речі. Ви мене зрозуміли, я сподіваюся...

Професор апеллює к елементам таємності (відкрив невеличку таємницю), к експресивності (і я наголошую, що це моя особиста думка), модальності (має право втрутитися, і навіть зобов'язана), що трансформірує жанр «лекції» в жанр «публицистического выступления».

Следующий персонаж – Начальник воспитательного отдела Генерального штаба генерал-адмирал Момотко. Языковая личность военного, реализующаяся преимущественно в жанрах «приказ», «наставление», оказывается в непривычном для него дискурсе.

ГЕНЕРАЛ. Армія, як ви всі повинні зрозуміти, це зовсім не громадянська, не цивільна установа. Вона живе за своїми законами, строгими законами, я сказав би, і тому в армії нема і не може бути місця тому, що не передбачено її статутом, наказами й розпорядженнями вищестояючого керівництва.

Вводная конструкция в первом предложении обуславливает интерпретацию роли в рамках жанра *пояснение*. Генерал очерчивает границы и содержание своей жанровой компетенции с четкой иерархией, определяющей возможность / невозможность существования каких-либо тем, проблем, мыслей:

От і цей ваш, як ви тут кажете, мультиплюндизм. Я не виключаю, може, хтось з ново-

бранців іще вспів нахвататися цього на громадянці, але вже в армії... хотів би я побачити, наприклад, після п'яти годин строювої підготовки, або після маршового кидка у повній викладці – який може бути мультиплюндизм? Хоча з іншого боку, якщо наш виховний відділ отримає необхідні вказівки й розпорядження, тобто якщо керівництво нашої держави вважатиме, скажемо, за доцільне... але поки що, я наголошую, поки що в нашій армії цього нема, бо воно нам непотрібне і суперечить самому духові наших доблесних збройних сил. От ми тільки що продивилися оці кадри, оці, зняті прихованою камерою! А ви уявіть собі, якщо раптом таке на бойовому чергуванні? У танку, чи в окопах? Чи на підводному човні? Ну, можете собі таке уявити? Ні! Ото ж бо й воно!..

Противопоставление реальности военного дискурса и соответствующего мышления различным социальным реалиям осуществляется с помощью своеобразного жанра *размышление*, в котором утверждается, что, с одной стороны, данное социальное явление невозможно, но в случае приказа возможно все. Стратегии риторических вопросов, призывов свидетельствуют скорее о невозможности глубинного размышления, анализа фактов и явлений. Практически персонаж проявляется в неопределенном жанре.

В развязке пьесы срывается прямой эфир изменением политического положения и, соответственно, идеологии, а значит – и отношением к мультиплюндизму. Опуская достаточно интересный социально-политический контекст произведения, отметим, что многоплановые смыслы воплощаются в гипержанре «обмен мнениями». Способ представления того или иного мнения, позиции воплощается в избираемых речевых жанрах. Непривычная коммуникативная ситуация предопределяет когнитивный диссонанс, в котором персонажи чувствуют себя неуверенно, пытаются проникнуть в предлагаемый жанр, но возвращаясь к исходным привычным для них реалиям речевого поведения. Наиболее комфортно себя проявляет профессор, избирая естественный для него жанр *лекции*. Профессиональное чувство аудитории предопределяет вариативность избранного жанра, переход к публицистическому выступлению с соответствующим приобщением различных экспрессивных средств воздействия на реципиентов.

Несмотря на профессиональное родство, учительнице не удается оставаться в рамках жанров *обсуждение, обмен мнениями*: она сбивается то на императивные, оценочные жанры, то апеллирует к жанру *сетование*, то пытается перейти к *разъяснению*. Избегая каких-либо обобщений, предположим, что

презентация языковой личности учительницы выступает отнюдь не универсальной профессиональной характеристикой, однако фиксирует большую склонность к императиву и оценкам в отношениях с воспитанниками, нежели лектор, фокусирующий внимание на сути излагаемых вопросов. Невозможность сформулировать собственное мнение и предопределяет сбивчивые попытки найти адекватный жанр из личного педагогического репертуара учительницы.

Апелляция к участию в жанре *обмен мнениями* начальника воспитательного отдела Генерального штаба генерал-адмирала Момотко выглядит карикатурно. Предельная неадекватность предложенной коммуникативной реальности и привычного речеванового бытия языковой личности персонажа парализует развитие воссоздаваемой беседы. Персонаж не находит возможного жанрового воплощения своей позиции, своих мыслей из личного репертуара: *приказов, наставлений, исполнений*.

Следовательно, определенный жизненный опыт (речевое бытие, в т.ч. и профессиональное) формирует жанровый репертуар языковой личности, а также возможность гибкого и адекватного варьирования, вхождения в иные жанры и гипержанры. Непривычные коммуникативные ситуации предопределяют либо нагромождение привычных жанров, зачастую не адекватных предложенной ситуации, либо абсолютное нивелирование жанров, образование некой жанровой лакуны, обусловленное невозможностью вхождения в коммуникативную реальность.

Воспроизведение проблемы в драматургическом дискурсе позволяет более выразительно, образно оттенить сущность жанровых трансформаций в коммуникативном процессе, в игровой, отчасти абсурдной форме сфокусировать внимание на тонкостях речевого бытия языковых личностей, исполняющих определенные жизненные роли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.vedu.ru/expdic/> (дата обращения: 01.03.2015).
2. Кубрякова Е. С. Лингвокультурологический статус драмы // Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка : Когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. С. 128–146.
3. Ромашко С. А. Смертельные игры : агон и агония // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М. : Индрик, 2006. С. 86–97.
4. Кустова Г. И. Метафорические значения театрально-игровой лексики // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М. : Индрик, 2006. С. 178–188.

5. Брагина Н. Г. Метафоры игры в описаниях мира человека // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М. : Индрик, 2006. С. 120–143.

6. Зайцева И. П. Дискурс-анализ как способ постижения своеобразия современной драматургии // Лінгвістичні студії: збірник наукових праць. Донецьк, 2008. Вип. 16. С. 271–280.

7. Пави П. Словарь театра. М. : Прогресс, 1991. 504 с.

8. Дементьев В. В. Персонологическая генристика // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов : ИЦ Наука, 2011. С. 5–25.

9. Седов К. Ф. Речевановая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов : ИЦ Наука, 2011. С. 25–47.

10. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 81–89.

REFERENCES

1. Tolkovyi slovar' russkogo jazyka (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Available at: <http://www.vedu.ru/expdic/> (accessed 01 March 2015).
2. Kubriakova E. S. Lingvokulturologicheskii status dramy [Lingvocultural status of drama]. Kubriakova E. S. *V poiskah sushnosti jazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of language nature: cognitive research]. Moscow, 2012, pp. 128–146.
3. Romashko S. A. Smertel'nye igry: agon i agonija [Deadly games: the agon and the agony]. *Logicheskii analiz jazyka. Konceptual'nye polja igry* [Logical analysis of language. Conceptual field of game]. Moscow, 2006, pp. 86–97.
4. Kustova G. I. Metaforicheskie znachenija teatral'no-igrovoi leksiki [Figurative meaning of theatre lexis]. *Logicheskii analiz jazyka. Konceptual'nye polja igry* [Logical analysis of language. Conceptual field of game]. Moscow. 2006, pp. 178–188.
5. Bragina N. G. Metafori igry v opisanijah mira cheloveka [Metaphor of game in the person's world description]. *Logicheskii analiz jazyka. Kontseptualnye polya igry* [Logical analysis of language. Conceptual field of game]. Moscow, 2006, pp. 120–143.
6. Zaytseva I. P. Diskurs-analiz kak sposob postizhenija svoeobrazija sovremennoi dramaturgii. [Discourse-analyses as a way of modern drama composition studying]. *Linhvistychni studii: collected papers*. Donetsk, 2008, iss. 16, pp. 271–280.
7. Pavi P. *Slovar' teatra* [Theatre dictionary]. Moscow, 1991. 504 p.
8. Dementyev V. V. Personologicheskaja genristika [Personological generistics]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 7, Saratov, 2011, pp. 5–25.
9. Sedov K. F. Rechezhanrovaja identichnost' kak komponent kommunikativnoi kompetencii lichnosti [Speech-genre identity as the component of communicative competence of a person]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific

works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 7, Saratov, 2011, pp. 25–47.

10. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Speech genre model]. *Antalogiya rechevykh zhanrov:*

povsednevnyaya communicatsiya [Anthology of genres: everyday communication]. Moscow, 2007, pp. 81–89.

Статья поступила в редакцию 11.08.2014.

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 81'38::004.738.5
ББК 81:32.973.202

Е. И. Горошко, Т. Л. Полякова
Харьков, Украина

К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИИ ЖАНРОВ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития нового направления в интернет-лингвистике виртуального жанроведения, которое является продолжением реального жанроведения, но уже в коммуникативном пространстве Глобальной паутины. Проблема выявления критериев для упорядочения речевых жанров в коммуникативном пространстве Интернета чрезвычайно сложна и многообразна, что ведет к многообразию классификаций жанров новой коммуникативной среды, которые возникают под воздействием социальных медий. В статье мы рассматриваем интерактивные модальные сайты или порталы как конвергентный гипержанр 2.0, объединяющий на основе платформ социальных медий несколько жанров 2.0 одновременно. Наиболее яркими примерами таких жанров являются коммуникативные сервисы видеохостингов (Ютуб или Вимео) и социальные сети (Фейсбук или ВКонтакте). Основной вывод: бурное развитие интернет-технологий приводит к тому, что в виртуальном жанроведении возникают новые классификации интернет-жанров, которые основаны на трех базовых составляющих – технологическом факторе (веб 1.0 – веб 2.0 – веб 3.0), исходящем из концепции развития интернет-технологий, иерархическом (гипержанр – жанр – субжанр) и коммуникативно-динамическом (традиционные коммуникации, конвергенция, гибридизация, мутация).

Ключевые слова: социальные медиа, виртуальное жанроведение, гипержанр 2.0, интерактивный мультимодальный портал (сайт).

Сведения об авторах: Горошко Елена Игоревна, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка, профессор, доктор филологических наук, доктор социологических наук.

Полякова Татьяна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и иностранного языка.

Место работы: Национальный технический университет Харьковский политехнический институт, Украина.

E-mail: olena_goroshko@yahoo.com; tatyjanaji@mail.ru

O. Ig. Goroshko, T. L. Poljakova
Kharkov, Ukraine

THE CONSTRUCTION OF GENRE TYPOLOGY OF THE SOCIAL MEDIA

Abstract. This article focuses on the development of a new trend in the digital genre theory of the computer-mediated communication (CMC). It is an extension of the offline genres theory but applied to the communicative space of the world wide web. The task of defining criteria for the speech genres in the communicative space of the Internet is extremely complex and many-fold. As a result we observe a diversity of classifications of the newcommunicative environment which arise under the influence of social media. In this article we consider modal interactive sites or portals as a convergent hyper genre 2.0 combining several genres simultaneously on the social media communicative platforms. The most salient examples of such genres 2.0 are video hosting (YouTube or Vimeo) and social networks (Facebook or V Kontakte). The main conclusion is that a rapid development of Internet technologies triggers emergence of new digital genre classifications based on three components – technological (web 1.0 – web 2.0 – web 3.0), hierarchical (hyper genre – genre – subgenre) and communicative-dynamic (conventional communication, convergence, hybridization, mutation).

Key words: social media, digital genres, hyper genre 2.0, interactive multimodal portal (site).

About the authors: Goroshko Olena Igorevna, Chair of the Department of Cross-Cultural Communication and Modern Languages, Professor, Doctor of Philology, Doctor of Sociology.

Poljakova Tetjana Leonidovna, PhD in Linguistics, Associate Professor, Cross-Cultural Communication and Foreign Languages.

Place of employment: National Technical University Kharkov Polytechnic Institute (Kharkov, Ukraine).

Несмотря на большое количество исследований, связанных с интернет-коммуникацией, проблема развития интернет-жанров в рамках виртуального жанроведения разработана недостаточно. И этому способствует ряд причин: сложность организации комму-

никативного веб-пространства, в котором эти жанры реализуются, особенности функционирования языка в Интернете, постоянное развитие интернет-технологий и проч. И все эти процессы, происходящие в виртуальном жанроведении, нуждаются в некоем лингви-

стическом упорядочении, а именно – в разработке *динамической типологии жанров*, то есть в построении такой классификации, которая могла постоянно трансформироваться без потери своего стержня, или хотя бы – в качестве первого исследовательского шага – постараться выделить основы для ее построения и создать некую модель, отвечающую требованиям постоянно изменяющийся динамической коммуникативной среды. Это и стало целью данной работы.

Если бы мы хотели сделать мгновенный снимок функционирования интернет-жанров, то на снимке было бы видно, что в Интернете одновременно сосуществуют традиционные *бумажные жанры*, не претерпевшие своего существенного изменения в сети, например файлы письменных документов в формате *pdf*. Одновременно появляются абсолютно новые, *цифровые* или *сетевые* жанры, которые своим рождением обязаны исключительно техническим возможностям сети Интернет и сервисов на ее основе: например *чат* или *служба мгновенных сообщений*. Возникают и *гибридные жанры*, которые под воздействием интернет-технологий или значительно изменились (например, *блоггинг*, возникший по аналогии с ведением бумажных дневников в реальной жизни), и *конвергентные* – объединяющие в себе несколько различных интернет-жанров в рамках одного коммуникативного сервиса или платформы, *мутированные жанры*, которые преобразовались в иные формы, когда становится сложно понять даже, из чего они произошли первоначально (мультипользовательские миры подобно Мад или Мур (англ.: *Muds или Moors*)). То есть коммуникативно-динамические изменения виртуальных жанров приводят к сосуществованию одновременно нескольких форматов: без изменений / с изменениями, которые в свою очередь подразделяются на *конвергенцию*, *мутацию* или *гибридизацию*.

Активное исследование жанровой системы интернет-коммуникации в последнее время позволяет говорить о нем уже как о жанровом подходе к изучению данного вида коммуникации, который создал базу для развития нового направления в интернет-лингвистике – *виртуального жанроведения* [1–6], основной целью которого стало описание и структурирование всего многообразия виртуальных или интернет-жанров, а также способов их классификации, а базовым понятием для виртуального жанроведения становится *интернет-жанр*.

Заметим, что существует много определений *интернет-жанра*. Так, о данном феномене говорят, например, как о *речевом*

денческом типе компьютерного дискурса [7 : 13]. Одновременно под интернет-жанром понимают ... устойчивый тип текста, форму, которую принимают конкретные проявления речевой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации [8 : 20] и... вербально-знаковое оформление типичной ситуации взаимодействия людей в сети Интернет [9].

Л. Ю. Щипицина, говоря о *цифровом жанре*, предлагает несколько иное определение данного понятия. Исследовательница различает понятия *цифровые жанры* и *жанры компьютерно-опосредованной коммуникации*, считая первые более широким понятием, т.к. сам термин *цифровой* относится к новым формам получения, переработки информации, которые основаны на специальных цифровых (цифровых) технологиях и которые не ограничиваются только компьютером и Интернетом. Кроме жанров компьютерно-опосредованной информации, по словам Л. Ю. Щипициной, ... цифровыми являются любые другие жанры, которые возникают на основе коммуникации при помощи цифровых технологий, например, мобильная телефония или ее текстовая разновидность SMS [8 : 19]. Говоря о коммуникации с помощью мобильных телефонов, пейджеров и т.д., предлагается также использовать термин *электронный жанр* [2 : 2].

При всем разнообразии определений этого термина под *интернет-жанром*, мы, прежде всего, понимаем устойчивые типы текста, назначение которых определяет его форму, и которые обслуживают типическую ситуацию коммуникации в сети Интернет [10].

После определения интернет-жанров стоит задача их выделения и описания. И эта задача в основном может быть решена через их классификацию.

В интернет-лингвистике можно встретить большое количество классификаций интернет-жанров, которые основываются на различных критериях, что привело к тому, что проблема их выделения и формализации стала одной из наиболее актуальных в виртуальном жанроведении.

В настоящее время используют различные классификации жанров интернет-коммуникации, построенные отчасти на тех же основаниях, что и классификация жанров традиционных сфер общения, отчасти – на новых [11 : 275], но что несомненно: их классификация должна основываться на определенных жанрообразующих признаках, среди которых исследователями выделяются такие: *тематический признак*, *коммуникативная цель*, *модель автора и адресата*, *языковое воплощение жанра* [12 : 35–36; 13 :

63], *сфера общения, режим синхронного / асинхронного времени, форма объективации (близость к письменному или устному тексту), диалог / полилог, композиция* [12 : 35–36]. Описанные признаки во многом определяют композиционное построение текста. К числу особо значимых относят и такие стилевые черты речевого жанра, как *субъективность, оценочность, нестандартизированность* [Там же].

Одновременно предлагаются различные модели характеристик интернет-жанров. Так, получила распространение трехуровневая модель жанра, включающая в себя следующие составляющие: *коммуникативная цель* (социальное предназначение данного текстового жанра), которая осуществляется посредством *структуры функционирования* (англ. *move structure*) (условная внутренняя структура, с помощью которой конкретный текстовый жанр раскрывается), реализуемая при помощи *риторических стратегий* (вербальных и визуальных) [14], *гипертекстовость* (англ. *hypertextual mode*) [15 : 2].

Дж. Йейтс и В. Орликовски выделяют схожие параметры: *цель коммуникативного действия, содержание и последовательность смысловых элементов, длина и физическая форма сообщения, автор и адресат сообщения, темпоральные ограничения на существование жанров, локальные параметры существования жанра* [16 : 63].

Одновременно К. Илстром предложила следующие жанровые характеристики: *форма, контент, цель и функциональность* [17 : 17].

Л. Ф. Компанцева, проанализировав и обобщив результаты исследований, представила следующие критерии выделения и анализа интернет-жанров: *коммуникативная цель; концепция адресанта; концепция адресата; событийное содержание; фактор коммуникативного прошлого; фактор коммуникативного будущего и языковое воплощение; ситуация общения; оппозиция узус / норма в коммуникативной организации речевого жанра; коммуникативный регистр дискурса; оппозиция информативная – фактическая речь; этнокультурная представленность речевого жанра; реализацию в структуре гипертекста; использование гипертекстового визуально-слухового компонента; возможность глобального интерактивного развития жанра* [18 : 207–208].

Однако все представленные модели характеристик интернет-жанров не являются, на наш взгляд, полными. Некоторые из них могут применяться при описании каких-либо одних жанров, но не содержат параметров, необходимых для описания других. Одни

модели не включают медийных параметров, чрезвычайно важных в условиях стремительного развития информационных технологий и связанных с ними новых форм коммуникативного взаимодействия. Кроме того, многие модели не содержат такой важной составляющей как языковой параметр, что наиболее важно для лингвистического анализа.

Поэтому, учитывая, что жанры интернет-коммуникации имеют многопризнаковую, мультимодальную природу, наибольший интерес, как мы считаем, представляет комплексная модель интернет-жанра, представленная Л. Ю. Щипициной. Данная модель включает в себя следующие параметры:

- *медийные параметры*, к которым исследовательница относит оформление жанра, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, синхронность, количество и эксплицированность коммуникантов;

- *прагматические параметры*, характеризующие ситуацию использования жанра (коммуникативная цель, тип автора, тип адресата, хронотоп);

- *структурно-семантические параметры*, предполагающие описание содержания текста конкретного жанра и в каких структурных элементах оно воплощено;

- *языковые параметры*, к которым относятся конкретные языковые средства, используемые в создании текстов различных жанров [8 : 27–63].

Несколько иной подход к классификации интернет-жанров предлагают Н. Г. Асмус и Л. Ю. Иванов, ставя в основу разграничения жанров фактор принадлежности / непринадлежности к сети Интернет. Так, они выделяют исконно сетевые жанры, т.е. порожденные самим использованием языка в сети, примерами которых выступают *жанры неспециального общения* – чаты и дискуссионные группы, и *жанры, заимствованные из других сфер общения*, к которым относятся, например, аннотации научно-технических статей или передовицы электронных СМИ [12 : 34 ; 19].

Наряду с этим существуют более традиционные классификации, в рамках которых могут быть рассмотрены как исключительно интернет-жанры, так и более традиционные, функционирующие как в сети, так и за ее пределами. Так, в зависимости от типа дискурса, под которым понимается конкретная сфера деятельности коммуниканта, предлагается следующая классификация интернет-жанров [20 : 34]:

- *персональный дискурс*: персональные чаты в межличностной (ICQ, IM) и групповой разновидностях (IRC, веб-чат), личные веб-

страницы, личные веблоги, форумы, личные электронные письма, социальные сети;

- *политический дискурс*: политические веб-страницы, политические веблоги, политический чат, политические форумы;

- *юридический дискурс*: веб-страницы юридических фирм, форумы юридической тематики;

- *деловой дискурс*: веб-страницы фирм, деловые электронные письма, Интернет-магазины;

- *рекламный дискурс*: веб-баннеры, рекламные электронные письма, контекстная реклама, всплывающая реклама;

- *массово-информационный дискурс*: веб-страницы сетевых СМИ и новостных агентств, списки рассылки;

- *педагогический дискурс*: академическая веб-страница (университета, школы и других образовательных учреждений), форумы, чаты, мультипользовательские миры образовательной направленности [Там же : 209].

Однако данная классификация не является однозначной, так как абсолютно не учитывает новые конвергентные тенденции в интернет-технологиях, и того факта, что на одном типе коммуникативных платформ может сосуществовать все типы дискурсов.

Исходя из того, что жанр представляет некий тип высказывания в рамках определенного дискурса, существует классификация интернет-жанров на основе структуры и композиции его текста. Жанры, выделяемые на основе этих критериев, определяются как *дискурсообразующие жанры* (электронное письмо, чат, форум, мгновенные сообщения, блог, гостевая книга, многопользовательская ролевая игра онлайн, СМС). Кроме того, говорят о *дискурсоприобретенных жанрах* (флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, флуд, послание, креатифф, спам), которые определяются на основе интенционального разнообразия высказываний текста [21 : 11].

Анализируя классификации интернет-жанров, следует подчеркнуть, что они самым непосредственным образом связаны с параметром «развитие интернет-технологий» или, как мы это называем, концепциями развития веба: веб 1.0 – веб 2.0 – веб 3.0. Так, классификация Д. Кристала базируется на ситуативном факторе и контексте развития именно технологий веб 1.0. И под жанрами ученый обозначает *ситуации использования Интернета* и включает следующие ситуации использования интернет-сервисов: *электронную почту, чат* в синхронной и асинхронной разновидностях, *мультипользовательские миры* и *Всемирную паутину* [22 : 10–14].

Существуют классификации интернет-жанров, основанные как на *сервисном факторе* (технологическом), так и на *композиционном*, в основе которого лежит понятие лингвистического дизайна (А. А. Атабекова). И здесь выделяют в зависимости от структуры или композиции интернет-текста такие жанры интернет-коммуникации как: *электронные (онлайн) библиотеки, сетература, электронные журналы, блоги, веб 2.0, блог-литература, микроблоггинг (твиттер)* [23 : 274]. Предлагают выделять и такие интернет-жанры, как: *электронная почта, чат, виртуальные конференции, электронные доски объявлений* [12 ; 18 ; 24], *форумы* [12 ; 18], *домашняя страница, различные игры и развлекательные проекты* [12], *виртуальные дневники* [18] и др., т.е. здесь классификация объединяет два основания – *сервисный* подход или технологический фактор, когда жанр реализуется в рамках определенного сервиса с неким *коммуникативным дизайном*, который и выстраивает сам жанр.

В социологии коммуникаций разрабатываются классификации интернет-жанров на основе их функциональности, т.е. в основу категоризации положены *функции использования сети Интернет*. В этой классификации существует шесть типов жанров:

- *информативные жанры*, которые используются для предъявления или получения информации (институциональные веб-страницы, веб-страницы новостных агентств и сетевых СМИ, поисковые системы, онлайн-энциклопедии, каталоги, списки рассылки, электронные библиотеки, архивы);

- *директивные жанры*, которые призваны побудить адресата осуществить какое-либо действие (веб-реклама, коммерческие и частные объявления, интернет-магазины и аукционы);

- *коммуникативные жанры*, которые служат для удовлетворения потребности в общении и соблюдения этикетных норм (чат, электронные письма, новостные группы, форумы);

- *презентационные жанры*, которые служат для самовыражения и представления данных о себе или своих произведений (личные веб-страницы, веблоги);

- *эстетические жанры*, основная цель которых реализация художественно-творческого потенциала и эстетическое воздействие на партнеров с помощью создания мнимой реальности (сетевой роман, фанфикшн);

- *развлекательные жанры*, основной целью которых является получение удовольствия от выполнения определенных

коммуникативных действий (многопользовательские миры и игры) [8].

Одновременно в функциональном подходе в качестве уточняющих параметров используют *временной параметр* (синхронность или асинхронность коммуникации), *регламентированность* (наличие или отсутствие жестких требований к форме коммуникации); *характер адресата* (массовая или личная) и *технологический параметр* [10].

При изучении блоггинга продуктивным оказался иерархический подход к описанию интернет-жанров, когда жанры интернет-коммуникации разделяют на:

- *гипержанр Интернета* (под которым понимают жанровое макрообразование, которое сопровождает социально-коммуникативные ситуации в сети Интернет и объединяет в своем составе несколько жанров) – сайт, блог, социальная сеть, электронная библиотека;

- *интернет-жанры* – электронное письмо, форум, чат, доски объявлений, рекламные баннеры, коммуникация с помощью программ мгновенного обмена сообщениями, виртуальная конференция, пост, комментарий [9]. Дополнительно выделяют *субжанры и жанроиды* [2 : 115–117 ; 9].

Необходимо отметить, что большое количество критериев для выделения интернет-жанров привело к огромному разнообразию самих классификаций, каждая из которых имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны. Основным моментом является то, что учитывая многопризнаковость жанров интернет-коммуникации, все упомянутые классификации основываются в большинстве случаев на каких-либо определенных параметрах. Так, например, классификации, представленные Л. Ю. Щипициной и Л. Ю. Ивановым, основаны на прагматических и структурно-семантических параметрах. О. В. Лутовинова выделяет жанры компьютерно-опосредованной коммуникации (аббр. КОК) на основе структурно-семантических признаков. Д. Кристалл в основу своей классификации положил медийные признаки. Положительным моментом классификации ученого, по мнению Л. Ю. Щипициной, является то, что выделение жанров подтверждается различиями в медийной и лингвистической реализации соответствующего жанра. Лингвистические особенности часто объясняются действием медийных параметров. К отрицательным моментам можно отнести тот факт, что некоторые параметры упоминаются только при рассмотрении отдельных жанров [8 : 66].

Таким образом, можно констатировать две особенности на основе анализа класси-

фикации интернет-жанров. Во-первых, является очевидным разнообразие критериев классификации интернет-жанров, существующих в современной интернет-лингвистике. Во-вторых, существует определенная сложность выделения их общих параметров для описания всех жанров интернет-коммуникации. Для каждого жанра характерными являются определенные параметры, которые могут не являться основополагающими при описании других интернет-жанров.

Итак, мы видим, что проблема выявления критериев для выделения речевых жанров в коммуникативном пространстве Интернета чрезвычайно сложна и многообразна, что, соответственно, ведет и к многообразию классификаций жанров новой коммуникативной среды, которые возникают под воздействием технологий веб 2.0 или так называемых *социальных медий* – быстро развивающихся коммуникативных технологий веб 2.0, которые позволяют большому количеству людей одновременно общаться между собой посредством сети для достижения всевозможных целей. В социальных медиа общение может принимать самые различные формы: пользователи высказывают свое мнение, делятся опытом, знаниями, любой информацией, а также устанавливают контакты и взаимодействуют между собой.

А. Каплан и М. Ханлайн определяют социальные медиа как группу интернет-приложений на той или иной идеологической и технологической базе веб 2.0, которые позволяют участникам социальных сервисов создавать содержание (контент) и обмениваться им [25].

Классификации жанров в социальных медиа основываются на коммуникативном (особенностях функционирования этих социальных медий) и технологическом факторах.

Так, к основным коммуникативным особенностям этих медий можно отнести следующее:

- быстрое создание пользовательского контента;
- возможность мгновенного и одновременного редактирования;
- совместная работа над любым текстом или проектом;
- возможность практически постоянного общения;
- хранение больших объемов информации непосредственно в сети; а не на электронных носителях;
- легкость в работе с контентом;
- распространение интерфейсов, дружественных для пользователей;

- усиление аудиовизуального формата в передаче и представлении данных;
- смешение границ между публичным и приватным в Интернете, когда традиционная приватная информация или информация для избранных становится публичной и доступной всем желающим и некоторые другие свойства [4 : 63].

Появление интернет-технологий второго веба и стремительное развитие социальных медий, работающих на основе этой веб-концепции (социальные сети, блоги, файлообменники для хранения пользовательской аудио и визуальной информации), привело к возникновению и новых жанров, которые можно условно назвать *жанры 2.0*. Среди них стали появляться и гибридные жанры, которые не имеют своих бумажных аналогов и скорее представляют чистые продукты интернет-технологий, рождение которых обусловлено объединением нескольких интернет-жанров в рамках единого интернет-сервиса или платформы [3 : 14]. К таким новым гибридным или конвергентным жанрам 2.0 можно отнести *твиттинг* или *блоггинг*.

Если мы подойдем к построению классификации интернет-жанров на основе технологического критерия, то здесь целесообразно разделить интернет-жанры по технологическому критерию, который влияет не только на оформление жанра, особенности его функционирования в сети Интернет, но также и на особенности обслуживающего его языка. Использование интернет-технологий позволяет включать в текст видеоизображения, аудиозаписи, анимацию, широко использовать графические средства (применение различных шрифтов, цвета и т.д.). Технологии позволяют изменять внешний вид текстов, их содержание, структуру и т.д. Согласно данному критерию мы предлагаем разделить интернет-жанры на:

- *жанры первого веба (веб 1.0)*, контент которых создается профессионалами интернет-сообщества и их содержание практически не подлежит изменению. Таким образом, влияние технологического критерия в данном случае минимально. Однако необходимо заметить, что в данных жанрах уже отмечаются черты гипертекстуальности, что логически подводит к появлению жанров второго веба, где влияние технологий значительно шире. Примером жанров 1 веба могут служить тексты в формате *pdf*, *WinDjView* и др.;
- *жанры второго веба (веб 2.0)*, содержание которых может создаваться и корректироваться простыми пользователями, причем их количество неограниченно. Влияние интернет-технологий в данных жанрах до-

статочно велико, благодаря чему они отличаются высокой степенью креализованности, гипертекстуальности, оперативности, интерактивности и т.д. Примерами жанров второго веба являются социальные сети, блоги и др.;

жанры третьего веба (веб 3.0), подразумевающие, что в создании контента принимают участие как простые пользователи, так и профессионалы, *эксперты направлений – особые сетевые лидеры мнений*, которые профессионально формируют и отслеживают контент [3 : 16–17]. Поиск информации в данном случае осуществляется не самим пользователем, а поисковыми машинами, которые ищут информацию по содержанию, включая поиск по видео- и цифровым изображениям, основанный на анализе метаданных [Там же].

Таким образом, бурное развитие интернет-технологий приводит к тому, что в виртуальном жанроведении возникают новые классификации интернет-жанров, которые основаны на трех базовых составляющих – *технологическом факторе* (веб 1.0 – веб 2.0 – веб 3.0), исходящем из концепции развития интернет-технологий, *иерархическом* (гипержанр – жанр – субжанр) и *коммуникативно-динамическом* (традиционные коммуникации, конвергенция, гибридизация, мутация).

Для иллюстрации сказанного рассмотрим жанровые процессы, происходящие на сайтах второго веба или *интерактивных мультимодальных платформах* (англ: *interactive multimodal platforms (sites)* (аббр. ИМП)), которые позволяют в социальном вебе комментировать мультимодальный контент посредством мультимодальных каналов в границах одного сайта. ИМП минимально использует текст и еще одну дополнительную семиотическую систему (видео, аудио, графику). И эти модусы могут реализовываться как в синхронном, так и асинхронном режимах передачи данных.

ИМПы собственно всегда являются сервисами второго веба, инкорпорируя пользовательский контент и социальные интеракции в единое коммуникативное пространство, в то время как далеко не все сервисы веб 2.0 представляют собой ИМПы. Например, Твиттер или Википедия в их современном виде не могут быть отнесены к ИМПам. Один из первых примеров ИМПа стал сервис Ютуба, который позволял в асинхронном режиме зарегистрированным пользователям комментировать размещаемые видео на канале как в текстовом, так и видео-форматах. Социальная сеть Фейсбук стала ИМПом после того, когда предоставила своим пользо-

вателям сервис видео-чата. Другой яркий пример ИМПов – это игровые сервисы, например онлайн-игра *Мир военных искусств* (англ.: *World of Warcraft*), которая несколько лет назад добавила в свой коммуникативный дизайн опцию синхронного аудио-чата к текстовому обмену сообщениями. Популярный сегодня среди пользователей смартфонов сервис WhatsApp представляет пример ИМПа, созданного для мобильных расширений. Этот сервис позволяет параллельно с текстовыми сообщениями обмениваться фото, видео и аудио-информацией в рамках одного диалога. И эти мультимодальные комментаторские среды ставят перед виртуальным жанроведением ряд вопросов. Например, как и зачем люди общаются в рамках данной жанровой модели? До какой степени выбор ими текста, звука или изображения влияет на сам жанр и его оформление? Как коммуникативный эффект воздействия связан с тем или иным форматом передачи информации (текст, звук, видео)? И как один формат воздействия связан с другим? До какой степени этот выбор влияет на получателя сообщения? И как вся эта информация, полученная посредством нашего практического анализа, может повлиять на улучшение работы сервиса с точки зрения усиления коммуникативного эффекта воздействия [26 : 1–2]?

Исходя из проведенного анализа классификации жанров, мы можем рассматривать ИМП как *конвергентный гипержанр 2.0*, объединяющий на основе платформ второго веба несколько жанров 2.0 одновременно. Наиболее яркими примерами таких жанров являются коммуникативные сервисы видеохостингов (Ютуб или Вимео) и социальные сети (Фейсбук или ВКонтакте).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горошко Е. И., Землякова Е. А., Полякова Т. Л. Жанры 2.0 : проблема типологии и категоризации (на примере коммуникативного сервиса Твиттер) // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 344–356.
2. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение : устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–124.
3. Горошко Е. И. Чирикающий жанр 2.0 Твиттер, или что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 3 (Филология). С. 11–20.
4. Горошко Е. И. Гендерные аспекты интернет-коммуникаций : дис. ... д-ра соц. наук. Харьков, 2009. 500 с.
5. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета : формирование дисциплинарной парадигмы // Жан-

ры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел : Картуш, 2007. С. 223–237.

6. Горошко Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров : к описанию проблемной области // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Саратов : Колледж, 2007. С. 111–127.

7. Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс : социолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 184 с.

8. Цицицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск : Поморский ун-т, 2009. 238 с.

9. Землякова О. О. Лінгвостилістичні характеристики жанру англомовного корпоративного блогу : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2010. 22с.

10. Полякова Т. Л. Лінгвостилістичні характеристики жанру твіттинг в англомовній політичній інтернет-комунікації : автореф. канд. філол. наук. Харків, 2014. 18 с.

11. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

12. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 266 с.

13. Шмелева Т. В. Речевой жанр : Опыт общепилологического осмысления // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. С. 57–65.

14. Swales J. M. Genre Analysis – English in academic and research settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 260p.

15. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? – Genre Theory from a Multimodal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences. 2005. P. 120–141.

16. Yates J., Orlikowski W. J. Genre Systems : Structuring Interaction through Communicative Norms. Cambridge, Massachusetts, 1998. URL: <http://ccs.mit.edu/papers/CCSWP205/> (дата обращения: 12.06.2011).

17. Ihlstrom C. The Evolution of a New(s) Genre : Doctoral Dissertation. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University ; Department of Informatics, Goteborg University. Gothenburg Studies in Informatics. 2004. 164 p.

18. Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. Луганск : Знание, 2008. 528 с.

19. Иванов Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста. 2000. URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (дата обращения: 28.05.2011).

20. Цицицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа. М. : КРАСАНД, 2010. 296 с.

21. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Перемена, 2009. 477 с.

22. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 272 p.

23. Шульга О. А. Основные жанровые разновидности интернет-текстов // Ученые записки Забай-

кальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 3 (26). Серия Филология, история, востоковедение. С. 274–276.

24. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001. 212 с.

25. Kaplan, A. M., Haenlein, M. If you love something, let it go mobile: Mobile marketing and mobile social media 4x4 // Business Horizons, vol. 55, iss. 2, 2012, pp. 129–139.

26. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication // The Rutledge handbook of language and digital communication. Eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L. : Rutledge, 2015. URL: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (дата обращения: 06.07.2015).

REFERENCES

1. Goroshko E. I., Zemljakova E. A., Poljakova T. L. Zhanry 2.0: problema tipologii i kategorizacii (na primere komunikativnogo servisa Ttwitter) [Genres 2.0: the problem of typology and category-polarization (for example the communication service Twitter)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 344–356.

2. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual'noe zhanrovedenie: ustojavsheesja i spornoe [Virtual image: an established and controversial]. *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of psycholinguistics]. 2010, no. 12, pp. 105–124.

3. Goroshko E. I. Chirikajushhij zhanr 2.0 Ttwitter, ili chto novogo pojavilos' v virtual'nom zhanrovedenii [Chirping genre 2.0 Twitter or what's new in virtual garouden]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tver state University]. 2011, no. 3 (Filologija), pp. 11–20.

4. Goroshko E. I. *Gendernye aspekty internet-kommunikacij* [Gender aspects of Internet communications. Dr. philol. sci. diss.]. Har'kov, 2009. 500 p.

5. Goroshko E. I. Lingvistika Interneta: formirovanie disciplinarnoj paradigmy [Internet linguistics: development of a disciplinary paradigm]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse* [Genres and text types in academic and media discourse]. Iss. 5. Orel, 2007, pp. 223–237.

6. Goroshko E. I. Teoreticheskij analiz Internet-zhanrov: k opisaniju problemnoj oblasti [A theoretical analysis of Internet genres: to the description of the problem area]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed by V. V. Dementyev]. Iss. 4. Saratov, 2007, pp. 111–127.

7. Kondrashov P. E. *Komp'juternyj diskurs: sociolingvisticheskij aspekt* [Computer discourse: sociolinguistic aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2004. 184 p.

8. Shchipicina L. Ju. *Zhanry komp'juternoposredovannoj kommunikacii* [Genres of computer-mediated communication]. Arhangel'sk, 2009. 238 p.

9. Zemljakova O. O. *Lingvostilistichni harakteristiki zhanru anglovnogo korporativnogo blogu* [Sty-

listic characteristics of English corporate blog genre. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Harkiv, 2010. 22 p.

10. Poljakova T. L. *Lingvostilistichni harakteristiki zhanru ttwitter v anglovnij politichnij internet-kommunikacii* [Ttwitter stylistic characteristics of the genre in the English political Internet communication. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Harkiv, 2014. 18 p.

11. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov*. M., 2010. 600 s.

12. Asmus N. G. *Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo komunikativnogo prostranstva* [Linguistic features a virtual communication space. Cand. philol. sci. diss.]. Cheljabinsk, 2005. 266 p.

13. Shmeleva T. V. *Rechevoj zhanr: Opyt obshhefilologicheskogo osmyslenija* [Speech genre: Experience of general biological understanding]. *Collegium*. Kiev, 1995, no. 1–2, pp. 57–65.

14. Swales J. M. *Genre Analysis – English in academic and research settings*. Cambridge, 1990. 260 p.

15. Askehave Inger, Anne Ellerup Nielsen. What are the Characteristics of Digital Genres? – Genre Theory from a Multi-modal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences. 2005, pp. 120–141.

16. Yates J., Orlikowski W. J. *Genre Systems: Structuring Interaction through Communicative Norms*. Cambridge, Massachusetts, 1998. Available at: <http://ccs.mit.edu/papers/CCSWP205/> (accessed 12 June 2011).

17. Ihlstrom C. *The Evolution of a New(s) Genre*: Doctoral Dissertation. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Goteborg University. Gothenburg Studies in Informatics. 2004. 164 p.

18. Kompanceva L. F. *Internet-lingvistika kognitivno-pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij podhody* [Internet linguistics and cognitive-pragmatic approach lingvokulturologicheskij]. Lugansk, 2008. 528 p.

19. Ivanov L. JU. *Jazyk Interneta: zametki lingvista* (The language of the Internet: the linguist notes). 2000. Available at: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (accessed 28 May 2011).

20. Shchipicina L. Ju. *Komp'juternoposredovannaja kommunikacija. Lingvisticheskij aspekt analiza* [Computer-mediated communication. The linguistic aspect of the analysis]. Moscow, 2010. 296 p.

21. Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskie harakteristiki virtual'nogo diskursa* [Lingvokulturologicheskij characteristics of virtual discourse]. Volgograd, 2009. 477 p.

22. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, 2004. 272 p.

23. Shul'ga O. A. *Osnovnye zhanrovyje raznovidnosti internet-tekstov* [Main genre varieties online texts]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo* [Scientific notes of the Trans-Baikal State Humanitarian Pedagogical University n. a. N. G. Chernyshevskij]. 2009, no. 3 (26), pp. 274–276.

24. Galichkina E. N. *Specifika komp'juternogo diskursa na anglijskom i russkom jazykah (na materiale zhanra komp'juternyh konferencij)* [The specifics of

computer discourse in English and Russian languages (based on the genre of computer conferencing). Cand. philol. sci. diss.]. Astrahan', 2001. 212 p.

25. Kaplan, A. M., Haenlein, M. If you love something, let it go mobile: Mobile marketing and mobile social media 4x4. *Business Horizons*, vol. 55, iss. 2, pp. 129–139.

26. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication. *The Rutledge handbook of*

language and digital communication. Eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. London, 2015. Available at: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (accessed: 06 July 2015).

Статья поступила в редакцию 07.07.2015.

Э. Лассан
Каунас, Литва

E. Lissan
Kaunas, Lithuania

**ОБ ОБРЯДОВЫХ ЖАНРАХ ИНТЕРНЕТА
(НА ПРИМЕРЕ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ,
СВЯЗАННЫХ С ПОЯВЛЕНИЕМ
НОВОРОЖДЕННОГО)**

**ON THE INTERNET GENRE OF RITUAL
(BASED ON NEW BABY GREETINGS)**

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые особенности поздравительных интернет-текстов, созданных по случаю появления новорожденного. Автор анализирует тексты трех культур – русской, немецкой, польской, опираясь на сделанные ранее наблюдения над взрослыми поздравлениями, описанные им в статьях Интернет-поздравления как явление национальной культуры [1] и Культурные сценарии мышления и этикетные интернет-жанры (об интернет-поздравлениях в четырех культурах [2]. Автор полагает, что интернет-жанры близки фольклорному творчеству и отражают национально-культурные особенности мышления в определенный временной период. В результате проделанного описания автор приходит к выводу о большей близости русских взрослых и детских поздравлений, нежели это имеет место в польском и немецком соответствующем жанре. На взгляд втора, это может быть связано с тем, что ребенок не рассматривается в русской культуре как полноценный коммуникант. Автор выделяет ряд особенностей детского поздравительного жанра в каждой культуре, пытаясь объяснить их сценариями мышления анализируемых культур.

Ключевые слова: интернет-жанры, фольклорное творчество, сценарии мышления в разных культурах.

Abstract. The article focuses on the genre characteristics of online new baby greetings. The author investigates texts appearing in three cultures – Russian, German and Polish with a reference to earlier observations of «adult» greeting presented in the article «The Mental Scenarios and the Internet Centre Etiquette of Different Cultures (based on online greeting in four languages)» (2012). The author regards internet genres as remarkably similar to folklore and therefore likely to reflect the national culture-related way of thinking in a particular period of time. The author's observations lead her to conclude that there is a greater similarity between Russian «adult» and «children's» greetings than in the texts of the same genre in German and Polish. The author assumes that it may ensue from the fact that in the Russian culture a child is not traditionally regarded as a fully fledged interlocutor. The author singles out a number of peculiarities of «children's» greetings genre in each culture studied seeking to explain them through mental scenarios of the cultures.

Key words: Internet genres, folklore creative work, mental scenarios in different cultures.

Key words: Internet genres, folklore creative work, mental scenarios in different cultures.

Сведения об авторе: Лассан Элеонора, хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор филологического факультета, кафедры русской филологии. Место работы: Вильнюсский университет
E-mail: eleonora.lissan@flf.vu.lt

About the author: Lissan Eleonora, Habilitated Doctor of Humanities, Professor of Philology Faculty, Department of Russian Philology. Place of employment: Vilnius University

В предлагаемой статье мы будем говорить о жанрах, которые, на наш взгляд, можно назвать обрядовыми: существуют воспроизводимые в жизни ситуации, имеющие для субъекта символическое значение и требующие соответствующего оформления. Это оформление приобретает характер некоторых ритуализованных (оформленных по правилам) речевых актов-фраз – высказываний, имеющих сходство как на уровне содержания, так и на уровне формы и также играющих определенную символическую роль. В данном случае мы говорим о существующих на интернет-сайтах поздравительных текстах, поводом к осуществлению которых является рождение ребенка. Поль-

зование таким текстом есть речевой акт, также имеющий в определенной ситуации символическое значение: он свидетельствует о симпатии говорящего к адресату и обеспечивает обеим сторонам психологическое удовлетворение, равно как и проектирует возможное будущее адресата. Автор уже рассматривал поздравительные речевые акты, сводимые к основной мысли: «поздравляем с днем рожденья!» – в таких статьях, как Интернет-поздравления как явление национальной культуры [1] и Культурные сценарии мышления и этикетные интернет-жанры (об интернет-поздравлениях в четырех культурах [2]. Проведенный анализ позволил говорить о том, что в рамках интер-

нет-культуры сложился речевой жанр поздравлений, имеющий фольклорный характер: тексты часто анонимны или кочуют с сайта на сайт, напоминая передачу текста в устном народном творчестве. Так, например, на немецких сайтах вместо подписи стоит неизвестный составитель. На русских сайтах имеет место различная представленность автора – от отсутствия подписи до полного указания имени и фамилии создателя текста, что может быть связано с отмеченной в статье о жанре интернет-поздравлений [2] тягой к самовыражению у носителей русской культуры. Говорить об особом речевом жанре мы полагаем возможным на основе трех жанровых составляющих (по М. М. Бахтину): содержание, композиция, стиль. Как уже отмечалось, обрядовыми мы называем их в силу того, что они сопровождают некое циклически воспроизводимое событие и осуществляются по определенным правилам. Существование текста в таких ситуациях есть подчеркивание внимания к событию в жизни адресата, при этом такие события характерны для членов социума в целом, то есть воспроизводятся в жизни и отражаются в культуре. Наличие поздравительных текстов воспринимается адресатом как свидетельство интереса к его личности со стороны других людей, чья выраженная симпатия должна улучшить жизненную энергию адресата. Проведенный ранее анализ поздравительных текстов в трех культурах (русской, немецкой и польской) позволил говорить об их национальной жанровой специфике, что требует от человека, вступающего в другую культуру, определенной адаптации к существующим правилам жанра, чтобы такие тексты не показались непривычными или, более того, нелепыми.

В результате исследования поздравительных текстов трех культур, приуроченных к дню рождения, автором были сделаны некоторые обобщения относительно специфики данного речевого жанра в определенной культуре. Так, для русских поздравительных текстов характерным является: **1)** многократное выражение субъекта поздравления в тексте поздравления (через местоимение или личное окончание), что рассматривалось автором как проявление эгоцентризма, поддерживаемого говорением о себе – чувстве, испытываемым говорящим по отношению к адресату; **2)** наличие обращений, свидетельствующих о включении адресата в ближний круг (*родная, любимый*); **3)** характерный объект пожеланий, отражающий ценности культуры: *здоровье, счастье, любовь*; **4)** частое использование выражения *от души*, коррелирующее с признанием ду-

ши ключевым понятием русской культуры; **5)** использование повелительного наклонения с частицей *пусть* в пожеланиях. (*Пусть не будет у тебя несчастья*). Побуждение в таком случае адресовано некоторой безличной силе, способной выполнить желаемое, адресат при таком пожелании предстает пассивным получателем даров (бенефициантом); **6)** безграничный оптимизм пожеланий, в которых жизнь мыслится как полоса ничем не омрачаемого счастья (*Пусть счастье Вас не покидает, здоровье пусть не убывает; Пусть дни вашей жизни текут безмятежно, пусть счастье сверкает, как солнечный луч*). Ритуализованность такого текста, особая синтаксическая форма императивного (или оптативного?) предложения с частицей *пусть* побуждала автора увидеть его близость к жанру заклинаний, что подтверждало близость поздравлений к фольклорным жанрам. С другой стороны, здесь можно усмотреть отражение той неактивности носителей русской культуры, которая побуждает их видеть источник исполнения пожеланий не в человеке-деятеле, а в некоей могущественной и безличной силе.

В польских текстах, рассмотренных автором, практически не встречалось слова *pogratulowac* (*поздравлять*). Если говорить о ценностях, которые являются объектом пожелания в польских текстах, то они несколько отличаются от русских, как и от немецких. «Здоровье», «счастье», «любовь» – ценности совпадающие. *Улыбки, смех, мечта* – слова, реже встречающиеся как в русских поздравлениях, так и в немецких. В поздравлениях создается атмосфера некоторой фамильярности, семейственной близости, в общем-то, не требующей изысканных этикетных форм – так ощущает тональность этих поздравлений носитель русской культуры (автор говорит о своих ощущениях и ощущениях своих коллег, познакомившихся на этапе написания статьи с анализируемыми текстами). Можно сказать, что в польских текстах проскальзывает любовь к удовольствиям – ее коррелятом является частое употребление слова *sladkiy*: *Bądź słodkiutka jak szarlotka* (*будь сладкой, как шарлотка*). Частица *niech* (*пусть*) также встречается в польских текстах (*niech życie słodko płynie*), однако гораздо реже, чем в русских, что лишает их заклинательного характера русских поздравлений.

В немецких поздравительных текстах автор отметил **1)** значительно меньшую встречаемость самого глагола *gratulieren* (*поздравлять*), через личное окончание которого говорящий обозначает себя; **2)** они адресованы не безличной силе, а человеку-

деятелю, которому желают мужества (*Mut*) и силы, для того чтобы исполнить задуманное и через год, в следующий день рождения, подвести итоги прожитого и с удовлетворением осознать, что все было сделано правильно; **3)** немецкие тексты, таким образом, обращают внимание адресата назад, побуждая окинуть мысленным взором прошедший год – в противоположность русским текстам, которые смотрят только вперед. Возможно, анализ немецких поздравлений позволяет подтвердить мысль о германском практицизме, сосредоточенности на переживаемом моменте как черте национального характера, противопоставляемой в историографии славянской веселости и легкомыслию [3 : 217–218].

В данной статье мы попытаемся сравнить поздравительные тексты трех культур, связанные с появлением в семье новорожденного. Возможно, они подтвердят воспроизводимость черт, приписанных нами проявлениям национального способа мышления в создании текстов соответствующего жанра, или откроют новые стороны сценариев мышления в культуре. Автор предупреждает, что им сделана только попытка осмысления данного жанра, базирующаяся на небольшом количестве просмотренных сайтов, однако и она может задать начальную точку для более подобных исследований аналогичных жанров.

Итак, **русские сайты** содержат как анонимные тексты, так и тексты, где указано авторство. Рассмотрим их в одном ряду, хотя следует отметить, что авторские тексты гораздо менее лаконичны. Заслуживает внимания тот факт, что русские поздравительные интернет-тексты чаще носят стихотворный характер (в отличие, напр., от польских). Видимо, рифма призвана отделить текст от повседневных высказываний, придав ему особый торжественный характер: *Ребенку вашему здоровья / Удачи и всех благ желаем! / С рождением его сегодня / Мы все семейство поздравляем!* (playcast.ru/view/2304603/...).

Отметим адресованность поздравления одновременно и ребенку, и семье (при этом адресаты обозначены не местоимением, когда люди разговаривают друг с другом [4 : 136], а существительными), что создает ощущение некоторой дистанции между адресатом и адресантом, поскольку адресат не представлен как непосредственный участник диалогического общения. Адресант находит здесь свое выражение в личном окончании глагола первого лица. Ценности культуры обозначены сразу – *здоровье, удача, благо*. Об удаче как одном и

ключевых слов автору не раз доводилось писать: оно означает ценность счастливого случая, не связанного с усилиями субъекта по достижению цели, что в целом коррелирует с отмечаемой А. Вежбицкой некоторой пассивностью носителей русской культуры, их надеждой на не зависящее от них стечение обстоятельств [5].

Поздравляем от души / Вас с рождением ребенка, Пусть он вырастет большим, Пусть смеется / звонко-звонко, / Счастлив будет пусть всегда, А болеет – крайне редко, Ну, а вырастет когда – Будет вам опорой крепкой! (pozdravlandia.ru).

Этот текст адресован родителям, которые выступают как непосредственные участники коммуникации, благодаря местоимению *Вас*. Пожелание счастья, смеха как его проявления, здоровья осуществляется через повелительное наклонение с частицей *пусть* – и здесь побуждение адресовано безличной силе, способной осуществить желаемое. Выражение *пусть он вырастет большим* оставляет двоякое чувство – то ли речь идет о высоком росте появившегося на свет существа, который он приобретет в будущем, то ли о возрасте – в таком случае подобное пожелание имплицитно подразумевает возможность того, что этого может и не случиться. Обратим внимание на **мотив опоры**, которой должно стать в будущем появившееся дитя – этот мотив повторяется достаточно часто в русских поздравительных текстах (следует отметить его уменьшение в текстах последнего времени):

В доме пусть опорой будет, стариков своих пусть любит. / Пусть он растет на радость, Опорой будет вам на старость (<http://datki.net/rozdravleniya-s-novorozhdennim/>); *У вас родился сын, Надежда и опора* (pozdravleniye.ucoz.ru/blog...s_novorozhdennym/1-0-17/ Пусть она растет всегда счастливой И опорой станет в трудный час (bezdatu.ru/newborn.html?start=3).

Трудный час или старость весьма часто мелькают в русских поздравительных текстах, что может соотноситься с типом культуры, где присутствует боязнь неопределенности (ср. параметры культуры по степени отношения к неопределенности [6]) и где от будущего не ждут подарков (русская судьба чаще сулит больше плохого, чем хорошего). *Ребенка подарили небеса, Пусть он растет на радость, Опорой будет вам на старость* (www.pozdrav.ru/nr2.shtml); */ И главное – пусть из этой крохи вырастет хороший человек, который на старость лет, станет вам прочной опорой /* (pozdrav.ru/novorozhdennomu/pozdravlenie-s-

rozhdeniem-rebenka.html); Поздравляю вас с рождением сына я сейчас, Пусть он будет самым милым же для вас. Продолженьем рода и опорой вашей (prikolyandia.ru/2693-pozdravleniya-s-novorozhdennym-synom.html).

Отмеченный в исследованных нами ранее текстах безграничный оптимизм относительно перспектив жизни новорожденного¹, присутствует и в текстах данного жанра: *Пусть ваш ребенок будет счастлив и здоров, Пусть не знает докторов. Чтоб верные друзья по жизни рядом шли, Чтоб горести и беды стороной обошли, И пусть никогда он не ведает грусти, скуки и тоску!* (<http://lovelyprazdnik.ru/pozdravleniy-s-novorozhdenim.html?layout=blog&start=30>).

Естественно, люди знают, что прожить жизнь совершенно безоблачно практически невозможно, тем более, если в культуре утверждается словами Достоевского, что человеку пострадать надобно. Поэтому такие тексты представляются мне семантически опустошенными, с одной стороны, а с другой – являют некоторую мечтательность национально-культурного способа мышления: человек, знающий беды, предполагает наличие трудного часа и в то же время полагает возможным безграничное безмятежное существование. Это пожелание, на мой взгляд, может вырастать от обратного: я это испытал и хочу, чтобы ваш ребенок этого не знал (по тому, что желается, можно составить список горестей, переживаемых носителями культуры).

Отметим в качестве особенности недостаточно частое использование слова *счастье* в таких текстах: ребенку желают быть счастливым, счастья желают взрослым. Почему? Возможно, счастье для носителя русского языка и культуры – категория взрослой жизни, оно есть нечто большее, чем просто сумма слагаемых ценностей: мы вам желаем всей душой *любви, здоровья, счастья* – нечто, что существует само по себе и вместе с тем недостаточно определено по со-

¹ Возможно, этот оптимизм объясняется мнением некоторых исследователей о том, что в русской традиционной культуре «феномен счастья существует как концепт судьбы... Счастье-судьба выступает как эманация Абсолютного начала, выражающаяся в форме задаваемых условий и возможностей бытия. В ней приоритетно жизненное начало, доминирование позитивного мировоззрения... Счастье в традиционной культуре выражает себя через эмоцию счастья-радости, укорененного в сознании этноса в многочисленных формах несокрушимого оптимизма, веры-надежды, христианской благодати, веселости, юморе, разрушающих стереотип отсутствия в русской культуре позитивного мировоззрения» [7].

держанию. Мыслясь часто как отсутствие несчастий², взрослое русское счастье может актуализироваться в поздравительных текстах и потому, что носители культуры знают о том, какие трудности связаны со взрослым существованием в отличие от детского, представляющегося им чаще безоблачным. Пожелания *быть счастливым* относят это состояние к будущему, создают временную перспективу для его осуществления (когда ребенок вырастет), в то время как формула *желаю счастья* не означает откладывания этого состояния на прекрасное далеко.

К вопросу о русском счастье мы еще вернемся в конце статьи, когда, анализируя тексты немецкой культуры, увидим всеобъемлющий и самодостаточный характер немецкого Glück.

Наряду с отмеченным несокрушимым оптимизмом русских текстов можно отметить еще одну черту анализируемых поздравлений: пожелание, чтобы ребенок был лучше всех, чтобы он стал предметом гордости для родителей:

Пусть же счастье умножится ваше, Будет ребенок всех лучше и краше! / Чтобы вырос ваш пацан лучше всех, на радость нам! (<http://lovelyprazdnik.ru/pozdravleniy-s-novorozhdenim.html?layout=blog&start=30>); *Пусть ваш малыш растет здоровым, Счастливым, радостным, веселым. Пусть крепнет он из года в год, И пусть гордится им народ / Будет умным, добрым самым – Вы мечтали о таком! Пусть гордятся мама с папой замечательным сыном!* (statuso.ru/kak-pozdravite-roditeley-s-rozhdeniem/) *Умным, смелым пусть растет, помощником родителям! И по жизни пусть идет только победителем!*

Возможно, здесь следует говорить не только о реализации базовой потребности в самоуважении и признании со стороны других, но и о чувстве исключительности, отмечаемом некоторыми культурологами в качестве стереотипа русской ментальности [8] и отражаемом здесь на личностном уровне.

Нужно сказать, что авторские поздравительные тексты сегодня нередко включают элемент сакральности, присущий, по мнению их создателей, появлению ребенка: *Ребенок – это истинное чудо, Которое и вам Господь явил, Ребенок – это радости повсюду, Желаем, чтоб малыш счастливым был!* (Мария Солдатова) / *Ребенок вам сегодня улыбнулся, Ребенка вам сегодня дал*

² «Счастье нужно рассматривать только в связи с несчастьем. И путем «отсечения» несчастий человек может увидеть, счастлив ли он» (<http://www.d-fakti.lv/ru/blog/9215/article/49613/>).

Господь (Наталья Ляшенко) / *Свершилось таинство рожденья, Родился первый ваш малыш, Мы вам приносим поздравленья, Молитвы за него возносим ввысь* (Юлия Струк). Очевидно, оживление религиозного начала в современной русской культуре вызывает к жизни соответствующие образы. Справедливости ради следует отметить, что авторами текстов, включающих имя Господа, являются, как правило, женщины, что коррелирует с наблюдениями социальных психологов о большей акцентуации религиозного чувства у женщин: В сознании мужчин и женщин происходит различная акцентуация религиозного чувства и религиозного поведения. Религиозное поведение более ярко выражено у женщин, их религиозность обрядна, ведь отождествление права назвать себя верующей у них происходит с выполнением определенного комплекса религиозных традиций и правил [9].

Подведем итог краткого очерка русских поздравительных текстов, связанных с рождением ребенка: 1) говорящий четко обозначен личным глаголом; 2) адресат – родители, новорожденный чаще исключается из числа непосредственных коммуникантов; 3) преобладают стихотворные тексты; 4) пожелания выражены главным образом повелительным наклонением с частицей *пусть* – при таком выражении исполнение желания не мыслится зависимым от воли субъекта; 5) в пожеланиях (*здоровье, счастье, радость для родителей*) сложность жизнь не представлена: согласно пожеланиям жизнь можно прожить без каких-либо трудностей; 6) ребенок мыслится как опора родителям в старости или в трудный час; 7) ребенок должен быть самым.... В целом дух поздравлений, адресованных молодым родителям, близок духу русских взрослых поздравительных текстов, прежде всего, выраженностью говорящего, адресованностью побуждений безличной силе (*пусть*) и безграничным оптимизмом, проявляющимся в том, что говорящий игнорирует сложность бытия, полагая возможным ничем не омраченное счастье. По словам М. В. Лапухиной, русская культура в данном случае выступает как амбивалентная ценность. С одной стороны, за ней закрепился устойчивый стереотип отсутствия счастья как базового аспекта мировоззрения. С другой – аналитика корпуса традиционных воззрений, совокупно представленных системой мифо-религиозных верований, нравственными нормами, фольклорным материалом, книжной культурой, в полной мере развенчивает это [7]. Здесь можно добавить, что и поздравительные тексты вносят свою лепту в развенчание мифа о

ценности страдания в народной русской культуре. Вместе с тем поздравления, адресованные молодым родителям, открывают новый аспект мыслительных сценариев бытия, не отмеченный нами для взрослых поздравлений: в трудный час нужна опора, и ребенок мыслится как такая опора в старости. Носитель русской культуры и здесь заглядывает вперед, и это будущее уже не представляется ему безоблачным.

Особенность русских поздравительных текстов анализируемого жанра высвечивается ярче в сравнении с подобными текстами других культур, обращение к которым помогает осознать как универсальность, так и национальную специфику сценариев мысли, воплощаемой в рамках данного жанра.

Рассмотрим польские «*Życzenia na Narodziny Dziecka*» (<http://zyczeniaaurodziny.com.pl/zyczenia/na-narodziny-dziecka>).

*Dla całej Waszej rodziny serdeczne gratulacje z okazji pojawienia się na świecie nowej istoty. Abyście w nowym składzie stanowili zawsze szczęśliwą i zgodną rodzinę. Najserdeczniejsze życzenia zdrowia, miłości, ciepła i wyrozumiałości.*¹

Отметим сразу гораздо более официальный стиль прозаического поздравления, где указан повод создания текста: *z okazji pojawienia się na świecie nowej istoty*. Эта формула (*z okazji* – по поводу) встречается весьма часто, что не отмечалось для русских поздравлений названного жанра. На польских сайтах есть и стихотворные поздравления, однако они менее многочисленны по сравнению с русскими текстами.

*Z okazji narodzin Waszego Maleństwa, które napełniło Wasz dom radosnym gwarem i ruchem, życzymy mu beztroskiego i zdrowego dzieciństwa, a wszystkim Wam – odkrywania nowych uroków wspólnego życia./ Dużo szczęścia i zdrowia dla Maleńkiej Istotki, która właśnie przyszła na świat oraz gratulacje dla Młodych Rodziców.*² (<http://www.iwoman.pl/zyczenia/zyczenia-na-narodziny-dziecka.html>).

¹ По поводу появления на свет нового существа приносим поздравления всей вашей семье. Чтобы в новом составе в вашей семье царили счастье и согласие. Самые сердечные пожелания здоровья, любви, тепла и терпения.

² По поводу рождения вашего малыша, наполнившего дом радостным ритмом и движением, желаем ему беззаботного и здорового детства, а всем вам – открытия новых прелестей совместной жизни/Много счастья и здоровья для маленького существа, которое пришло на свет, а также поздравления молодым родителям/ сердечные поздравления по поводу появления на свет нового существа.

Приведенные тексты позволяют говорить как о большей клишированности их по сравнению с русскими текстами (повторяющиеся этикетные формулы), так и о большей «резвости» пожеланий, адресованных как семье, так и непосредственно новорожденному (*życzymy tu*), обозначаемому часто местоимением третьего лица, а не существительным, как это было в русских текстах (*ребенок*). Так, семье (*rodzine*) желают счастья, лада, здоровья, любви, тепла и терпения. Вот это пожелание – **терпения** – говорит о более реалистичном взгляде на семейную жизнь и воспитание детей. Малышу желают беззаботного и здорового детства (*beztróskiego i zdrowego dzieciństwa*), при этом особо подчеркивается сам факт появления на свет нового существа:

Dużo szczęścia i zdrowia dla Maleńkiej Istotki, która właśnie przyszła na świat (много счастья и здоровья для маленького существа. пришедшего на свет) / serdeczne gratulacje z okazji pojawienia się na świecie nowej istoty (сердечные поздравления по поводу появления на свет нового существа).

Интересно использование существительного *istota*, которое может быть переведено на русский язык и как *существо*, и как *творение, создание*. В русских текстах чаще используется слово *малыш, ребенок*; возможно, автор достаточно субъективно судит о смыслах, коннотируемых польским словом, но ему как носителю русского языка представляется, что *ребенок* (или *малыш*) в большей степени отчужден от мира взрослых, чем *живое существо* или *творение* – последнее слово вызывает в сознании носителя русского языка представление о божественном начале случившегося. Возможно, в силу того что появившееся существо мыслится как полноценный член общества (*Nowej obywatelce świata niech życie z róż się upłata – для новой гражданки мира пусть жизнь будет устлана розами*), пожелания могут быть адресованы непосредственно новорожденному: *W dniu Twojego przyjścia na świat życzymy Ci, aby każda łza w Twoim życiu była łzą szczęścia, a uśmiech Twój zjednywał wszystkie wokół serca.*¹ Здесь нельзя не отметить еще одной черты – пожелания создать некое человеческое единство, вызвать симпатию у других. Бросается в глаза установка на совместность, общность, чего, как нам кажется, не было в русских текстах. Так, например,

¹ В день твоего прихода на свет желаем, чтобы каждая твоя слеза была слезою счастья, а смех твой отзывался во всех сердцах.

родителям желают открывать новые прелести совместной жизни (*odkrywania nowych uroków wspólnego życia*). В целом беглый обзор польских «*Życzeń*» побуждает автора думать, что этот жанр отличается от жанра польских взрослых поздравлений – большей официальностью, клишированностью и, если можно так выразиться, серьезностью, вызванной осознанием значимости происшедшего (появлением на свет нового существа). От русских текстов польские отличаются наличием этикетной формулы (*Z okazji narodzin*), вовлечением новорожденного в круг непосредственных адресатов, иным способом именования новорожденного, меньшим разнообразием пожеланий малышу (в основном желают беззаботного, здорового детства и счастья) и его родителям: здесь акцент делается на семейных ценностях, укрепляемых рождением ребенка. Говорящий выражен в очень незначительной степени: этикетные формулы: *сердечные поздравления, сердечные пожелания, много счастья для...* – позволяют избежать обнаружения адресанта. В польских текстах отсутствуют пожелания, аналогичные русским императивным высказываниям с частицей *пусть*, где императив адресован безличной и безликой силе.

В немецких текстах данного жанра (<http://www.sprueche-und-uensche.de/geburt/glueckwuensche-zur-geburt/>) говорящий обычно выражен, однако в несколько меньшей степени, чем в русских: *möchten wir Euch alles Gute wünschen (хотим пожелать всего доброго) / Wir wünschen Euch und Eurem Kinde (мы желаем Вам и вашему дитя) / wir gratulieren recht herzlich (мы поздравляем от чистого сердца) / Wir freuen uns mit Euch (мы радуемся вместе с Вами)*; часто такие тексты содержат поздравление или пожелание, не открывающее говорящего: *Herzliche Glückwünsche zur Geburt (сердечное пожелание счастья к рождению...); Gratulation zu Eurem süßen Fratz (поздравления вашему сладкому продолжателю рода); Herzliche Glückwünsche zum freudigen Ereignis von... (сердечные поздравления к радостному событию); Gratulation zur kleinen Tochter! (поздравления маленькой дочери).*

Выше мы говорили об утопическом характере русских пожеланий, представляющих жизнь как ничем не омраченное бытие, в котором сливаются многие составляющие. В немецких текстах встречаются упоминания об ожидаемых трудностях и пожелания с достоинством их переносить: *Kinder sind nicht nur kleine Elfen Eltern sein – oh, schöne Bürde! Wir wünschen euch, tragt sie mit*

Würde.¹ Говоря о текстах, созданных по поводу юбилеев, мы отмечали взгляд в прошлое, пожелание юбиляру, подводя итог прожитого, оставаться довольным им. В текстах, адресованных новорожденному, разумеется, таких пожеланий быть не может. Тем не менее, можно усмотреть некоторую ретроспективность и в этих текстах: так здесь может быть выражено удовлетворение по поводу того, что событие (роды) прошло хорошо, или подчеркивается ожидание события (*Nach neun Monaten Wartezeit ist es nun soweit – после девяти месяцев ожидания это наконец-то позади*), исполнявшаяся мечта, что, в общем, равносильно взгляду в прошлое: *Glückwunsch zum erfüllten Traum!* (пожелания счастья по поводу исполнения мечты)

Немецкие пожелания менее разнообразны по характеру желаемых вещей, поскольку в большей степени клишированы; эта клишированность сводится к единой формуле: пожеланию **счастья**. Тексты-поздравления так и называются: **сердечные пожелания счастья**. Каждое немецкое поздравление без преувеличения содержит слова *sчастье* или *радость*: *Zum freudigen Ereignis liebe Wünsche für Eltern und Kind. Glück und Fröhlichkeit sollen Euch für immer begleiten*.² Счастье и радость мыслятся не как желательные, зависимые от чьей-то безличной силы, как в русских текстах (*пусть....*), а как должные сопровождать родившегося человека.

Пожелание адресовано обычно родителям, часто обозначаемым вторым лицом, что создает ощущение непосредственной коммуникации. Однако и ребенок не исключается из числа коммуникантов: *Zum freudigen Ereignis liebe Wünsche für Eltern und Kind* (по поводу радостного события милые пожелания для родителей и ребенка) / *Herzliche Glückwünsche zur Geburt der/des kleinen* (Name einfügen – имя вставить) – имя новорожденного часто включается в пожелания, чего нет в русских текстах. И все-таки то, что отличает русский текст от немецкого, – это единообразие последнего в отношении главной ценности – счастья, не дополняемого, как правило, сопровождающими ценностями. Здесь счастье предстает базовой ценностью, исключающей (или включающей) все другие блага. *Радость и счастье* – вот доминанта

¹ Дети – не только маленькие эльфы, и мы желаем родителям с достоинством нести их прекрасный груз.

² По поводу радостного события пожелания с любовью для родителей и ребенка. Счастье и радость должны повсюду сопровождать Вас.

немецких пожеланий. Здесь все лаконично, примерно так, как в русской песне: **мы желаем счастья вам...** – и эта лаконичность устраняет русскую безмерность желаемых благ, создающую впечатление утопичности желаемого. Как ни парадоксально, но на фоне немецкой тональности поздравительных текстов, русские тексты кажутся исполненными меньшей радостности, хотя бы потому, что в них реже встречаются слова *радость* и *счастье*. Немецкие адресанты делят чувства с новоиспеченными родителями, и оттого счастливых людей становится как будто больше. Возникает закономерный вопрос о русском и немецком счастье, что, очевидно, предполагает отсылку к протестантской и православной этике. В русской культуре традиционно страдание полагается базовой ценностью, счастье же, если исходить из пословиц и поговорок, не слишком известно носителю русской культуры: *Наше счастье – решето дырявое*. Интересно, что сайты с русскими пословицами о счастье содержат в большом количестве выражения, содержащие слово *беда*: *Беда на беде и бедой погоняет* (<http://пословица-поговорка.рф/poslovicy/poslovicy-o-schaste>). Немецкие же пословицы о счастье весьма многочисленны. Как отмечает И. Г. Колиева, многие немецкие идиомы не имеют русских эквивалентов – существуют непересекающиеся смысловые подгруппы: нем. большое счастье опасно и русское счастье в несчастье отражают, по мнению исследователя, национально-культурную специфику в интерпретации феномена счастья [10 : 109]. Очевидно, такое различие в интерпретации связано с особенностями религиозного сознания: протестантизм предстает религией счастья на земле, в то время как другие христианские конфессии видят в земной жизни обитель печали и страдания. Интересно толкование Нагорной проповеди пастором Калифорнийской церкви Благодати Макартуром, заменяющим в речи Христа слово *блаженны* (блаженны плачущие, блаженны гонимые..., блаженны миротворцы и т.д.) синонимичным на его взгляд, словом *счастливы* [11]. И знаменитая проповедь, по Макарту, оказывается проповедью счастья.

Подведем некоторые итоги. На фоне текстов немецкой и польской культур русские тексты оказываются более свободными по своей форме, менее жестко ритуализованными (см. [12]), их отличает большая выраженность говорящего, отсутствие упоминания о сложных моментах воспитания детей, которые в поздравительных русских текстах в меньшей степени, чем в польских и немецких, являются адресатами пожела-

ний. Не детям, а родителям адресованы эти тексты, родителям, для которых дети должны стать опорой в трудный час и доставить гордость своей исключительностью. Разумеется, переходя на почву другого языка, необходимо владеть обрядовыми речевыми жанрами, поскольку ситуации, вызывающие их к жизни, при всей своей символической торжественности, весьма повседневны. Но за такими достаточно ритуализованными жанрами скрывается большее – черта национальной культуры, национального сценария мышления о бытии. Проведенный весьма беглый анализ позволяет сделать первоначальное предположение о том, что русские поздравительные тексты, написанные как по поводу юбилеев, так и по поводу появления в семье новорожденного, являют большую близость, чем тесты немецкие или польские. Возможно, это связано с тем, что в русской культуре в рамках обоих жанров адресатами мыслятся взрослые получатели текста, а дети воспринимаются как не обладающие статусом полноценного коммуниканта и гражданина. Из этого вывода должен следовать и другой – об ином взгляде на отношения между взрослыми и детьми в русской культуре, однако автор опасается без должной проверки (опросов, анкетирования) даже приближаться к этой мысли. Но вот потребность счастья, содержание которого так и остается неопределенным для носителя русской культуры, и проглядывающая в таких текстах тревога за завтрашний день, в котором потребуются опора, представляются автору отличительными чертами анализируемого русского поздравительного жанра, коррелирующими с амбивалентным характером загадочной русской души.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лассан Э. Интернет-поздравления как явление национальной культуры // *Стилистика завтрашнего дня* : сб. ст. к 80-летию проф. Г. Я. Солганика. Москва : Медиа. Мир, 2012. С. 151–167.
2. Лассан Э. Культурные сценарии мышления и этикетные интернет-жанры (об интернет-поздравлениях в четырех культурах) // *Respectus Philologicus*, 2012, no. 22 (27). С. 21–36.
3. Лескинен М. В. Стереотип веселого поляка в описаниях польского национального характера эпохи просвещения и романтизма // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011. Вып. 2 (1). С. 216–223.
4. Розенток-Хюсси О. Речь и действительность. М. : Лабиринт, 1994. 210 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.

6. Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. 2nd. ed., McGraw-Hill USA, 2005. 300 p.

7. Лапучина М. В. Аналитика счастья в русской культуре. URL: <http://www.dissercat.com/content/analitika-sushchnosti-schastya-v-russkoi-traditsionnoikulture#ixzz3pE2cMz00> (дата обращения: 03.11.2015).

8. Сергеева А. С. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : Наука ; Флинта, 2004. 319 с.

9. Эфендиева В. Поэтическая религиозность русских поэтов-эмигрантов (по страницам харбинской лирики). URL: <http://www.portalcredo.ru/site/?act=lib&id=1780> (дата обращения: 09.11.2015).

10. Колева И. Г. Концепты *Glück* и *счастье* в немецком и русском языковом сознании // *Вестник Костромского ун-та им. Н. А. Некрасова*. Кострома, 2007. Том 13. Вып. 4. С. 107–110.

11. Макартур Дж. Счастье – это... URL: <http://horoshoe.info/taxonomy/term/213> (дата обращения: 10.11.2015).

12. Дементьев В. В. Персонологическая генеристика // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов : ИЦ Наука, 2011. С. 5–23.

REFERENCES

1. Lassan E. Internet-pozdravljenija kak javlenije nacionalnoj kulture [Internet congratulations as a phenomenon of national culture]. *Stilistika zavtrasnego dnia: sb. st. k 80-letiju prof. G. Ya. Solganika* [The style of tomorrow: collection of articles on the 80th anniversary of Professor G. Solganik]. Moscow, 2012, pp. 151–167.
2. Lassan E. Kulturnyje scenario myslenija I etiketnyje internet-zhanry (ob internet-pozdravljenijach v chetyrech kulturach) [The cultural scenario thinking and etiquette internet genres (about internet congratulations to the four cultures)]. *Respectus Philologicus*, 2012, no. 22 (27), pp. 21–36.
3. Leskinen M. V. Stereotip «vesiologo poliaka» v opisaniu polskogo nacionalnogo charaktera epochi prosvescenija i romantizma [The stereotype of the merry Pole in the descriptions of the Polish national character of the Enlightenment and Romanticism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky]. 2011, iss. 2 (1), pp. 216–223.
4. Rozenstock-Huessy O. *Rech' i dejstvitel'nost'* [Speech and Reality]. Moscow, 1994, 210 p.
5. Werzbicka Anna. *Jazyk. Kultura. Poznanije* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 416 p.
6. Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. 2nd. ed., McGraw-Hill USA, 2005. 300 p.
7. Lapuchina M. V. *Analitika schastjav v russkoj kulture*. Available at: <http://www.dissercat.com/content/analitika-sushchnosti-schastya-v-russkoi-traditsionnoikulture#ixzz3pE2cMz00> (accessed 03 November 2015).

8. Sergejeva S.S. *Russkie: stereotipy povedeniâ, traditsii, mental'nost* [Russian behavior patterns, traditions and mentality]. Moscow, 2004. 319 p.

9. Efendijeva V. *Poeticeskaja religioznost' russkich poetess-emigrantok* (po stranicam charbinskoj liriki) [Russian poetesses poetic religious workers (through the pages of Harbin lyrics)]. Available at <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1780> (accessed 09 November 2015).

10. Koliyeva I. G. *Koncepty Glück i schastje v nemeckom i russkom jazykovom soznanii* [Concepts Glück and happiness in German and Russian language

consciousness]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma University n.a. Nekrasov]. Kostroma, 2007, iss. 4, vol. 13, pp.107–110.

11. Makartur Dz. *Scastje – eto...* [Happiness is...]. Available at: <http://horoshoe.info/taxonomy/term/213> (accessed 11 November 2015).

12. Dementyev V. V. *Personologicheskaja genistika* [Personological genistika]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss.7. Saratov, 2011, pp. 5–23.

Статья поступила в редакцию 15.11.2015.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'38'42
ББК 81.2Рус-5

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

ОТ МАСТЕРСТВА ЖАНРОВЕДА К
ОТКРЫТИЯМ В ЛИНГВИСТИКЕ ТЕКСТА:

рецензия на книгу З. Я. Тураевой
От мастерства писателя к открытиям читателя:
в поисках сущности текста
(М.: ЛЕНАНД, 2016. 144 с.)

FROM THE MASTERY OF A SPEECH GENRE
RESEARCHER TO DISCOVERIES
IN TEXT LINGUISTICS

Book Review: Turaeva Z. Ya. *From the writer's
mastery to the reader's discoveries: In search of the
essence of the text.* Moscow: LENAND, 2016. 144 p.

Аннотация. Рецензия представляет читателю новую книгу З. Я. Тураевой, посвященную базовым лингвистическим и общегуманитарным категориям текст и культура в свете новых исследовательских приоритетов XXI века. Обсуждаются широкий круг вопросов, сложившихся в науке о тексте на рубеже XX-XXI веков: модели связного текста, лингвистическая демагогия и лингвистика лжи, адресат и этнопсихологические особенности адресованности текста, интертекстуальность, особенности художественного текста, а также постструктурализм в лингвистике как постмодернистское явление. Предлагаемые ответы на эти вопросы позволяют лингвистике текста продвинуться вперед в объяснении сущности текста как принципиально важного фактора культуры, намечают перспективы дальнейшего развития гуманитарного знания.

Ключевые слова: лингвистика, текст, культура, интертекстуальность, художественный текст, речевой жанр.

Abstract. This review presents a new book on the fundamental categories of «text» and «culture» as they emerge among the research priorities of humanities and linguistics in the beginning of the 21st century. Authored by Z. Ya. Turaeva, this book discusses a wide scope of problems that were in the focus of linguistic research at the turn of the millennium. These problems range from text models to linguistic demagoguery and linguistics of lies; from the text addressee and ethno-psychological features of addressing the text to intertextuality; from specific features of a literary text to poststructuralism in linguistics viewed as a «post-modernist» phenomenon. Discussions and analyses of these problems propel linguistics towards deeper insights into the essence of the text as a major factor of culture. The book outlines the prospects for further development of humanities.

Key words: linguistics, text, culture, intertextuality, literary text, speech genre.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Среди большого количества современных монографий, учебных пособий по лингвистике текста, которая, как хорошо известно специалистам – жанроведам и нежанроведам, – активно взаимодействует с теорией жанров речи, рецензируемая монография З. Я. Тураевой занимает особое место. Не много найдется работ в данной предметной области, представляющих даже не столько единую авторскую концепцию (хотя и такие работы по-настоящему редки и всегда имеют очень большую ценность), сколько, скорее, авторскую концепцию по лингвистике текста в динамике, начиная с работ 1993 г. (1993 годом датирована первая переизданная статья З. Я. Тураевой, вошедшая в кни-

гу; если же говорить об идеях З. Я. Тураевой, обсуждаемых в главах книги, и работах, ссылки на которые приводятся, имеется в виду значительно более ранний период). Несомненно, лингвистика текста как таковая менялась вместе с данной концепцией, поскольку З. Я. Тураева стояла у истоков лингвистики текста в период, когда формировались и разрабатывались наиболее принципиальные положения данной предметной области, и именно З. Я. Тураева во многом определила дальнейшее ее развитие – стоит назвать хотя бы концептуальную статью Лингвистика текста и категория модальности в журнале «Вопросы языкознания» (№ 3 за 1994 г.).

Эти работы З. Я. Тураевой открывают монографию, одновременно создавая теоретическую плоскость для решения более частных проблем (частных ни в коем случае не в негативном смысле – см. ниже).

Названная теоретическая плоскость складывается из основательного и систематического обсуждения таких принципиальных вопросов лингвистики текста, как модели связного текста (статические, динамические, структурные, стратегические модели, развитие которых в лингвистике текста во многом и способствовало сближению данной предметной области с теорией жанров речи – как практическому, так и концептуальному), лингвистическая демагогия и лингвистика лжи, этнопсихологические особенности адресованности текста, адресат (тоже, прежде всего, с позиций этнопсихологии: как воплощение культуры и этноса), интертекстуальность.

Думается, вполне закономерно, что решение этих проблем лингвистики текста выводит автора на гораздо более общие лингвистические и находящиеся далеко за пределами лингвистики гуманитарные проблемы, такие как образ науки и культуры на рубеже тысячелетий. Обсуждая данный образ, автор оправданно много внимания уделяет постмодернизму как общекультурному и наднациональному явлению. Применительно к лингвистике автор упоминает такое постмодернистское явление, как постструктурализм, при этом предостерегает как от постмодернистского отношения к истине (что вполне естественно), так и от излишне прямолинейного противопоставления постструктурализма его предшественнику – структурализму (в частности французскому).

Чрезвычайно интересные главы монографии посвящены, так сказать, тому, что наиболее соответствует личным интересам автора. Здесь лингвистика текста выступает, прежде всего, в своем эстетическом преломлении: рассматриваются художественные тексты, прежде всего поэтические: Шекспир, Анн-Мари Мак Дональд (писатель-шекспировед), Цветаева, наконец, такое оригинальное произведение, как Краткий китайско-английский словарь для возлюбленных. Несомненно, анализ реального (художественного) речевого материала – сильная часть творчества З. Я. Тураевой, которая обогащает художественную стилистику, художественную лингвистику текста и художественную теорию жанров речи целым рядом чрезвычайно интересных наблюдений и обобщений. Не имея возможности подробно пересказывать книгу, упомяну лишь несколько таких вещей, обсуждаемых З. Я. Тураевой:

амбивалентность важнейших шекспировских идей и сюжетов, перенесенных в иную эпоху (глава Путешествия с Шекспиром), размышления о взаимодействующих двух – английском и китайском – ландшафтах языка и ландшафтах взаимодействия с любимым человеком (глава Язык и когнитивная картина мира: «Краткий китайско-английский словарь для возлюбленных»).

Отдельные главы монографии посвящены очень актуальным (даже злободневным) проблемам, таким как когнитивные аспекты билингвизма эмигрантов (русский язык в диаспоре), особенности формирования и трансформации различных культурных, коммуникативных, в том числе текстовых, компетенций (они рассмотрены на обширном, оригинальном и очень ярком материале).

Наконец, автор переходит от теоретической деятельности ученого к деятельности учебной, а жанр монографии гармонично перетекает в учебное пособие, включая в свою структуру даже задания и упражнения для студентов, что безусловно представляет особую ценность в современном бытовании лингвистики текста как научной, так и учебной дисциплины.

Остановимся на этом подробнее.

В том, что касается обучения лингвистике текста, методикам соответствующего анализа текстового материала, а говоря вообще – при разработке соответствующих учебных пособий и прикладных программ сегодня наблюдается несколько парадоксальная картина. Уже отмеченное выше большое количество чрезвычайно разнообразных и, несомненно, интересных и полезных (полезных как преподавателям-практикам, составителям соответствующих программ, прикладных курсов, так и, естественно, студентам, обучающимся, всем заинтересованным неопитам) учебных пособий по лингвистике текста начинает не помогать, а мешать.

Все дело в отсутствии единой обобщающей или хотя бы общепринятой теоретической плоскости.

В этом отношении особенно ценными, конечно, становятся такие учебные пособия по лингвистике текста, которые представляют собой практические продолжения соответствующих разработанных теоретических концепций. И, естественно, пособие оказывается тем удачнее, чем более цельная, завершенная теория лежит в его основе.

И с этой точки зрения рецензируемая книга З. Я. Тураевой особенно выигрывает: с одной стороны, как уже говорилось, имя З. Я. Тураевой, ее многолетняя научная деятельность в области лингвистики текста хорошо известны специалистам, многие поло-

жения З. Я. Тураевой легли в основу последующих разработок, тем самым неразрывно связаны с многими современными (в том числе речежанровыми) концепциями. С другой стороны, и анализ практического материала, чрезвычайно разнообразного и всегда ярко, убедительно, с любовью подобранного и точно так же с любовью прокомментированного, – несомненно сильная сторона ее творчества (и не менее широко известна). Книга позволяет читателю, опираясь на эти две составляющие творчества З. Я. Тураевой, вспоминая, а в чем-то и уточняя уже известные ему теоретические положения ученого, познакомиться с З. Я. Тураевой-преподавателем.

Конечно, нельзя объять необъятное.

Вряд ли следует – и кто-то вознамерится – всерьез упрекать автора такой книги за то, что она не учла того-то и того-то, что меньше, чем, по мнению того или иного рецензента, внимания уделила тому-то и тому-то: автор и не ставила задачи сказать всё, а каждого автора, по Пушкину, надо судить по тем законам, которые он сам признает над собой.

И все же не могу не выразить легкого сожаления, что хотя бы отечественную теорию жанров речи, развиваемую в целом ряде направлений (отчасти отражаемых и в этом журнале), автор могла бы учесть.

Так, например, проблемы связности и модальности текста, которым автор уделяет много внимания, с учетом наработок теории жанров речи, думается, могли бы решаться и последовательнее, и точнее.

С другой стороны, Бахтин упоминается автором в контексте современного иногда

чрезмерно постмодернистского отношения к истине и необходимости преодоления такого отношения фактически только в литературоведческой и общепhilosophической части его творческого наследия (полифония романа, вечный диалог) (с. 91, 95), но не речежанровой, хотя именно данная составляющая его наследия является одним из наиболее надежных переходных мостков от общепhilosophических бахтинских идей (того же диалога) к, с одной стороны, формальному (индуктивному) лингвистическому анализу, с другой – этнонациональной специфике языка и речи (национальный набор жанров речи).

А читателю XXI века, не чуждому лингвистики текста, может показаться нелогичным, почему не получили освещения такие заметные в современной жизни текстовые феномены, как гипертекст, креолизованный текст, интернет-общение.

Напоследок хочу отметить, в сущности, забавную, но одновременно, представляется, символическую вещь: издательство URSS датировало книгу 2016 годом (по неизвестным нам причинам), и в результате получилось как будто бы нелогично: в номере журнала за 2015 год дана рецензия на книгу, вышедшую в 2016. Но это, на наш взгляд, и хорошо: мы действительно спешим познакомиться с книгой Зинаиды Яковлевны всех, кто еще не успел этого сделать, а идеи автора, высказанные в прошлые годы, будут, несомненно, востребованы в будущем – и в 2016, которым датирована книга, и позже, способствуя дальнейшему развитию и лингвистики текста, и теории речевых жанров.

Статья поступила в редакцию 23.11.2015.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный журнал Жанры речи издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств издателя.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи до 1 июня и 1 декабря каждого года.

Материалы присылаются в электронном варианте в виде приложения к письму-заявке с персональными данными (ФИО, место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон и электронный адрес). Каждая статья должна быть в отдельном файле.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные **на русском и английском языках**.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

фамилия, имя, отчество автора полностью (указываются все авторы);

должность, звание, ученая степень;

полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы (если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора);

подразделение организации;

контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. ИНФОРМАЦИЯ О ГРАНТАХ, В РАМКАХ КОТОРЫХ ВЫПОЛНЕНА РАБОТА

6. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

УДК, ББК и/или ГРНТИ;

либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Требуемый шрифт – Times New Roman, размер: 14 pt – основной текст, 12 pt – список литературы, подписанные подписи, тексты таблиц и т.п., через 1 интервал, абзац 1,25 см, все поля по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать 10 страниц, включая примечания и литературу (не более 30 000 знаков с учетом пробелов).

Речевые иллюстрации набираются курсивом, выделения делаются жирным шрифтом.

Сноски следует давать в сквозной нумерации внизу страницы.

Ссылка на источник фактического материала оформляется следующими способами: (В. Пелевин. Желтая стрела), (АиФ. 2009. № 5.), (Первый канал. Вести. 07.08.2009), (<http://demotivators.to/p/759951/pes-tyi-moi-uspokoitelnyie-ne-videl.htm>).

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

В случае цитирования чужих фрагментов текста обязательно указание на источник.

Статья должна быть структурирована: включать введение и заключение; текст основной части статьи должен быть разбит на разделы.

Обращаем внимание авторов на то, что в журнале большая часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, **должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации**.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Поэтому каждая статья, публикуемая в журнале Жанры речи, должна иметь **два** пристатейных списка литературы: с оригинальными (русскими) названиями и латинскими. Латинская вер-

knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html (дата обращения: 20.11.2013).

REFERENCES

1. Kibrik A. E. *Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam yazykoznavaniya* [Essays on General and Applied Problems of Linguistics]. Moscow, 1992. 336 p.

2. Mustajoki A. Zhanry rechi i riski komunikativnykh neudach [Speech genres and risks of communicative failures]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 120–141.

3. Kozhina M. N. *Problema specifiki i sistemnosti funkcionalnyh stiley rechi* [The specifics and system of functional speech styles. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. 253 p.

4. Kaufer D. S. Irony, form of interpretation and the theory of meaning. *Collection of translations Literary memoires*. Ed. by M. Głowiński. Gdańsk, 2002, pp. 67–85.

5. Kanturova M. A. *Derivatsionnyye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsepta)* [Derivational processes in the speech genres (for example, the speech genre of cooking recipe). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Novosibirsk, 2012. 26 p.

6. Gorin S. V. *Motiv vospominaniya v rannej lirike K. D. Bal'monta* (The motif of memories in the early lyric by K. D. Balmont). Available at: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (accessed 20 November 2013).

Обращаем внимание авторов на то, что **объем аннотации** к статье в Международном журнале принято делать больше, чем в российских изданиях: обычно он составляет около половины страницы текста.

На каждую поступившую в редакцию журнала статью назначаются два анонимных **рецензента** из числа российских и зарубежных докторов наук, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить проблемность, актуальность и оригинальность работы, научную качественность и язык, а затем сделать окончательное заключение о судьбе статьи (принять, принять с доработкой, отказать) и написать краткое обоснование / комментарий. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи. При этом редакционная коллегия журнала ответственна за то, чтобы автор статьи **ни при каких обстоятельствах** не узнал имени рецензентов. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или не оформленные в соответствии с вышеперечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.